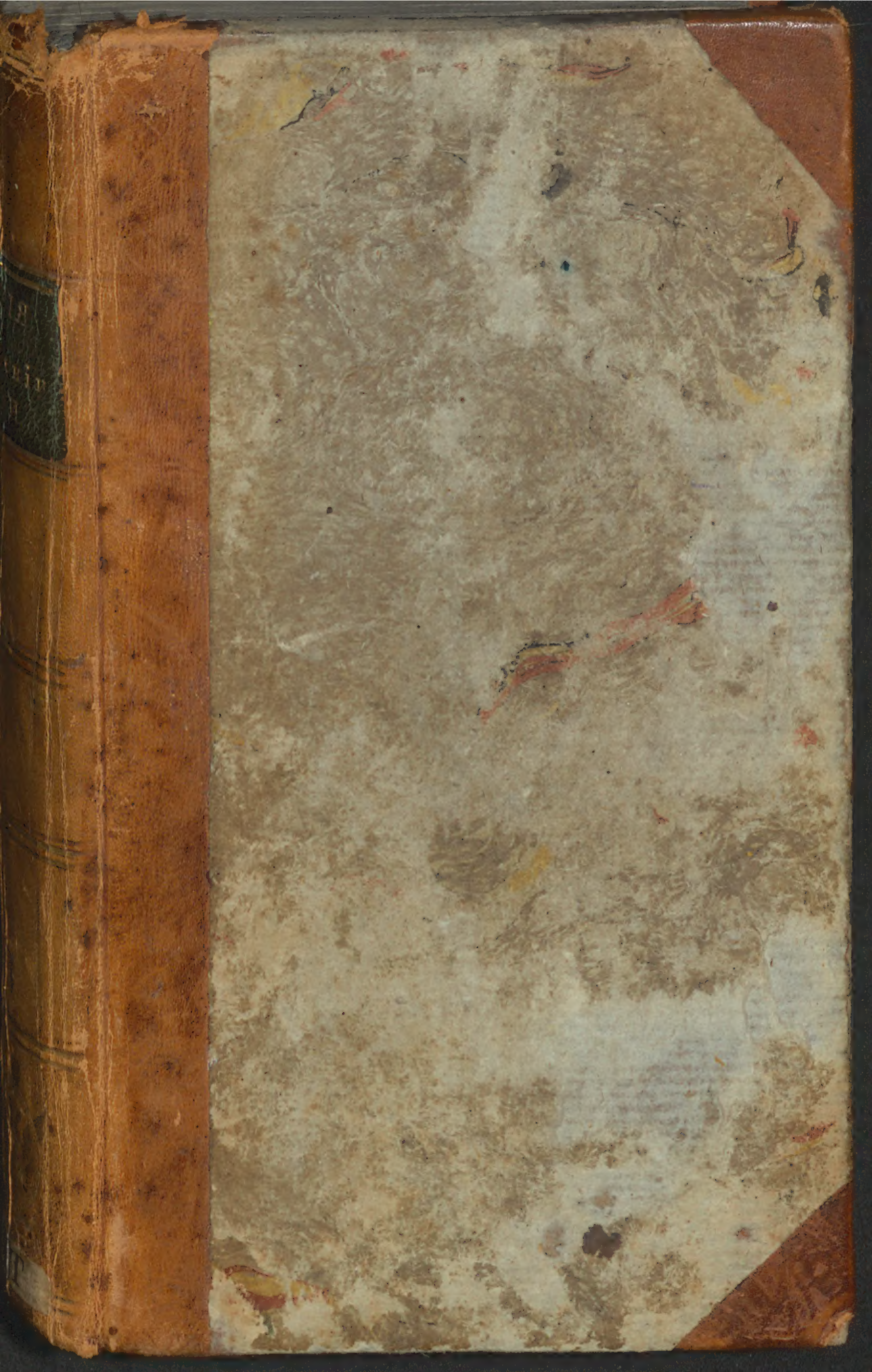
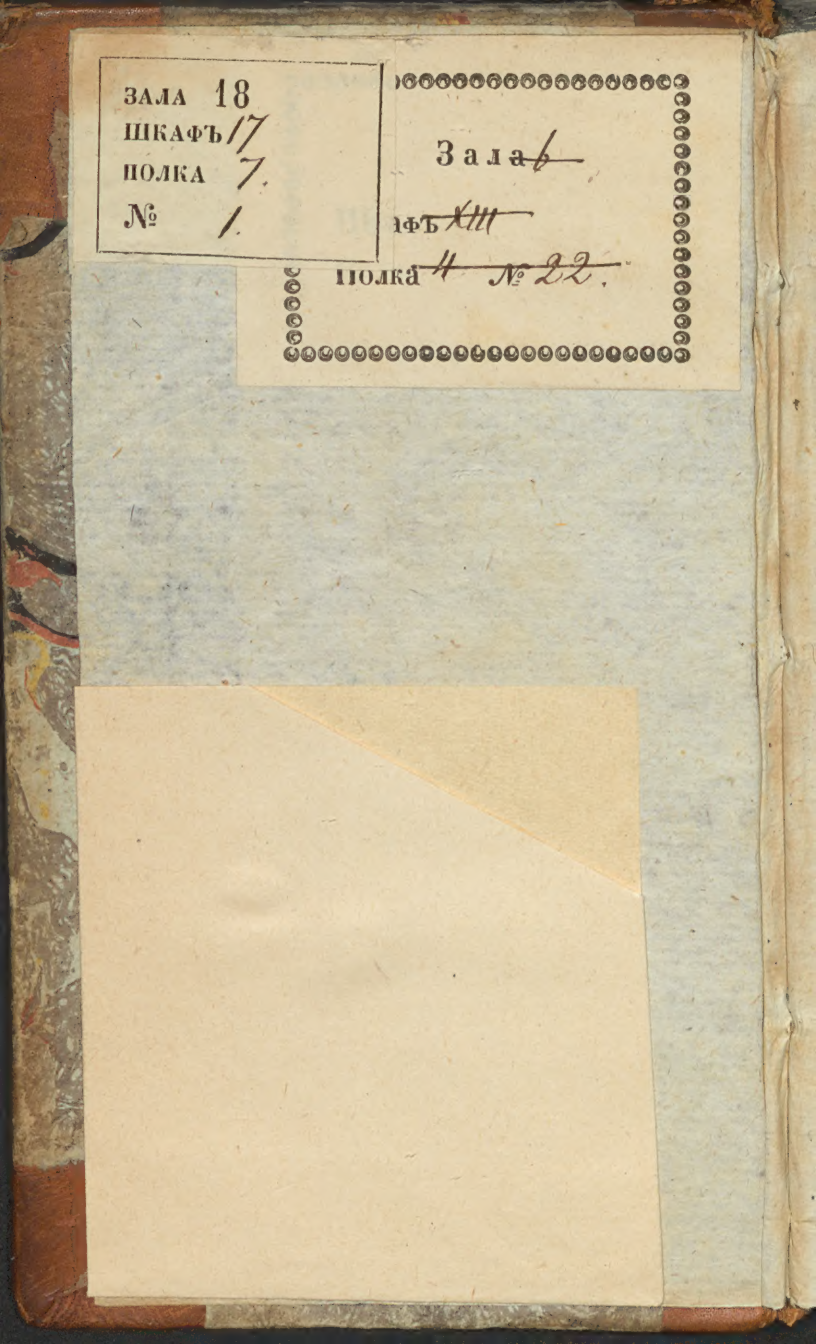



ЗАЛА 18
ШКАФЪ 17
ПОЛКА 7.
№ 1.
Зала 6
афъ XIII
Полка 4 № 22.

ИСТОРІЯ

о

РАЗОРЕНІИ

ТРОИ,

столичнаго града

ФРИГІЙСКАГО ЦАРСТВА,

изъ

РАЗНЫХЪ ДРЕВНИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

собранная,

противъ перьваго изданія седьмымъ тисненіемъ напечатана.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1791 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ сей исторіи содержится описаніе о раззореніи града Трои Фригійскаго Царства, и о созданіи его, и о великихъ ополчительныхъ бранѣхъ, како ратовашася о ней Царіе и Князи вселенныя; и чего ради толико и таковое царство Троянскихъ державцовъ низвержеся, и въ поле запустѣнія положися всеконечнымъ разореніемъ; и которые паки Царіе и Князи ратоваша оную, и кои ополчахуся за ню, и колико время ратовахуся, и кто отъ нихъ на брани паде, и коимъ оружіемъ, и чьимъ пораженіемъ; вся сія здѣ подробну описуются.

Писаша же ю перьвые Историки, Дитъ Грекъ, и Фригій Дарій, истинніи свидѣтели ополченіямъ Троянскимъ, зане они сами бяху на бранѣхъ списатели и самовидцы быв-

шему въ сложеніи дѣлъ своихъ. Сего ради право и написаша ю.

По томъ же въ различныя времена Гомеръ, Виргилій, и Овидій Соломенскій кождо ихъ написаша ю, но не истинно; многія бо въ нихъ несогласія и басни обрѣтошася; наипаче же Овидій Соломенскій баснословно зѣло написа; ибо введе боги, ихъ же почиташе древнее Еллинство, помогающія Грекомъ, воюющимъ Троянъ, и съ ними бывшія на брани, яко живые человѣки, и иная многая тамо баснословиша. А сія истинная и правая исторія Дитомъ Грекомъ написана.

Имена Царемъ и Князѣмъ, кто отъ кого побїени суть.

Гекторъ уби Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя Боетеса, Царя Артилога, Царя Протенора, Царя Умероса, Царя Ортонома, Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Динора, Царя Ѳилиса, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, Царя Гастида, Царя Политена, Царя Леохида.

Парисъ уби Царя Ѳатрїйскаго, Царя Артилога, и Ахиллеса, и Паламида, Греческаго воеводу, и Царя Аякса. Аяксъ же уби того Париса, зане оба между собою отъ ранъ падоша.

Енея уби Анѳимака Царя, и Царя Нерея.

Полидамъ уби Царя Селида, и Царя Мерея.

Ахиллесъ же уби Царя Сузимїя, Царя Иппона, Царя Феба, Царя Аустера, Царя Логина, и Гектора, и Троила, и Царя Мемнона.

Паламидъ же уби Сигамона, брата Царя Мемнона, и Деиѳеба, сына Царя Прїяма, и Царя Сарпедона.

Пирръ же уби Царя Пріяма, и Царицу Панпазалею.

Діомидъ же уби Царя Ксантиппа, и стрѣльца дивнаго вида, иже въ низъ бѣ конь, а вверьхъ человѣкъ.

Троя великая создася въ лѣто Аода судіи Израилева, и стояше лѣтъ сто, и осмьдесятъ.

А конечнымъ раззореніемъ паде въ лѣта Давида, Царя Израилева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ЦАРѢ ПЕЛЕИ, ПРИВОДЯЩЕМЪ ЯСОНА, ДА ПОШЛЕТСЯ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО.

Въ царствѣ Ѳессалїйскомъ, егоже жители Мирмядоняне нарицахуся, царствоваше Царь нѣкїй благороденъ и правдивъ, именемъ Пелей, съ супругою своею Царицею Ѳетидою, отъ ихъ же супружества произыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, именемъ Ахиллесъ, иже послѣди на Троянстѣй брани чудная мужества храбростїю силъ своихъ показа, и въ храбрости паче прочихъ прослави подвигомъ военачалїя своего. Отецъ же его Царь Пелей имѣ у себе брата старѣйша себе, именемъ Язона прежде его царствующа царствїемъ державы Ѳессалїйскїя, иже долголѣтнымъ своимъ пребыванїемъ зѣло состарѣвся, и крѣпцѣ изнеможе, и отъ великїя оныя старости очи ему омрачистася. И сего ради правленїю царства Ѳессалїйскаго бысть неключимъ; и великимъ недоумѣ-

нїемъ одержимъ, и болѣзньми многими отягчеваемъ, отдаде правленїя своего скипетръ Пилею, брату своему; вручилъ же ему, яко присному брату, и сына своего. Имяше бо Царь онъ сына у себе, именемъ Язона, зѣло во отроческихъ лѣтахъ, и наказа о немъ прилѣжно Пелея, брата своего, предъ всѣмъ синклитомъ и предъ граждани своими, да попеченїе преискренне покажетъ о воспитанїи юнаго. И егда, рече, приспѣетъ отроча въ возрастъ юношества своего, да предастъ ему царство Ѳессалїйское, яко истинному наслѣднику. Царь же Пелей обѣщася сотворити тако, и клятвами яко же узами себе связа, еже соблюсти царство Ѳессалїйское, и предати оное сыну его. Тогда Царь Язонъ старый вѣнча Пелея брата своего на царство Ѳессалїйское. И прїемъ юнаго своего сына, и плакався вельми предаде его брату сво-

ему. Самъ же не по множѣхъ днехъ умре, и плачъ великъ по себѣ остави Мирмядоняномъ. Царь же Пелей по смерти его нача велїе попеченїе и прїязнь имѣти о сынѣ его Язонѣ, поминая обѣщанїе свое и союзъ присвоенїя, милуя вельми дѣтскїй возрастъ его: имяше бо въ чести велицѣй, яко сына своего любезнаго и преискренняго, донелѣже онъ младъ бяше. А егда же приспѣ въ возрастъ юношества своего, бысть мужъ вельми храбръ и силенъ, смѣлъ же и мужественъ, къ тому же и преимѣющъ своею красотою надъ всѣми по премногу сїяше, еще же свѣтлодушенъ бяше, и великодаровитъ ко всѣмъ являшеся, и добротою нрава всѣхъ повинуя къ себѣ, и вси людїе вельми любляху его, и не меньши Царя Пелея во всемъ почиташа Язона. Царь же Пелей видѣвъ его отъ всѣхъ любима и великопочитаема, внутреннею завистїю скорбяше нань,

помышляя абїе власти своея отпаденїе, и царства Өессалїйскаго лишенїе. И сего ради ненавистну мысль зачатъ на Язона, лицемѣрїемъ же честь и любовь къ нему показуя, въ сердцѣ же своемъ сокровенъ имяше ядъ зависти, хотя лукавствомъ погубити его, но бояшеся народа, зане вельми любляше Язона. Язонъ же Царя Пелея вельми любляше и предпочиташе, яко преискренняго отца. Онъ же ненавидяше его яко истиннаго врага, и прилѣжно о томъ поучашеся, пути многїя изыскуя, како бы могъ погубити его безъ срамоты своего поползновенїя.

Въ то же время слуху такову раздавшуся по всей вселенной, яко есть за границами царства Троянскаго островъ нѣкїй великъ и красенъ, въ немъ же царствуя живяше Царь нѣкїй благороденъ и богатъ, именемъ Оетесъ. Противу же сего острова другїй бяше островъ малъ,

именемъ Колхида, мало гребїю отстоящъ отъ великаго острова. На семъ островѣ Колхидѣ живяше нѣкїй овенъ, его же руно все бѣ злато. Стояше же той овенъ въ великихъ волшебныхъ устроенїяхъ, поставленъ за стреженїемь бога Арриса; къ сему же приставлени бѣша волы нѣкїя, пламени огненныя отрыгающе. И хотящему коему отъ человѣкъ онаго златоруннаго овна имѣти, съ тѣми волы надлежало братися, и побѣдивши ихъ подъ иго работы понудити, и землю ону, на нейже волы оны бяху, изорати. И сицевая аще сотворитъ, ко иному подвигу абїе мужественнѣ да ополчится. Еще бо имать змїя нѣкоего чешуею грозна, пламенемъ огненнымъ дыхающа, и съ нимъ брань спустивши убити его подобаетъ, и отъ челюстей зубы его извлещи, и посѣяти на предреченной земли отъ воловъ изоранной, и отъ сего

сѣмени, еже есть отъ зубовъ зміевыхъ, плодъ абіе израстетъ, зане скоро вооруженніи нѣцыи воини отъ земли родятся, и между себе брань дивну сотворятъ, и сами себе погубятъ. Сими убо бѣдственными пагубами а не иными стезями можашеся имѣти златое руно. И въ сихъ хотящимъ братися Царь Оетесъ свободенъ даяше приходъ ко златорунному оному исканію всякому приходящему, зане самъ всячески получити его не возможе. Тогда отъ всѣхъ странъ прихождаху къ нему Князи и вельможи, и сынове ихъ многою храбростію свѣтліи воини, хотяще имѣти себѣ онаго златоруннаго овна, и не возмогоша; и не сокровищное угодіе себѣ снискаша, но конечнаго убійства претыканіе взыскаша, и лютѣ погибоша ничтоже получивше.

Да яко убо Царя Пелея слухъ дойде о семъ, иже долго желаше по-

губленія Язонова, на то воздвиже сердце и духъ прилѣжно внемля, яко сею виною паче можетъ погубити безъ срамоты своего поползновенія. Призвавъ убо его къ себѣ, и сицевыми словесы начатъ увѣщавати его, глаголя: О прелюбезный и дражайшій Язоне! пресвѣтлый и благородный сыне мой, вѣсть бо благородіе твое, яко азъ тя по наказанію отца твоего любезно воспитахъ, яко истиннаго и любезнаго своего сына, поминая родственную любовь союза братска, юже имѣхъ ко благородному отцу твоему и къ тебѣ щадя юность благородія твоего: нощію бо и днію не даяхъ покоя духу моему, яко да достойна и свѣтла самодержца покажу тя царству Ѳессалійскому, тѣмъ же и не погрѣшихъ надежды, якоже непщую, ниже отпадохъ желаемаго ми намѣренія, но вся сія якоже азъ желахъ, сбышамися благострой-

нѣ, и сего ради попремногу веселяхся красуяся, яко сицева дивна сподобихся воспитавъ наказати тя премудрѣ, и нынѣ ты, вселюбезнѣйшій, достиглъ еси въ возрастъ юношества своего и уже воинъ храбрый и чудный быти показуешися, сіяя отвсюду премудростію и благородіемъ паче прочихъ человѣкъ, и свойственно есть благородному, искати чести и хвалы къ повышенію благородія своего, такожде и храброму во ополчителныхъ подвигахъ обучати себе, и мудрому же подобаетъ съ прилѣжнымъ опасеніемъ разсмотряти и разсуждати полезная. Тѣмъ бо паче утверждается и благородіе, и укрѣпляется храбрость. Зримъ же нынѣ во единой особѣ благородія твоего вся сія свѣтлая имства, мудрость же, и благородіе, и храбрость вкупѣ соединены. И сего ради молю благородіе твое, да не облѣнишися послушати мя,

яко отца; полезная совѣщаю ти, яко да направиши себе въ путь подвига ко златорунному поисканію, и крѣпцѣ да потщишися сіе удивительное сокровище во свое царствіе привести. И аще сицевая чудная сотвориши, то помысли, вселюбезный и дражайшій сыне, яко удивити имаши подвигомъ своимъ всю вселенную, и по завѣщанію отца твоего свѣтлый Царь царству Ѳессалійскому явишися, сіяя чудно сею побѣдою. Азъ бо извѣстно вѣмъ, яко мощно ти сицевая совершити, аще покажеши мнѣ усердное и благопослушливое свое изволеніе. Сицевая же и ина многа Царь Пелей изрече, яко же нѣкій льстивый ловецъ, лукавыми словесы своими, аки многоплетенными мрежами отвсюду объемъ улови юношу, предложивъ ему смертный убійства ядъ, медомъ краснословій отвсюду услажденъ.

Язонъ же помраченныя лъсти Царя Пелея, стрыя своего, отнюдъ не разумѣ, и толикихъ пагубъ во златорунномъ исканіи ничто же вѣдый, любезно обѣщася повелѣніе его совершити. Царь же Пелей вельми возвеселися о семъ, чая извѣстно совершити симъ погубленіе Язону. Вскорѣ убо повелѣваетъ уготовляти корабль, и украшати его лѣпотнѣ обычаемъ царскимъ. Уготовлену же бывшу кораблю, и вложену въ него всякихъ царскихъ сокровищъ и брашенъ довольству, ихъ же вина плаваніе прошаше, и егда сія совершишася, тогда Язонъ пріемъ отъ Царя Пелея отпущеніе, весело входитъ въ корабль. Мнози же юноши многою храбростію красновидныя съ нимъ входятъ въ него: въ нихъ же бѣ мужъ воистинну сильнѣйшій и крѣпкій Геркулесъ Князь, родися [яко же глаголютъ о немъ] отъ Зевеса и Алкмены,

Амфитрїоновы жены. И сей убо Геркулесъ во свое время многихъ исполиновъ изгуби, и на рукахъ своихъ подъемъ нестерпима величества крѣпчайшаго сокруши Антефума, и ина многая чудная доблести и мужества показа: его же Еллини сихъ ради обезумившася, богомъ быти нарекоша, Иракліемъ того именующе. Вшедшимъ же имъ въ корабль, исходятъ абїе изъ пристанища, и пути своего емлются. Вѣтру же вѣющу имъ поспѣшну, не по многихъ днехъ Троянскаго царства дойдоша, и весело входятъ во оно пристанище, и вметавше якори сташа, и исходятъ радующеся на брегъ, и шатры своя изнесше на земли поставиша, и отъ прилежащихъ ту источниковъ воды чистыя почерпаху и веселяхуся, и пребываніе ту умыслиша себѣ сотворити на дни нѣкія, яко да плавающія отъ бѣдъ морскихъ прохлажденіе

и отдохновеніе пріимутъ, и ко прочему пути крѣпцы и благодушни будутъ.

Трояне же видяще корабль онъ во украшеніи царстѣмъ, такожде и шатеръ оный, въ немъ же Язонъ пребываше, во устроеніи сущъ царстѣмъ вельми украшенъ стояше. Къ тому же и языкъ Греческій, Трояномъ незнаемый, слышаще зѣло удивишася, како безъ повелѣнія и воли Царя Троянскаго Грекове толику дерзость сотвориша ставше своевольнѣ въ пристанищѣ его, и со тщаніемъ абіе во градъ возвратившеся, Царю своему возвѣстиша. Царь же Лаомедонтъ егда слыша таковая возвѣщенія, возмутися духомъ, и ярости и гнѣва вельми наполнися, въ безчестіе себѣ и въ досаду велику вмѣнивъ быти толикое Греческое дерзновеніе, къ тому же еще возмнѣвъ, и ко граду своему отъ нихъ быти тайное нѣкое умышленное

злоумнѣ ловительство. Посла своего абїе посылаетъ ко Грекомъ, повелѣваетъ рещи имъ, яко да безъ всякаго укосненїя отъ земли его отъидутъ. Аще ли же преслушаютъ тя, прещенїемъ ратнаго ополченїя и смертнаго убїйства да запретиши имъ. Посолъ же егда сїя услыша, абїе на путь препоясася и ко Грекомъ отыде, и пришедъ въ станъ ихъ, въ шатеръ Язоновъ вниде, посольства своего вину повѣдуетъ сими словесы. Царь Лаомедонтъ, Троянскаго царства господь, о пришествїи вашемъ зѣло чудится. Почто въ землю его внидосте отъ него свободы не воспрїявъ, его же есть царская мысль, въ мирѣ любитъ царствїе свое защищати? Вы же въ толику гордость высокоумїя вознесшеся, возмутисте духъ его, оскудѣнїемъ премудрости и разума вашего недостаткомъ безчестїе благородїю его царскому наносяще; и

державу царствія его осрамляюще, сицевое безстудіе свое явивше въ земли чуждей тако дерзостнѣ и сице настоятельнѣ; повелѣваетъ вамъ, да не задержнѣ имате изъ земли его изыти. Аще ли же ни, то въ день утренній, аще ощутитъ повелѣнію его васъ быти презорливыхъ, повелитъ своимъ навреждені емъ вашей напасти, и васъ самихъ на конечное незгодіе погибели предастъ.

Егда же Язонъ посольство сіе слыша, весь гнѣвомъ разжжеся. Посланному сицевая словеса отвѣщевая, рече: друже! посольства твоего рѣчи добрѣ слышахомъ, и дары, яже отъ Царя твоего къ намъ посланныя, обычаемъ благородныхъ любезнѣ воспріяхомъ. Обаче же глаголемъ ти, опасно донеси Царю твоему о насъ возвѣщая, яко мы въ дальнія страны ѣхати мыслихомъ, нужда насъ въ сіе мѣсто мимошественнѣ уклонитися понуди. И аще

бы Царя вашего царское благородїе украшало, насъ бы подобало ему чествовати, зане аще бы его подобный случай самого во Грецїю привелъ, не бы толико безчестїе отъ насъ потерпѣлъ, но преимѣющу честь достойну благородїя своего воспрїялъ бы. Но понеже онъ того не восхотѣ, и вмѣсто благаго самъ себѣ злое избра, безчестїе наводя намъ, ничтоже предъ нимъ злое сотворшимъ, ниже бо мы къ царствїю его чѣмъ приразихомся, ниже благородїе его обезчестихомъ, ниже гражданъ его чѣмъ оскорбихомъ, ниже землю державы его чѣмъ опустошихомъ, но тако просто и яко же прилучися нападе на насъ толикимъ гнѣвомъ, и обилу дивну тобою днесь нанесе намъ. Всѣялъ самъ по изволенїю своему сѣмя злобы въ сердца наша, иже послѣди израститъ ему плодъ золъ во время свое, его же и неволею жати понудится: и аще

не нами, то инѣми нашими Греческими славными, иже настоящую сїю обиду нашу услышатъ. Не прибытки отъ сего прїобрящетъ Царь вашъ; но шкоды неизреченныя будетъ имѣти. Мы бо отъ земли его абїе отъидемъ, ничто же зла сотворивше ему, ниже безчестяще его, но сами безчестїе прїемше отъ него отходимъ, якоже и самъ внѣ зриши. И сїя рекъ Язонъ стоскнувся печалїю умолче.

Геркулесъ же словесы Язоновыми не удоволився, посланнику изливаетъ сїя словеса: друже! кто ты ни буди, рцы убо царю твоему, что мы въ день завтрешнїй весьма отъ земли его отыдемъ, но будущаго третїяго лѣта день сей не пройдетъ, онъ же насъ узритъ, аще живъ будетъ. Хощетъ или не хощетъ, якори вметавше станемъ въ семъ пристанищи, о немъ же нынѣ прещенїемъ ярости своея воспре-

тилъ намъ. Тогда же о данной намъ отхожденія свободѣ не будетъ ему совершенна воля, насъ отъ бреговъ своихъ отринути. Въ то бо время поля града сего мертвецы Троянскими настлани будутъ. Князи бо ваши, и воеводы, и воины мечемъ свирѣпымъ умертвятся. Прочіи же въ плѣнъ и въ работу во Грецію отведены будутъ, и тамо изомрутъ работающе въ земли чуждей, и самъ Царь вашъ, который началъ дѣло сіе, бѣднѣ на той брани животъ свой испровержетъ, и славный сей градъ его до конца грабленіемъ испразднится, и высокія стѣны его и стрѣльницы до основанія разметаны будутъ; да научатся къ тому Троянстіи Царіе чужихъ не вредити, благородіе ихъ осрамляюще толикимъ безчестіемъ, ему же ты самъ вина и свидѣтель достовѣренъ. И сія изрекъ Геркулесъ умолче; и тако посолъ пріемъ отъ нихъ отпущеніе, возвратися ко Царю своему.

Язонъ же абіе по отшествіи посла Троянскаго повелѣ шатры и прочія вещи, изнесенныя на брегъ покоя ради, паки на корабль носити, и по томъ сами возшедше, и вѣтрила распростерше, въ путь свой поидоша, и по многи дни плавающе къ царствію Оетеса Царя во блазѣй цѣлости здрави приходятъ. Егда же Оетесу Царю пріиде слухъ о пришествіи Грековъ, зѣло возвеселися о нихъ, и абіе повелѣ благороднымъ своимъ на брегъ моря изыти и честно пріяти ихъ. Прочему же воинству и народу повелѣ изыти во срѣтеніе ихъ съ тимпаны и органы, съ трубами же и гусльми, и со прочими орудіи играній мусикійскихъ. Пришедшимъ же благороднымъ Оетесовымъ на брегъ къ кораблю Греческому, самъ Язонъ изыде къ нимъ. Они же падше поклонишася ему, и отъ лица Царева поздравленіе благородію его изре-

коша честнѣ. Язонъ же поклонися имъ, и о здравіи благородія царскаго, якоже лѣпо, любочестнѣ вопросилъ. По томъ же Язонъ въ царскомъ нарядѣ вельми украсився, на избранный свой конь всяде. Такожде и Геркулесъ въ чудномъ украшеніи на конь свой убрался; по томъ же и иніи благородніи и храбрыи Гречестіи лѣпотнѣ украсившеся, на кони своя всѣдоша, и во урядѣ чина своего кождо ихъ во слѣдъ Язона и Геркулеса благочинно поидоша градомъ къ палатамъ дому Царева Людіе же начаша гласити во многія трубы и органы и прочія мусикійскія игранія; и дивно бѣ видѣти Греческое пошествіе: граждане бо вельми дивляхуся красотѣ и храбрости Язоновой и Геркулесовой, и прочихъ Греческихъ благородныхъ и красновидныхъ юношей, стекахуся съ женами и съ дѣтьми видѣти бывшее, ходяще зѣло стѣсняеми.

Пришедшимъ же имъ къ дому Цареву, Царь Оетесъ отъ мѣста своего воставъ, Грекомъ во срѣтенiе во множествѣ благородныхъ изыде, и отъ палатъ своихъ на землю сниде. Язонъ же пришедъ поклонися Царю, и якоже есть, благородiе его предпочте; такожде и Царь поклонися ему, и объемъ цѣлова его любезнѣ, достойную честь воздая благородiю его. Такожде и Геркулеса достойною честiю почте, и прiемъ Язона за руку по лѣствицамъ во врата многихъ камеръ восходитъ. Пришедшимъ же имъ въ палату царскую, Царь Оетесъ сѣде на своемъ царскомъ мѣстѣ, и Язону подлѣ себе сѣсти повелѣ. Сѣдшимъ же имъ, Царь Оетесъ любочестнѣ вину пришествiя у Язона вопрошаетъ; Язонъ же воставъ отъ мѣста, Царю Оетесу сицевыми словесы возглагола: о пресвѣтлый и благородный Царю! аще повелитъ ми державное благо-

родїе твое полною свободою изыти ко златоруннаго овна исканїю, се есть вина пришествїя моего къ твоего благородїя величеству. Царь же тако отвѣща ему: о прелюбезный и благородный Язоне, пресвѣтлый и дражайшїй друже мой, буди о семъ воля твоя, якоже хощетъ благородїе твое, и никто же возбраняяй ти есть; азъ бо совершенну и всецѣлу волю радостно подаю изволенїю твоему: токмо нѣкая неудобства обрѣтаются въ златорунномъ ономъ исканїи, о нихъ же нынѣ неудобно намъ есть продолжити словесъ, но послѣди возвѣщу ти. Язонъ же поклонися Царю, и повелѣ ему Царь паки сѣсти на своемъ мѣстѣ; и абїе Царь повелѣ уготовляти рабомъ своимъ различная брашна и питїя, хотяше бо сотворити вечерю чудну и преславну Греческаго ради пришествїя. И паки повелѣ Царь во своемъ царскомъ дворѣ палату нѣ-

кую пречудну и позлащенну и мусї-
ею украшенну уготовати, и лѣпот-
нѣ украсити ко обитанїю Язонову,
да ту пребываетъ; Язонъ же паки
воставъ поклонися Царю.

О МЕДЕИ, КАКО ОТЦЕМЪ СВОИМЪ НА ОБѢДЪ ПОЗВАНА.

Уготовлену же бывшу брашну во множѣ изобилїи, настилаются стола, и поставленнымъ кубцемъ и чарамъ златымъ и сребрянымъ, належащу времяни ясти, Царь Оетесъ восхотѣ благородїя своего милость Грекомъ показати, по нѣкую дщерь свою посылаетъ, яко да прїидетъ весело праздновати обѣдъ съ новыми гостьми, ихъ же Царь во множѣ веселїи воспрїя. Бѣ бо Оетесу Царю дщи, именемъ Медея, красна сущи вельми и благородна, яже отъ отроческихъ лѣтъ всю себе издаде свободныхъ хитростей наказанїю, землемѣрїю же и астрологїи, и прочимъ хитрѣ научився; и еже пред-

разумѣвати будущая добрѣ вѣдящи; къ тому же въ чарованїяхъ и въ волшебныхъ хитростяхъ зѣло изучена бѣ, яже волшебными силами и чинми и заклинанїи чародѣйными свѣтъ обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводжаше, и блистанія, и громы, и страшныя землетрясенія; рѣчныя же быстрины кривыми мѣсты текущія вспять изліятися и наводнятися творяше; и паки въ лѣтней теплотѣ отъ древесъ листвіе отъимаше, и въ непогодіе бурное и въ зиму цвѣсти и плоды изводити понуждаше, и младыхъ человѣкъ творяше старыми, старыхъ же ко юношеской силѣ приводя. Сію вѣроваше древнее Еллинство богиню быти, такова бо бяше оная Медея, единородная дщи Царева, ейже отецъ ея прити къ себѣ повелѣ. Медея же повелѣніе Царево слышавъ, вельми украсися многоцѣнными ризами и царскими драгими утварьми, яко-

же обычай есть благороднымъ красоту прилагати къ красотѣ, и тако урядився благопристойнѣ къ возлежащимъ на трапезѣ во множествѣ дѣвъ благородныхъ пріиде, ейже Царь Оетесъ, отецъ ея, подлѣ себя сѣсти повелѣ. Послѣди таковымъ своимъ неразсмотрѣніемъ благородіе свое вельми оскорби, и сердцу своему печаль и тугу зѣльну нанесе, и всему царству своему срамоту велику и укоризну наведе, яже послѣди настоящая исторія изъявитъ.

И абіе обѣду скончавшуся, Медея повелѣніемъ отца своего воставъ, Царю отцу своему и Язону поклонися, такожде и Геркулесу, и во своя камеры отыде. Утру же бывшу Царь Оетесъ паки повелѣ пиръ великъ уготовляти, веселяся пришествію Язонову. И егда время обѣда приспѣ, паки по Медею посылаетъ, повелѣвая приити ей на обѣдъ. Она же въ чудномъ царскомъ нарядѣ зѣло украсився паче

перваго, прїиде въ палату царскую, и подлѣ отца своего сѣде, якоже и прежде. Веселящужеся Царю и гостемъ его на трапезѣ возлежащимъ съ нимъ, такожде и слугамъ царскимъ въ веселїи велицѣмъ предстоящимъ, егда вси людїе уже крѣпцѣ возвеселишася, Медея рече отцу своему: О пресвѣтлый и благородный отче мой, великїй Царю, аще повелитъ ми держава твоя, да возглаголю цѣломудреннѣ чиномъ дѣвическимъ, и да сотворю вопрошенїе къ Язону о семъ, съ которою онъ хитростїю ко златорунному исканїю помышленїе свое подвиже, и прїимъ отъ него отвѣтъ возмогу разумѣти, колико есть премудръ, мняся сопротивлятися власти бога Арриса. Ей же отецъ ея рече: глаголи, благороднѣйшая и пресвѣтлая дщи моя, якоже вѣси премудрѣ. Медея же мало помолчавъ, тако возглагола Язону, сыну Цареву: Язоне, да не

возненщуетъ благородїе твое начинанїе се, о немъ же глаголати хощу, ниже инъ нѣкїй безстудства видъ да напишетъ ми о семъ, яко азъ есмь дѣва, отроковица сущи царская, съ твоимъ же благородїемъ глаголати яко незнаема дерзнухъ; возвѣсти ми истину, о немъ же вопрошу тя: почто дерзнулъ еси себе вдати толикимъ явнымъ и пагубнымъ бѣдамъ, надѣяся на храбрость свою подвиглся еси искати златоруннаго овна? или не вѣси, любимиче, колики суть во златорунномъ семъ исканїи учинены смертныя погибели? которою хитростїю, молю тя, рцы ми, можеши сопротивитися власти бога Арриса? или коею мудростїю можеши превозмощи смертоносныхъ оныхъ воловъ, пламени огненныя отрыгающихъ? или паки которымъ художествомъ имаши на ужасныя плещи ихъ рало ярма работнаго

возложити, и понудити бразды провлачити? которою же ли храбростію ополчишися противу онаго великаго змія, чешуею грознаго, пламени огненныя дышущаго? Тѣмъ же милуя и щадя юность благородія твоего, цвѣтущую красотою толикою, и сіяющую царскимъ благородіемъ, глаголю ти: престани, Язоне, отъ таковаго несчастливаго случая, аще хощеши чинити мудрѣ, и не приступай къ смертному предѣлу, иже живота твоего цвѣтъ конечно отъиметъ. Язонъ же къ словесемъ Медеинымъ сице рече ей: о пресвѣтлая и благороднѣйшая госпоже! нынѣ ми простираеши великую бѣду, сія глаголя ужасити мя мыслиши, яко же непщую, и во всеконечное вложити отчаяніе, яко да ужаснувся престану отъ начатаго ми умышленія. Срамъ бо есть, госпоже великая, благородному, паче же храброму, не искусивъ подвига коего дѣломъ вещи отъ сло-

весъ единыхъ ужаситися и бѣжати? Да аще сїя сице имутъ, како же азъ могу сицевая сотворити? И аще сотворю се, яко же ты глаголеши ми, то уже которою особою могу притти во отечество мое, или которыма очима возрю на благороднаго возстрыя моего? коими ли усты возглаголю благороднымъ Греческимъ, или кое лице явлю ко всѣмъ Гражданомъ моимъ, яко не видѣхъ поля, ниже узрѣхъ ополченїя, повергохъ же орудїя моя, и бѣглецъ явихся? ни, госпоже моя; но лутче ми есть умрети въ земли чуждей, нежели съ толикимъ безчестїемъ возвратитися здраву и цѣлу во свое отечество. Къ нему же Медея тако рече: добрѣ, Язоне, и ясно уже нынѣ зрю тя, яко къ чудному сему златорунному подвигу, ино ничтоже имаши споспѣшествующее тебѣ, точїю едину храбрость, на ню же надѣяся въ пагубу явную самоизвольнѣ жи-

вотъ свой помещаеши; не вѣси бо, яко сей свѣтлый подвигъ храбростїю единою исправитися не можетъ, но подобаетъ ти съ храбростїю вкупѣ имѣти вѣденїе же и премудрость. Аще бо храбрость и свѣтло есть имство, кромѣ же мудрости неискусно есть и неутвержденно, и всюду зыблемо, и не похваляется отъ добрѣ вѣдящихъ. И сего ради паче азъ благородїю твоему желаю полезный предложити совѣтъ, яко да имъ отъ толикихъ бѣдъ совершенно избавишися, и здравъ во блазѣй цѣлости возвратитися имаши во свое отечество. Зане азъ едина есмь, яже добрѣ могу власти Аррисовы разрушити, и вся его хитрости и начинанїя властїю своею низложити хитростїю, и до конца разсыпати, и ни во что же обратити всеконечнѣ, твое же по истиннѣ щадя благородїе, понеже отвсюду зрю тя смертными бѣдами объята

суща, токмо аще самъ ты изволенїю моему покоришися. Ей же Язонъ тако рече: о пресвѣтлая и великая госпоже! все, еже ми повелитъ благородїе твое, радостно поистиннѣ и вседушно творити обѣщаюся, видѣвъ толику милость благосердїя твоего, яко обѣщаваешимися избавити мя отъ толикихъ моихъ пагубныхъ бѣдъ, хотящихъ абїе постигнути мя. Тѣмъ же и азъ изволенїю благородїя твоего готовъ есмь послѣдовати, и творити вся заповѣдуемая и повелѣваемая тобою. Тогда Медея рече ему: аще отвезеши мя во твое отечество; и аще вѣренъ будеши, еже не оставиши мя, донелѣже дыхаеши, азъ воистинну сотворю ти, что златаго овна онаго достигнеши, и съ побѣдою сею чудною здравъ во свое отечество возвратишися. Язонъ же обѣщася взяти ея себѣ въ жену, и клятвами страшными, яко же узами желѣзными, себе

связа, еже соблюсти ему къ ней вѣрность во вся дни живота своего.

О НАКАЗАНІИ МЕДЕИНѢ, НАКАЗУЮЩЕЙ ЯЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ.

Егда же Язонъ клятвами себе утверди; тогда Медея начатъ прилѣжнѣ наказовати Язона о златорунной оной брани. Даде ему перьвѣе образъ нѣкій златъ, глаголя въ немъ силу такову быти, что противу пламени вельми возмогаетъ. Паки даде ему тыкву мокроты нѣкія чудныя наполнену, яко да сію мокроту во уста воловъ вливаетъ частыми окропленьми, и до конца угаснетъ пламенное отъ нихъ испущеніе; самъ же перьвѣе да помажется ею. По томъ же даде ему нѣкій зеленаго камени перстень, наказуя его: егда, рече, пріидеши ко змію оному, тогда камень перстня сего предъ очима его да повержеши, и тако огнь престанетъ испущати,

и не пожжетъ тя. По томъ же мечемъ голымъ и своею храбростію крѣпцѣ уже да борешися съ нимъ. И егда вся сія совершиши, тогда ко оному себе да направиши, и не скоро да нападеши на него. Но помоляся молитвою трижды, и тако пріими его. И сице Медея крѣпцѣ наказавъ Язона, повтори наказаніе свое паки, да не забудетъ. Язонъ же пріятъ отъ Медеи наказаніе, удивися счастливому сему случаю.

О ВЗЯТІИ ЗЛАТОРУННАГО ОВНА.

Во утрій же день Язонъ ко Царю пріиде, и тако рече ему: о благородный и пресвѣтлый Царю! часъ ми есть изыти, аще повелитъ благородіе твое, ко златорунного овна взысканію. Ему же Царь Оетесъ сице рече: слыши, благородный и преславный Язоне, единожды бо изре-

кохъ благородїю твоему о семъ совершенную свободу и полную, яко же хощеши: никто же возбраняяй ти есть, но токмо, вселюбезный, возвѣщаю ти самую истинну, яко многїя во златорунномъ семъ исканїи устроены суть смертныя пагубы огненнаго естества дышущихъ воловъ, и ужаснаго онаго огнепальнаго змїя претительное стремленїе. Тѣмъ же вельми ужасаюся шуихъ случаевъ, да не твоего бы благородїя достоинство въ лютыхъ онѣхъ стремленїяхъ погибло. Тѣмъ же и неволею даю совѣтъ изволенїю твоему, иди здравствуяй на чудный подвигъ сей, и здравствуяй возвратися сѣмо, яко же азъ желаю. Язонъ же прїимъ отъ Царя совершенную свободу, всѣде на избранный конь свой, такожде и Геркулесъ, и прочїи Гречестїи, и благороднїи Князи и вельможи Царя Оетеса провождающе Язона. И

яко пріидоша на брегъ моря, Язонъ скоро съ коня сниде, и сотворивъ цѣлованіе со всѣми ими, абіе входитъ въ корабль веземъ съ собою рало со всѣмъ устроеніемъ его, и пустився отъ великаго острова во инъ островъ, нарицаемый Колхида, и скоро дойде его малою гребію. Язонъ же егда изыде на брегъ острова Колхиды, вскорѣ на ся оружіе облачи, и препоясася мечемъ своимъ, и копіе въ десницу свою пріимъ, другою же рукою по земли влекій рало со всѣмъ устроеніемъ его, и къ стражѣ овна путь восприія, и перьвѣе на колы воззрѣ, толь великія огненныя крѣпкія пламени дышуще, яко воздухъ весь и землю очервленяюще, и все мѣсто то огнемъ ярости объемлюще, да яко Язону никакоже мощно бѣ приступити зѣльныя ради теплоты страха, но Медеинымъ дѣйствомъ и добрыхъ ея наказаній не забы, лице свое и

шею и руки данною отъ Медеи мокротою помазавъ; образъ бо ему отъ нея данный на шею повѣсивъ пламени предложи, и нача съ волы онѣми крѣпцѣ брань творити, и тако пламеннымъ воловымъ огнедыханїемъ сгорѣ щитъ его отъ пламени, и копїе его огнемъ скончася. И поистиннѣ Язонъ животъ свой скончалъ бы отъ огня, аще не бы отъ Медеи данную мокроту частыми окропленїи во уста ихъ влїялъ; ейже влїяннѣй бывши дышущихъ воловъ уста, аки желѣзными цѣпьми сцѣпляются, и яко клеемъ спаятельнымъ неразлучно соединяются, и сего ради преста пламенное испущенїе, и воловъ онѣхъ смертоносный угасе огнь. Превозможе же Язонъ, и многаго смѣльства наполнися ко крѣпкимъ ужасныхъ воловъ рогамъ руки простираетъ, и восхитивъ за рога покушается сѣмо и овамо преводити, и не сопротивля-

хуся ему. Сего ради и рало на плещи ихъ опаснымъ тщанїемъ налагаетъ, понуждая бразды провлачити; и сице обращену бывшу дерну, широкое оное поле воскапывается частыми браздами горѣ и долу проходящи. Егда же сїя соверши Язонъ, оставивъ волы оны на полѣ, самъ же приходитъ ко змїю великому, его же змїй егда приходяща узрѣ, возмятеся вельми и возсвиста ужаснѣ, нача пламень испущати, и вельми яростнѣ дыхати, и все мѣсто оное огненнымъ пламеннымъ дыханїемъ наполняетъ, и небо належащее великимъ разжиганїемъ краситъ. Язонъ же яко видѣвъ такое величество ужаснаго онаго змїя, вострепета, и огнь толикъ нестерпимаго пламене зря, изумленъ стояше, и егда отъ ужасти страха воспомяне Медеино наказанїе, изъемъ отъ нѣдръ своихъ зеленаго камени перстень къ свѣту змїеву пред-

поверже, его же блистанія ужасеся змій, и преста пламени испущати. Язонъ же страхъ отложивъ, въ мужество паки облечеся, и смѣльствомъ многимъ наполнився, извлече мечь свой, нача брань крѣпку творити со змїемъ, жестокія чешуи его мечемъ отражая, и толь долго крѣпцѣ боряшеся съ нимъ, да яко уже змій не могій терпѣти частыхъ пораженій его, на долгомъ ономъ полѣ простреся и смертоносный свой испусти духъ. Язонъ же и главу его мечемъ отдѣли, и извлече зубы его, и посѣя на предреченной земли отъ воловъ изоранной. И абїе отъ зубовъ змїевыхъ плодъ чуденъ израсте; скоро бо вооруженнїи нѣцїи воини отъ земли родишася, и нападше сами на себе смертными язвами братися начаша; жестоко убо творится ополченїе промежъ братїею земною и мрачно, зане раздѣльными полки на брань не напа-

дають, ниже хотять, да раздѣлившеся, но смѣшенно единъ другаго убиваетъ, послѣди же отъ нихъ ни кто же явися побѣдитель, но вси вкупѣ падоша погубленіи. Волшебныя бо хитрости волшебнымъ дѣйствомъ разрушишася, и змію предреченному умерщвленну бывшу, и воломъ на полѣ еле живымъ оставленнымъ, и братіямъ земнымъ умершимъ, Язонъ отъ смертныя бѣды избыстъ, веселъ уже и смѣлъ ко златорунному овну приходитъ, въ немъ же ни единаго противленія бранпаго обрѣте: но помолився молитвою, восхити его за рога, и удавленіемъ смерти предаде. Снемъ съ него одежду его златую, возвратися обогащенъ златымъ ограбленіемъ, и пріиде на брегъ острова Колхиды, и оттуду вшедъ паки въ корабль, пріиде на онъ полъ къ великому острову, на немъ же Геркулесъ и прочіи благородніи Гре-

честїи ждуще его, иже никако же его здрава къ тому притти чаяху. И егда узрѣвше его здрава, возрадовашася радостїю многою, и тако поидоша во градъ веселящеся о здравїи Язоновѣ и о преславнѣй побѣдѣ его. Царь же Оетесъ лицемѣрнымъ веселїемъ уже воспрїя его, понеже завидитъ ему о толицѣй побѣдѣ его, единаче же повелѣ уготовляти трапезу свѣтлу, якоже и прежде. Егда же Язонъ прїиде въ палату Цареву, Царь вопроси его любочестнѣ о здравїи его: Язонъ же поклонися ему, возвѣщая здравїе. Сѣдшимъ же имъ вечеряти, Царь Оетесъ по Медею дщерь свою посла, да прїидетъ къ трапезѣ въ палату царскую, и сѣде на своемъ мѣстѣ, яко же и прежде. Царь же нача вопрошати Язона о златорунной оной побѣдѣ. Язонъ же вся подробну исповѣда ему, и вси дивляхуся чудящеся, много же весе-

ляхуся на трапезѣ здравїя ради Язонова. Скончавшужеся обѣду, Язонъ поклонися Царю и въ палату свою отыде. По златорунной же оной брани Язонъ во царствіи Оетесовѣ ожидая благополучнаго плаванїя цѣлъ пребысть мѣсяцъ. Егда же возвѣя вѣтръ благопоспѣшенъ; тогда въ нощную темноту прїиде Язонъ къ Медеи, и веземъ ея отведе тайно на корабль свой, и веземъ вся своя такожде тайно отыде со всѣми своими на корабль свой, безъ отпущенїя царскаго, и повелѣ вѣтрила корабленныя распростерти, и пути своему вдася. Вѣтру же вѣющу ему зѣло поспѣшну, не по мнозѣхъ днехъ таковымъ благостройнымъ плаванїемъ въ желаемые предѣлы царства Ѳессалїйскаго здравїи прїидоша во блазѣй цѣлости, и къ Царю Пелею во мнозѣмъ веселїи своемъ приходятъ, радующеся о случившихся имъ.

О СОВѢЩАНІИ ГРЕЧЕСКИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ, И О ПОДВИЖЕНІИ, И О ПРИШЕСТВІИ ИХЪ КО ТРОИ ЗА ОТМЩЕНІЕ ОБИДЫ ЯЗОНОВЫ.

Язонъ же егда во царство Ѳессалійское пріиде, ни о чемъ ему иномъ толико раденіе бысть, ниже о пріятіи царства Ѳессалійскаго, еже бы пріяти отъ руки Пелея, стрыя своего, по завѣщанію отчю и самаго того Царя Пелея, ниже о брацѣ Медеинѣ, о немъ же прежде тяжкими клятвами ей толико страшнѣ кленяшеся, еже хотяше съ нею сотворити вскорѣ, егда пріидетъ во свое царство; но вся сія оставль, яко неключима, въ месть и отмщеніе противу Лаомедонта Царя сердце многорадиво воздвиже. Многу у него о семъ со Геркулесомъ сообщену бывшу совѣту, пріидоша вкупѣ къ Царю Пелею, сказующе ему тяжку жалобу на Царя Лаомедонта Троянскаго, и молящe его, да во отмщеніе оби-

ды ихъ помощь воинственную подастъ имъ. Царь же Пелей обѣщася имъ съ воинствы своими самъ пойти, и обиду ихъ вкупѣ мстити. Они же поклонишася ему, и отъ палаты его изшедше вельми радостни быша, и вскорѣ абіе Геркулесъ въ корабль вшедъ, ко Царю Теламону отходитъ, моля его о помощи воинства противу Лаомедонта Царя. Царь же Теламонъ самъ обѣщася съ воинствы своими пойти съ ними на ополченіе противу Троянъ. Геркулесъ же отшедъ оттуду, пріиде ко Царемъ братіямъ единороднымъ, Кастору и ко Поллуску, моля ихъ такожде о воинствѣ на Троянъ. Они же радостнѣ съ воинствы своими обѣщашася пойти съ ними. Геркулесъ же отъиде оттуду, и ко Князю Нестору пріиде; бѣже Князь Несторъ Геркулесу сердечною дружбою и сладкою любовію союзенъ; Геркулесъ же моляше его о помощи воинства на

Троянъ. Несторъ же вельми радостно обѣщася самъ съ воинствы своими пойти съ ними на Троянъ. И егда Геркулесъ отвсюду собра себѣ помощь ратную, радостенъ возвратися во царство Ѳессалїйское. Обрѣте бо Царя Пелея готова суща на ополченїе со всѣмъ воинствомъ своимъ, и сказуетъ ему Геркулесъ, яко обѣщашася, рече, благородный Царю, помогати державѣ вашей Царїе сами и съ воинствы своими; и о семъ Пелей и Язонъ вельми возвеселишася. Не по множѣхъ же днехъ прїидоша Царїе и Князи Гречестїи съ полки своими во Царство Ѳессалїйское, и вси вкупѣ соединишася, и бысть радость и веселїе велико о соединенїи согласїя единодушнаго. Во единъ же день повелѣша Царїе и Князи Гречестїи изыти всему воинству ихъ на поля Ѳессалїйскїя, воеводскаго ради избранїя; и изыдоша повелѣнїемъ ихъ вся воинства, и вельми чудно и удиви-

тельно зрѣніе ополченія Греческаго; многочисленно бо вельми воинство ихъ бяше, и все урядно; доспѣхи бо ихъ бяху щиты позлащенныи и шлемы златокованныи; оружія такожде позлащенныя, и яко вода изчищены блещахуся; паволоцы же верьху доспѣховъ ихъ различныи цвѣты имущія зѣло многоцѣнныя; такожде и кони ихъ сильни и украшени и быстри бяху. Воини же сами многою храбростію и смѣльствомъ цвѣтяху, и яко различніи залатовидніи цвѣти блистахуся, вси бо они яростно и устремленно око ко ополченію имуще, стояху кождо ихъ во урядѣхъ своихъ благостройнѡ и чинно и удивительно. Сами же Царіе и Князи и чиноначальницы многою храбростію и смѣльствомъ зѣло сіяюще бяху, и во управленіи воинственнаго ополченія свѣтліи правители, и здраваго совѣта мудростію великою наполненніи бяху, и всѣми внѣшними имствы

надъ всѣми цвѣтяху паче прочихъ. Тогда бо вси Царïе и Князи и начальницы общимъ совѣтомъ избраша себѣ воеводу Царя Пелея, мужа многою мудростïю и разумомъ здраваго совѣта въ разсужденïи цвѣтуща, и даша ему всего ополченïя власть. И тако Царïе и Князи и начальницы поздравляху Царя Пелея, по томъ же и все воинство поклонишася ему, хвалу благородïю его вси вкупѣ воздаяху, и тако вси разыдошася. Во утрïй же день Царь Пелей повелѣ всему воинству на корабли восходити; вѣтру же абïе возвѣявшу имъ поспѣшну, тогда же и сами Царïе и Князи на корабли своя возшедше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего касаются, и не по мнозѣхъ днехъ благостройными вѣтры къ предѣломъ царства Троянскаго достигоша, и въ темноту нощную въ пристанище Троянское внидоша, и въ тихомъ зѣ-

ло молчанїи исходятъ на землю и шатры своя поставляютъ, Трояномъ отнюдъ ни что же вѣдущимъ. Тогда Царїе и Князи и начальницы въ шатеръ Царя Пелея снидошася, и многїе совѣты о градоимствѣ испыташа. Геркулесъ же предъ Цари и Князи сицевая словеса изрече: о благороднїи и свѣтлїи Царїе и Князи и начальницы! аще благоволитъ благородїе ваше послушати словесъ моихъ сихъ, донелѣже о пришествїи нашемъ невѣдомо врагомъ нашимъ, промышленнѣ надъ ними и премудрѣ потщимся сотворити въ сїю нощь, да не толикая тщета и пагуба войску нашему будетъ; полезно бо быти мню, да раздѣлится войско наше на двѣ части равно, и отъ единыя половины войска нашего да учинятся три великїя полки. Перьвому полку да предначальствуетъ Князь Несторъ, второму Царь Касторъ, а третїему Царь Поллуксъ, надъ

нимижевсѣми управленїе да имать Царь Пелей, истинный начальникъ и воевода избранный всего Греческаго ополченїя, и въ семъ мѣстѣ брега да пребываютъ. Отъ другїя же половины войска нашего такожъ да учинятся три великїя полки, и перьвому полку да предначальствуетъ Царь Теламонъ, другому же Язонъ, третїему же азъ со своими товарищи, и да идемъ тайно ко граду въ сады, прилежащїя тамо иту да сокрыемся, ожидающе дневнаго свѣта, доколѣже о пришествїи нашемъ Царю Лаомедонту скажется, онъ же абїе со всякимъ тщанїемъ уклонитъ мыслъ свою безъ всякаго бреженїя на брегъ моря ратоватися съ вами, не вѣдый насъ близъ стѣнъ града его сущихъ. И егда изыдетъ онъ на ополченїе къ вамъ; тогда да предложатся ему отъ войска вашего три великїя преграды, крѣпцѣ борюще-

ся съ нимъ въ семъ мѣстѣ берега; мы же въ то время во градъ его внидемъ, и пріимемъ его, и паки изшедше позади его будемъ ратующе, и сице легко отъ насъ казнимъ будетъ, и избыти не можетъ смерти, но да убіется ту. И егда Геркулесъ словеса своя сконча; тогда вси царіе и Князи начальницы совѣтъ его обще похвалиша, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Греки въ молчаніи тоя же нощи оружїя своя пріемлютъ, и всѣдши на кони своя, вельми тихо ко граду пріидоша, и коварственно зѣло тихо себе полагаютъ, ждуще дневнаго свѣта.

О БРАНИ ГРЕЧЕСТѢЙ И ТРОЯНСТѢЙ, И О УБІЕНІИ ЦАРЯ ЛАОМЕДОНТА, И О РАСХИЩЕНІИ ТРОИ.

Прошедшей убо нощи, востающу же утру, о пришествіи Грековъ

Лаомедонту Царю ушеса многимъ сказанїемъ наполняются. Царь же абїе вся своя воины понуждаетъ оружїя взяти, и иныхъ граждан своихъ, кои во юношескомъ цвѣтѣ бранными оружїи битися не устрашаются. Уготовавъ же царь полки вооруженныя абїе исходитъ на брегъ моря, невѣдый по истиннѣ непрїятелей своихъ близъ стѣнъ града его лукавнѣ крыющихся, и чесо ради скоритъ противу видимыхъ враговъ своихъ на ополченїе. Греки же сущїи на брезѣ моря, видяще войско Троянское, со многою скоростїю на нихъ грядущее, на кони своя всѣдше противу ихъ готовятся смѣло. И сего ради Князь Несторъ перьвый со своимъ полкомъ на брань приходитъ спѣшно, ничимъ же ужасшися, и брань между Грековъ и Троянъ воистинну жестока и остра спустися: отъ копейныхъ бо сокрушенїй гремѣнїе бываетъ велїе, щиты разби-

ваются, и шлемы низпадаютъ, звучитъ на воздухѣ трескъ сабельный и отъ частаго сраженія бряцаніе. Падаютъ воины ови ранены, ови убиты; убійство творится веліе, червленѣется земля, окроплена сущи кровію. Но одолѣ Троянское множество, зане единъ Князь Несторъ съ единымъ полкомъ своимъ незгодіе бранное терпяше. И се найде Царь Несторъ; онъ бо бяше мужъ храбрый, скоро со множествомъ вой припече, и многихъ Троянъ уби, овыхъ же ранитъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, такожде и воинство его крѣпцѣ борющеся, Троянъ вельми стѣсняютъ; тѣмъ же Трояне падаютъ, терпѣти свѣжаго стремленія не могуще, падаютъ лютѣ умирающе. Тогда паки отъ десныя страны полкъ Троянскій зѣло крѣпокъ приближися, и на Грековъ усты меча нападаютъ, и толь лютѣ начаша ихъ сѣщи, да яко въ краткое время мѣ-

сто великое поля мертвецы Греческими постлаша. Вопль же велій воста о смерти убиваемыхъ: Грецы бо на брани сильнѣ оскудѣваху, и изнемогаху падающе. Тогда Царь Поллуксъ отъ лѣвыя страны Греческаго ополченія зряше сомнѣніе брани, и толико убійство Греческое видѣвъ, разъярися со своимъ полкомъ, и мужески нападе на Троянъ, и многихъ уби отъ нихъ, и раненыхъ низложи. Тогда же Греки въ пришествіе его паки мужество воспріемше противу Троянъ, и ставше крѣпцѣ мужески и неужасно сѣчахуся съ ними; вопль же велій и убійство вельми умножашеся, падаютъ бо отъ обоихъ странъ трупія мертвыхъ, и кровь ихъ разливашеся по всему пространству поля.

И се приступи на брань лѣвое крыло ополченія Троянскаго; тогда же и самъ Царь Лаомедонтъ съ великимъ полкомъ нападе жестоко на Греки,

люте поражая ихъ мечемъ своимъ, овыхъ убивая, овыхъ же жестоко уязвляя, овыхъ съ коней низлагая, темъ же Греки падаютъ, терпети Царева устремленія не могуще. Тогда паки отъ страны Греческія самъ Царь Пелей съ полкомъ своимъ изыде на брань, и преновленней бывши брани, Греки паки поле пріобретаютъ. Царь же Лаомедонтъ, яко левъ рыкая, многихъ Грековъ немилостивне убиваетъ мечемъ своимъ, и пламенемъ ярости дыша, о защищеніи своихъ весь разношашеся. Егда же Греки вси отъ него побегоша, тогда Князь Несторъ не могій терпети толикихъ убійствъ, творимыхъ отъ Царя Лаомедонта, пріемъ копіе, и печалію великою стеснився, нападе на Царя, и съ коня сверже его. Но некій Троянинъ, именемъ Седаръ, видевъ Царя своего пеша, и сего ради яко верный рабъ о своемъ господине устыдеся, направивъ копіе свое, Князя Нестора

поразн, и на землю предъ ноги Царя своего поверже. Царь же Лаомедонтъ видѣвъ Князя Нестора предъ собою повержена, мечемъ голымъ крѣпцѣ боря его, и во многихъ мѣстѣхъ порази его, отъ ранъ же оныхъ множество крови течаше, и безъ сомнѣнія убитъ бы былъ Несторъ Лаомедонтовою десницею, аще не бы помощи отъ своихъ себѣ получилъ, иже отъ земли подъемше его, въ шаперъ отнесоша.

Царь же помощію своихъ на конь свой паки взыде, и повелѣ въ трубу трубити, и по трубному оному гласу седмь тысячь къ нему воиновъ приступиша, и нападоша съ Царемъ своимъ толь лютѣ на Греки, да яко всѣхъ ихъ въ бѣгство понудиша и наконецъ брега догнаша. И поистиннѣ вси бы ту Греки были злѣ убіени; но внезапу нѣкій Троянинъ воинъ, именемъ Дотесъ, бѣднѣ уязвленъ, прибѣже отъ Трои, сказуя царю града

его разрушенїе. Царь же Лаомедонтъ егда услыша сїя, горько испусти воздыханїе, и тою же трубою повелѣ созвати языкъ свой, и пойде ко граду своему. Приходящу же ему близъ града, видѣвъ велїю часть враговъ своихъ изъ града изшедшихъ, и противу его со оружїемъ грядущихъ, и паки обозрѣся вспять, и видѣ тѣхъ враговъ, ихъ же на брезѣ побѣди, созади его во оружїи грядущихъ, всхлипавъ горько, и что множае, спущается убо и разжизается ополченїе неравно, зане Греки Троянъ вельми множествомъ превосходятъ. Падаютъ убо трупы Троянскїе сѣмо и овамо, и кровь ихъ яко вода лїяшеся; ниже закоснѣвъ оный бранный и сильный и толь храбрый Геркулесъ прїиде, иже на конѣ крѣпцѣ сѣдя, смертоносными убо язвами стѣсняя Троянъ, егоже Трояне крѣпости и смѣльства понести не могуще падаютъ, и путь ему чрезъ полки невольно отворяютъ. На Царя

убо Лаомедонта сей сильный нападе яростно, и главу его люте отсече, и посреди своихъ неистовственне поверже, еже видевше Трояне плачутся, лишенни суще Царя своего правленія. Греки же пребывающе во своемъ свирепстве, всехъ Троянъ бывшихъ на брани мечемъ посекоша, ни единаго же жива оставиша, и поле Троянское трупіемъ мертвыхъ Троянъ покрыша. Сами же во градъ вшедше, сокровища градская испытуютъ, и богатства гражданская похищеніемъ грабятъ, и относятъ ко своимъ кораблемъ. На палату же Лаомедонта Царя нападше, обретоша тамо Ексіону девицу отроковицу сущу, Царскую дщерь Лаомедонта Царя, юже вземше предаша Теламону Царю во мзду труда его, сего ради, яко той Царь Теламонъ во градъ Трою перьвый победитель оружіемъ вниде. Прочихъ же благородныхъ и благообразныхъ женъ

и дѣвицъ поемлюще, въ корабли своя отвождаху, и чрезъ весь мѣсяцъ Греки въ грабленіи Троянскомъ упражняхуся. И егда вся уже сокровища царская же и гражданская испраздниша, тогда и самую ону Трою великую, царствующій и преславный той градъ, раскопати умыслиша, еже и сотвориша, низложиша стѣны его, и врата и стрѣльницы и палаты царскія и гражданскія разметаша, прочая же вся зданія древяная огнемъ попалиша, корабли же своя Троянскими богатствы наполнивше, во своя царствія отыдоша.

Разрушену же и раскопану граду Троѣ до основанія, Царю его Лаомедонту неправеднѣ убіену бывшу, толико благороднымъ убіеннымъ, толико мужемъ храбрымъ на брани умерщвленнымъ, толико благороднымъ женамъ и благообразнымъ дѣвицамъ въ плѣнъ и въ работу отведеннымъ, честнород-

нѣй Ексїонѣ, того Царя дщерѣ, плѣннымъ чиномъ Теламону женою учиненнѣй, мужи мудрїи любезнѣ разумѣйте, какови въ мїрѣ семъ слѣпыхъ дѣлъ случаи отъ худыхъ и отъ легкихъ обидъ учатъ воздержатися; имѣютъ бо въ себѣ малыя обиды по подобїю дѣйства великаго огня, его же малая искра прочими питанїи вскормлена сущи въ пепелѣ, скоро высокїя изрыгаемыя пламени возводитъ, да научатся Цари и Князи чужихъ не вредити, приходящихъ же въ ихъ царствїя не отъ злохотнаго умышленїя, да царствъ ихъ испытуютъ тайная. Каково бо бѣ Лаомедонту Царю, яко на голомъ брезѣ своемъ Грекомъ пристанїя не даде? Видите таковаго славнаго Царя толь безчестный конецъ, и сего ради да внемлютъ настоящей исторїи чтецы, коль худою и малою виною толь великихъ и толь сильныхъ произы-

де пагуба, яже и донынѣ пламеннѣ удручаетъ человѣческія слухи.

О ЦАРѢ ПРІЯМѢ, И О ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ, И О ИМЕНАХЪ СЫНОВЪ ЕГО.

Умершу же Царю Лаомедонту, оста-ся у него сынъ, именемъ Пріямъ. Сей же во время паденія отча не бѣ въ Трои: зане градъ нѣкій противенъ себѣ имяше, и подъ градомъ онымъ съ воинствомъ стояше, и о взятіи града того прилѣжнымъ промысломъ упражняшеся, и въ томъ обступленіи надеждою побѣды косняшеся съ женою своею и съ дѣтьми. Пріиде же къ нему сей грозный слухъ, яко отецъ его Царь Лаомедонтъ убіенъ бысть, градъ его Троя отъ врагъ взятъ; сестра его Ексіона въ плѣнъ отведена; воини же его и граждане мечемъ посѣчены; благородныя жены и отроковицы восхищены, и въ чужее отечество отведены; цар-

ская сокровища и гражданская вся расхищена суть. И егда вся сія услыша Царь Пріямъ, изнеможе духомъ, и расторжеся во многія слезы и рыданія, и вскорѣ скончеваетъ брань граднаго обступленія, и спѣшными стопами скоритъ ко Трои, юже егда видѣ разорену сущу и раскопанну, и въ поле запустѣнія положенну, наипаче нача плакатися и рыдати, и по многія дни упражняшеся въ рыданіи и слезахъ. Сей убо Царь Пріямъ имѣ у себе нѣкую благородную жену, именемъ Еккубу, отъ нея же зачатъ роди пять сыновъ, и дщери три; отъ нихъ же первородный нарицашеся Гекторъ, безмѣрныя храбрости воинъ, силою многою браноносецъ; его же дѣйства въ долгой памяти пребываютъ, не безъ вины воспоминаема во вѣки. Вторый же сынъ его нарицашеся Парисъ, иже инако именуемъ бѣ Александръ; ученъ

бѣ весьма въ мастерствѣ лучномъ и стрѣлахъ. Третїй же сынъ его нарицашеся Дейѳебъ мужъ храбръ, и въ совѣтныхъ разсужденїяхъ свѣтелъ. Четвертый же звашеся Еленъ, мужъ разума многа, зане зѣло бѣ наученъ свободныхъ хитростей наказанїю. Пятый звашеся Троилъ, юноша многосиленъ на брани, или бѣ инъ Гекторъ, или вторый отъ него, и во всемъ войскѣ Троянскомъ ни единъ бѣ юноша толикими силами славенъ. Во дщерехъ его перьвая бяше Елеуза: сїя сказуется Елеева быти супруга. Вторая же бяше Кассандра: сїя убо сїяше красотою дѣвическою, но паче цвѣтяше свободныхъ хитростей наказаньми, предразумѣвати будущая добрѣ свѣдущи. Третїя же послѣдняя Поликсена бяше отроковица чудныя красоты и благообразїя безмѣрнаго, о ея же лицѣ и красотѣ и о нравѣхъ ея чудная написа Дарїй. Той же паки Царь Прї-

ямъ имѣ у себе тридесять сыновъ естественныхъ, отъ различныхъ женъ ему рожденныхъ, и сильныхъ конныхъ бранниковъ, имъ же имена суть сїя: Динадаронъ, Андронїй, Екедронъ, Какикабулъ, Емарганонъ, Сизїй, Маргаритонъ, Амѳимакъ и прочїя, ихъ же сильная мужества и доблести настоящая исторїя послѣди изъявитъ.

О СОЗДАНIИ ТРОИ.

По многи же дни Царь Прїямъ въ рыданїи и слезахъ пребываше, сѣтуя день и нощь, и никако же покоя себѣ дати могїй. По семъ же егда дождю плачевному слезъ его изчищену бывшу, и отъ печалей своихъ мало отдохнувъ, во благодушїе облечеся. Угодно бысть ему паки Трою раскопанную соорудити, и во своемъ достоинствѣ поставити, и повелѣ отвсюду собрати себѣ мастеры многїя, и прїидоша къ нему отъ всѣхъ

странѣ здатели зѣло хитры, и злашоліятели и архитектоны, и мѣди ковачи, и прочіи мужи художни и разумніи. И паки повелѣ Царь Пріамъ взяти отъ Царей подлежащихъ Троянскому скипетру сокровища ихъ, и вложити ихъ во своя сокровища. Повелѣ же паки со всего царствія своего собрати дани сугубыя, и вложити я во своя же сокровища, и тако бысть богатъ зѣло. И повелѣ раскопанныя мѣста очищати и равняти. И егда сія совершиша, повелѣ съ прилѣжаніемъ утверждати основаніе, идѣже стѣнамъ градскимъ быти. И сему бывшу, повелѣ заложити стѣны градныя окрестъ, и возводити вся вкупѣ по изравненію, такожде и стрѣльницы и врата вкупѣ же повелѣ дѣлати. И тако по повелѣнію его начаша вся вкупѣ творити зѣло хитрѣ, и успѣваше дѣло въ рукахъ ихъ, и зиждяху лѣта нѣкая, ихъ же

настоящая исторїя не изъявляетъ; но токмо поставиша градъ онъ зѣло чуденъ и великъ. Величество же града бяше три дни долгота его, такожде и широты равныя; высота же стѣнамъ града онаго двѣсти локтей бяше, врата же его и стрѣльницы зѣло хитрѣ устроены бяху, и различнымъ мраморомъ украшены, и мусїею подписаны; высота же ихъ триста локтей бяше, и мѣдїю покровенны, входъ же града того шестїю враты устроенъ бяше; около же града того рвы ископаны бяху глубоки зѣло, и каменною стѣною извнутрь ограждены, чрезъ ровъ же той противу вратъ онѣхъ мосты камены устроены бяху; по конецъ же мостовъ онѣхъ башни поставлены бяху зѣло чудны, мраморомъ различнымъ украшены, и мусїею подписаны и мѣдїю позлащенною покрыты, яко да другомъ любезны подаваху входы, врагомъ же

жестоки возбраняху приступы; посреди же града того рѣка нѣкая, Станкусъ именемъ или Скомандра течаше, яже градъ онъ на двѣ части равны раздѣляше. Среди же града того на единѣй странѣ рѣки оныя Царь Пріямъ чудный свой Царскій домъ повелѣ поставити, и палату ону чудную, нарицаемую Иліонъ, ей же высота пять сотъ лактей, бяше зѣло хитрѣ устроена чудною рѣзбою, и златомъ, и мусїею и мраморомъ различнымъ украшена, и златомъ чистымъ подписана и покровенна, и отвсюду красотою блистаяся процвѣташе, и всѣхъ человѣкъ на зрѣніе красоты своея понуждаше, и вельми удивляше. Внутрь же стѣны палаты оныя златомъ и сребромъ и мусїею зѣло хитрѣ украшешены бяху Такожде двери и окна палаты оныя чужды предивною и позлащенною рѣзбою украшены бяху чуднѣ. Верху же палаты небеснаго бѣгу

теченїе прекраснѣ зѣло изображено бяше; такова бо бѣ оная палата, яко ни у коего же прежде его бывшихъ Царей по всей вселеннѣй обрѣтеся, о ней же чудная написа Фригїй Дарїй. Такожде и иныя многїя чудныя палаты на дворѣ царстѣмъ устроены бяху, и мусїею и мраморомъ различнымъ украшены, и рѣзбою различныхъ подобїй звѣрей же и птицъ, и златомъ подписаны и покровенны. Пространство же двора онаго зѣло велико бяше; стѣны же его такожде различными мраморы и мусїею украшены бяху чуднѣ; врата же златомъ и сребромъ и мусїею, и чуднымъ образомъ рѣзбою устроены зѣло предивнѣ. Среди же двора онаго древо нѣкое рукотворимыя хитрости чуднѣ устроено бяше; самое бо оное древо даже и до верьха его отъ злата чиста учинено бяше; розги же его бяху сребряны; листвїежъ такожде отъ злата чи-

ста и зѣло тонко сотворены бѣша зѣло хитрѣ; плодъ же древа того отъ каменія драгаго и бисера учиненъ бѣ; высота же того древа лактей бяше пятьнадесять; на розгахъ же древа онаго птицы нѣкія различными подобіи устроены бѣша отъ злата чиста, и кояждо отъ нихъ свою пѣснь, хитрыми нѣкіими устроеньми, яко отъ жива языка гласа пѣніемъ испущаху, всѣхъ удивляюще; внутрь же града того Княжескія и вельможескія домы и палаты окрестъ царскаго двора поставлены бѣша безчисленіи; улицы же по всему граду равны размѣрены быша, въ нихъ же воинскихъ и купецкихъ человѣкъ, и различныхъ художествъ рукодѣльниковъ безчисленныхъ множество, живяху по разнымъ художества своего улицамъ, ово иконописцы, ово златоліятели, ово среброкузнецы, ово мѣдиковачи, ово

бронники, ово сѣдельники, ово стекляры, ово шевцы, ово усмари, ово тектони, ово землемѣрители и протчїи. Отъ всѣхъ бо странъ Царь Прїамъ повелѣ собрати жители оны, и насели Трою, великїй онъ царствующїй свой градъ, и бысть многолюденъ градъ и богатъ: много же бяше ту и премудрыхъ людей, и воинственныхъ браннносцевъ чудныхъ. И ту перьвѣе обрѣтошася шахматныя потѣхи; ту и игры вскорѣ разгнѣвимыя тавлейныя, и скорыя шкоды и прибытки напрасныя зерни; ту трагедїя и комедїя изобрѣтены быти сказуются, и прочїя веселыя музыкальныя игранїя. Никогда бо чтется, ни въ коемъ царствїи таковъ инъ преславенъ градъ толикаго величества, толикїя красоты, каковъ бѣ чудный градъ Троя великая, юже Царь Прїамъ во обитанїе себѣ созда.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ЦАРЯ ПРІЯМА КО ГРЕЧЕСКИМЪ ЦАРЕМЪ, О ОТДАНІИ СЕСТРЫ ЕГО.

Егда же Царь Пріямъ градъ Трою предъ умыслимымъ концемъ соверши, внятнымъ сердцемъ разгордѣвся, всѣхъ своихъ гражданъ призвати къ себѣ повелѣ. Сшедшимжеся имъ на нѣкоей площади, яже посреди града, на оной поставлени быша, Царь Пріямъ сія словеса изрече къ нимъ: о любезніи мои граждане! вы вѣсте, коль немилостивною и лютою безчеловѣчною яростію подвигшеся Грекове, нападоша на отечество наше туне, и безъ всякія вины убиша отца моего, славнаго и благороднаго Царя Лаомедонта, опровергоша градъ его, погубиша благородныхъ его, умертвиша оружіемъ воиновъ его, изсѣкоша мечи прочихъ гражданъ его, восхитиша царская сокровища его, разграбиша градская вся имѣнія, и поимаша въ плѣнъ благородныя и

прекрасныя жены ваши и дѣти, наипаче же всѣхъ горши есть, яко восхитиша благородную Ексїону сестру мою, откровицу сущу царскую, и тѣмъ паче посрамиша царство державы нашея. И мнѣ убо моихъ, вамъ же вашихъ въ толикомъ жестокомъ свирѣпствѣ умертвиша родителей, мы же въ товремя немощни весьма бѣхомъ сопротивитися врагомъ нашимъ, занеже безъ градовъ и домовъ гладни и малочисленнїи бѣхомъ. Нынѣ же, вселюбезнїи, отъ толикихъ злыхъ нашихъ обстоянїй всеконечнѣ уже свободихомся, якоже и сами видите, коликимъ возмогаемъ воинствомъ, коликими храбрыми браноносцы себе ополчаемъ, коликимъ богатствомъ изобилуемъ, и коликими брашенными потребами обогащени пребываемъ, и коль во крѣпцѣ поставлени есмы градѣ. И нынѣ убо есть ли комуждо васъ въ мысли противу толь лютыхъ вра-

говъ нашихъ и немилостивыхъ, смертныхъ вредителей, руцѣ на оружїе обратити, и на разоренїе ихъ мужески потщатися? Но зане, возлюбезнїи, бранныи случаи всегда подъ сомнѣнїемъ бываютъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся; тѣмъ же отъ ополченїя унятися безопаснѣе видится: праведно бо есть, якоже мню, посольствомъ взыскати немилостивыхъ тѣхъ, да аще благоволятъ ми отдати сестру мою, то воистинну вся иныя шкоды ихъ и обиды сотворенныя ими совершенно отъ насъ да оставятся. И сего убо сотворити не восхотѣхъ безъ вашего повелѣваемаго совѣта, и того ради о семъ вашему даю вѣдѣнїю, и что ми о томъ возвѣстите, любезнїи мои, да слышу. Они же сїя слышавше весело, вельми похвалиша совѣтъ Царевъ, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Царь Прїамъ избра въ посольство Антенора Князя, мужа храбра

и разумомъ мудрости вельми сїяюща, и разсужденїемъ здраваго совѣта зѣло цвѣтуща, и тѣломъ добрѣ стройна, и повелѣ ему, да ко Греческимъ Царемъ въ посольство себе управитъ. Антеноръ же повелѣнїемъ Царевымъ абїе на путь препоясуется, и вскорѣ на корабль восходитъ, и вѣтрила распростерти повелѣвъ, пути своего емлется. И первѣе ко Царю Пелею приходитъ, сказуя себе посла быти отъ Царя Прїама, посольство же свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Прїамъ, Троянскаго царства господь, благородїе твое любезнѣ молитъ и воспоминаетъ ти: понеже во оно мимошедшее время туне нападосте на отечество его, благороднаго отца его Царя Лаомедонта убисте, градъ его славный до конца раззористе, благородныхъ его вельможъ и свѣтлыхъ воиновъ оружїемъ умертвисте, гражданъ его немилостивно мечи изсѣко-

сте, благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведосте, сокровища же его царская и градская грабленїемъ восхитисте, и вся лютая царству его показасте, наипаче же сестру его царскую, благородную Ексїону царевну восхитисте, и во своя царствїя отведосте, и нынѣ срамотнѣ зѣло творитъ надъ нею держатель ея; тебе убо, зане ты многаго разсужденїя Царь еси, онъ Царь Прїамъ молитъ и любезнѣ благородствїе твое проситъ, да въ толицѣхъ злыхъ нанесенныхъ ему отъ вашихъ царствїй обидъ, могло бы ся сотворити сїе малое добро благородїемъ твоимъ, еже бы возвратити сестру его во отечество ея; вся же иныя шкоды и обиды ваша оставляются отъ него. Ей, великїй Царю, да не облѣнишися самъ сотворити по словесемъ его, и иныхъ благородныхъ Царей на сїе изволенїе привести.

И тако Антенорѣ рѣчи своя сконча, Царь же Пелей егда сїя услыша, весь гнѣвомъ разжеся, и рече Антенору: почто ты, друже, сихъ ради реченїй твоихъ дерзнулъ еси наступити предѣлы наша? къ тому же еще и неправду написуеши намъ, укоряя насъ, мы бо Царя твоего ничимъ же обидѣхомъ, но зане Царь Лаомедонтъ, родитель его, вину престави зла своего, тѣмъ же и умре самъ по изволенїю своему, никому же его на сїе понуждающу, еже безчестїе наносити славнымъ. Да аще Царь твой сицевыхъ ради продерзостей умре, что ты о себѣ быти мниши, укоряя насъ въ палатѣ нашей, и обидою поносяя насъ, ею же сопротивихомся Царю Лаомедонту? Почто же нашихъ славныхъ и благородныхъ обиду забылъ еси, и ни во что же вмѣняя полагаеши? Глаголю же ти, яко аще не бы дѣло посольства защищало тя, безъ сомнѣнїя по-

велѣлъ быхъ казнити тя, тѣмъ же отыди отсюду скоро, да не умреши смертїю безлѣпотною. Антеноръ же абїе отыде отъ Царя, и на корабль свой возшедъ, скоро отходитъ отъ царствїя его, и ко Царю Теламону приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Прїямъ, Троянскаго царства господь, благородствїе твое любезнѣ проситъ, да сестру его, юже въ палатѣ вашей въ неподобномъ держиши супружествѣ, отдалъ бы еси ея Царю, зане много есть къ вашей чести, царскую сестру въ неподобномъ имѣти супружествѣ, ибо отъ равнаго есть благородїя, или и вящшаго быти можаше, зане могла бы отдатися обычаемъ царскимъ, якоже лѣпо есть благороднымъ браки творити: нынѣ же укорнымъ прелюбодѣйствомъ благородїе ея мучится. И сего ради да благоволитъ держава твоя

возвратити оную въ отечество ея, да здраваго совѣта любовїю отъ Царя Прїяма насладишися. И тако Антеноръ рѣчи своя скончa. Къ словесемъ же Антеноровымъ Царь Теламонъ гнѣвомъ разжеся, и смѣятельнымъ лицемъ рече ему: друже! кто ты нибудь, о легкости бо азъ твоего ума удивленїемъ подвижуся, зане ни онъ мнѣ, ни азъ ему никоею же дружбою союзенъ, и сего ради и слышати ми его моленїя нѣсть къ хотѣнїю; вѣсть бо Царь твой мене пришедша, которой съ нѣкоими иными Греческими славными; и яко самъ азъ прежде иныхъ всѣхъ во градъ Трою первый побѣдитель оружїемъ внидохъ, тѣмъ же и не легокъ даръ, яко же мню быти, воспрїяхъ себѣ Ексїону, зане многимъ излїянїемъ крове моея получихъ ю; во мзду бо труда моего предана мнѣ бысть Ексїона, творити ми о ней мое изволенїе, и не мощно мнѣ толь

драгую вещь туне отдати, аще не остріемъ меча смертоноснаго. И тебе же самого азъ зѣло мню буя быти, яко сицева дѣла ради дерзнулъ еси притти въ предѣлы царствія нашего, къ тому же паки и безчестія укоризну наводя намъ, яко реклъ еси, Ексіону благородіемъ цвѣтущу паче насъ, яже толико лѣтъ въ палатѣ съ нами, благородію царствія нашего съ покореніемъ повинуется, госпожа тебѣ сущи. Ты же рцы ми, откуду воспріялъ еси толику смѣльства дерзость, яко досаждаеши ми со многою укоризною въ лице благородія нашего въ палатѣ моей, чужеземецъ сый и рабъ? и аще не бы дѣло посольства твоего соблюдало тя, то поистиннѣ на древѣ повѣсити повелѣлъ быхъ тя; тѣмъ же отыди скоро отсюду; аще ли же мало закосниши, то безъ сомнѣнія имаши въ смертную бѣду впасти. Антеноръ же изыде отъ него, и въ корабль свой

вниде, и вскорѣ отходитъ отъ царства его ко Царемъ Кастору и Поллуксу, и съ корабля своего сшедъ приступи къ нимъ, и посольства своего образъ, яко же Царю Пелею, по всему изрече, моля ихъ о отданіи сестры Царевы. Тогда Царь Касторъ со гнѣвомъ отвѣща ему сице: друже! кто ты ни буди, ниже мы вѣримъ, ниже мнимъ, еже бы намъ повредити чимъ Царя Пріяма; но отецъ его, Царь Лаомедонтъ, вину представи зла своего, и сего ради, яко небрегій, безсовѣстно разторгнеся; нанесе бо обиду благороднымъ, тѣмъ же и умре смертію язвенною: и что есть намъ къ симъ? самъ бо по изволенію своему, яко же сотвори, тако и пострада. Тѣмъ же всуе дерзнулъ еси, неразумія мглою отвсюду объятъ, сихъ ради вещей къ предѣломъ царства сего коснутися. И сего ради, яко же мню, зѣло мало любезенъ себѣ

быти животъ твой показуеши, поносяя намъ, и досаду плетый Царемъ въ палатѣ ихъ; и аще не бы дѣло посольства твоего защищало тя отъ смерти, безъ сомнѣнія погиблъ бы еси здѣ срамно. И сего ради скоро потщися изыти отсюду; аще ли же ни, то абіе вся лютая на тебѣ случатся. Антеноръ же сія слышавъ, абіе со тщаніемъ на корабль свой взыде, и вскорѣ отшедъ отъ нихъ ко Князю Нестору приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое, яко же Царема Кастору и Поллуксу, по всему изрече. Несторъ же егда сія услыша, весь гнѣвомъ ярости разжегся, и яростнаго ради неистовства своего бысть блѣденъ, и на Антенора грознымъ лицемъ воззрѣ косо; и ему сицевая словеса изрече прещеніемъ устремительнѣ: рабе лукавый! откуду тебѣ произыти возможе толикія дерзости смѣлст-

во, яко сицевыми реченїи дерзнулъ еси опорочити ушеса моя? и аще не бы мя благородїе мое обуздало, языкъ твой отъ челюстей исторгнути повелѣлъ быхъ, и въ безлѣпїе Царя твоего тебе по удомъ коньми влачима по граду расторгнутися учинилъ бы; тѣмъ же бѣжи отсюду скоро, да не погибнеши лютѣ: аще ли же мало укосниши здѣ, то безъ сомнѣнїя злою смертїю умреши. Антеноръ же сицевыхъ словесъ ужаснувшися, скоро отъиде отъ него, дивяся толику суровству и безчеловѣчїю Князя Нестора, и на корабль свой взыде и скоро отыде отъ него, и по многїи дни плаванїя своего отъ волнъ морскихъ лютая озлобленїя пострада. Дойде же здравъ во пристанище Троянское, и перьвѣе вниде въ палату Цареву, идѣже Царь Прїамъ во множествѣ благородныхъ сѣдяше.

Антенорь же ставъ предъ Царемъ, возвѣщаетъ подробну случившаяся ему въ Греціи, и перьвѣе сказуетъ Царю тяжкій отвѣтъ, бывшій ему отъ Пелея Царя, такоже претимыя обиды отъ Теламона Царя ему реченныя, Кастора же и Поллукса Царей поносные отвѣты, жестокія и острыя устрашенія, отъ Князя Нестора нанесенныя. И егда же услыша сія Царь Пріямъ, зѣло оскорбѣ, и отъ великія своея печали изнеможе духомъ, мало разумѣвая посла своего въ рѣчахъ его, и о пріобрѣтеніи сестры своея бысть отчаянъ.

О СОВѢТѢ УЛОЖЕННОМЪ, ЯКО ДА ПАРИСЪ ВО ГРЕКИ ПОШЛЕТСЯ.

Въ послѣдующій же день Царь Пріямъ всѣмъ снитися повелѣ гражданомъ; и яко снидошася вси, тогда Царь Пріямъ сицевая въ нихъ словеса излія: о любезніи мои и храб-

ріи граждане! вы сами добрѣ вѣсте, коль лютою и ненавистною виною подвигшеся Грекове на отечество наше нападоша, отца моего убиша, граждан̕ его оружіем̕ умертвиша, благородную сестру мою восхитиша, град̕ наш̕ опровергоша, благородных̕ жен̕ и благообразных̕ дѣвиц̕ ваших̕ в̕ плѣн̕ и в̕ работу отведоша, сокровища же царская и гражданская во своя царства отвезоша, и вся лютая царству нашему показаша; мы же вся сія поистиннѣ тяжкія обиды их̕ с̕ молчаніем̕ и смиреніем̕ претерпѣти восхотѣхом̕ нежели трудитися шумѣніем̕ ополченія; и сего ради разумнаго Антенора, посла нашего, послахом̕ к̕ ним̕, моляще их̕ токмо о отданіи сестры моея, вся же иныя шкоды их̕ и обиды своя втуне оставляюще, но ни тако успѣти что возмогохом̕: не токмо бо желанія своего от̕ сих̕

лютыхъ враговъ нашихъ не получихомъ, но ниже слышати моленія нашего восхотѣша отъ лютости своея: тако одержими суще, и отъ высокоумія въ гордыню возвысившеся, намъ тяжчайше воспретиша, ниже словомъ познатися восхотѣша, яко зло сотвориша. Коликими бо прещеньми посла моего преобидѣша, и коликими лютыми убійствы ему воспретиша, не восхотѣвше съ нами отнюдъ грѣтися примиренія живыми теплотами, но тако лютѣ ненавистію, яко мразомъ отвсюду омерзше тяжкія вражды внутрь себе питаютъ.

И сего ради, любезніи мои и мужественныи Трояне, глаголю вамъ и воспоминаю, есть ли убо комуждо васъ въ мысли противу враговъ нашихъ толь лютыхъ, и толь немилостивыхъ воспріяти сердца своя мужественна, и смѣлъствомъ храбрости отвсюду

оградившеся въ лице врагомъ нашимъ, крѣпцѣ со оружїемъ стати, прободающе ребра своя, и мечи разсѣкающеся съ ними на полы, не щадити храбрыхъ главъ вашихъ, ниже имѣнїю истощанїя.

И что ми о семъ, любезныи мои, возвѣстите, да слышу, и прїиму малъ покой духу моему. И егда Царь Прїямъ сконча словеса своя: тогда граждане единодушно вси вкупѣ возопиша, яко единѣми усты, желающе вельми конечнаго отмщенїя врагомъ своимъ; обѣщевающся крѣпцѣ противу ихъ во оружїяхъ стати, не щадяще имѣнїй своихъ и персонъ. Возвеселися же о сихъ царь, и вельми похваливъ храбрыхъ гражданъ своихъ во свою палату отыде, и повелѣ призвати сыны своя, и прїидоша къ нему вси, и сѣде кождо ихъ на своемъ мѣстѣ по достоинству ихъ. Царь Прїямъ сице рече сыновомъ сво-

имъ: о любезніи мои сынове! вѣсте, яко азъ васъ родихъ, вы же отъ мене родистеся, и кождо насъ союзомъ симъ вкупѣ вси связаны есмы и соединени, и сего ради должни есмы во всѣхъ полученіяхъ радостныхъ и печальныхъ другъ другу соединятися и сопріобщатися. Нынѣ же, вселюбезніи мои и благородніи сынове, колика бѣда объемлетъ душу мою, и колика печаль поядаетъ сердце мое отъ обдержащія напасти, внезапу на мя пришедшей! Сія много время коснящи въ сердцѣ моемъ, уже сокруши мя, поминая и предъ очи полагая мысленнѣ убійство отца моего, безчестное отвезеніе сестры моея, разрушеніе града моего, погубленіе граждан моихъ, плѣненіе женъ и дѣвицъ благородныхъ, расхищеніе сокровищъ моихъ, преобидѣніе посла моего, и вся лютая, яже нанесоша на мя Грекове немилости-

вїи: и того ради изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалїю великою. Убїеннымъ бо бывшимъ родителемъ нашимъ и гражданомъ, вамъ же, сынове мои, живымъ сущимъ, и въ толицѣй силѣ пребывающимъ, заповѣдую, яко отецъ, и молю коегождо васъ, препояшитеся храбростїю силъ вашихъ, и будите въ сыны сильныхъ, воздвигните храбрости вашея силу на сїя злая, грозну воспрїимите мысль, тяжкїя сїя обиды оружїемъ своимъ мстити. И обращся къ Гектору рече: и ты, любезнѣйшїй сыне мой Гекторе, иже во всѣхъ братїяхъ твоихъ перьворордный, иже лѣтами и храбростїю силы предваряеши прочихъ братїю твою, симъ моимъ воспоминанїемъ имися, и заповѣдей моихъ изслѣдованїе смѣло воспрїими; буди убо ты сего дѣла начальникъ и воевода, и братїя твоя тебѣ да повинуются, и вси Царїе намъ под-

властнїи послушати тя имутъ. И сїя рекъ Царь Прїамъ очи своя наполнивъ слезъ умолче.

ОТВѢТЪ ГЕКТОРОВЪ ПЕРВОРОДНАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Любимѣйшїй господь мой, и отче благородный, великїй Царю! аще мы о своихъ обидахъ не радимъ и не отмщеваемъ себе, то уже и неблагородни есмы въ человѣцѣхъ естествомъ; ибо и безсловесная животная видимъ нѣкогда себе отмщевающа. Возвѣщаю же извѣстно о изволенїи моемъ благородїю твоему, яко ни единъ же въ твоихъ сынѣхъ, дражайшїй отче, толико желателенъ убїйства врагомъ нашимъ, яко же азъ: да яко же есмь перьвый въ нихъ родомъ, сице перьвому подобаетъ ми желати и отмщенїя, и того ради въ крови ихъ десница моя окровавлена изгубитъ, иже дѣдовъ моихъ и граж-

данъ пролїяша кровь. Но едино дерзнухъ благородїю твоему воспомянути, дражайшїй отче, да хотѣнїе сего дѣла безсовѣтнѣ не воспрїимется, духъ желанїя своего на се взимая: то бо можетъ, яко же глаголютъ, поистиннѣ благо нарещися начало, ему же конецъ честенъ последуетъ. А еже видѣти токмо начало благо, и начинати дѣло, конца же опаснымъ здраваго совѣта разсужденїемъ не испытовати; не разсужденїя, но дерзости есть дѣло. Множицею бо случается таковымъ неразсмотрителемъ не постизати конца благаго, но строптивъ прїемлютъ, и зѣло въ раскаянїи о неразсмотрѣнїи своемъ бываютъ, тщету подъемлюще паче, неже прибытокъ прїобрѣтающе. Таково нѣчто дабы и насъ не постигло неразсмотрѣнїе; вѣси бо, дражайшїй отче, Африку и Европу днесь Грекомъ быти повинну, и коликимъ Греки

преизобилуютъ богатствомъ; колиkими ополчаются воинствы; колиkими храбрыми ополчители возмогаютъ; вѣмъ бо, яко и во Азїи мнози возмогаютъ человѣцы, но не суть въ ополчимомъ навыканїи зѣло бранливи, и сего ради коль сомнительно есть, аще оружїя противу сильнѣйшихъ насъ неизслѣдимымъ совѣтомъ понесемъ! едва или никако же постигнути можемъ, како будетъ конецъ желаемый. Чинъ бо нашъ днесь, иже толикимъ покоемъ цвѣтетъ, толикою славою блистаетъ; почто же хощемъ труды тяжкими смутитися, и отъ веселаго покоя притти ко убїйству бѣдно персонъ нашихъ? воистинну Ексїона нѣсть толикою цѣною искуплена, да за ея прїобрѣтенїе, аще случится, умрети толико славнымъ.

Да не возмниши же мя, дражайшїй мой отче, яко сїя азъ браннымъ страхомъ или сердца моего малодушствомъ изношу:

но сомнѣваюся страхомъ шуихъ и несчастливыхъ случаевъ, и да не твоего царскаго благородїя достоинство во влаятельныхъ паденїяхъ упразднится.

ОТВѢТЪ ПАРИСОВЪ ВТОРАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Умолча же по сихъ словесѣхъ разумный и храбрый Гекторъ; но Парисъ словеса Гекторовы слышавъ, отъ мѣста своего воста, и сими словесы возглагола; о пресвѣтлый и благороднѣйшїй Царю! слыши о концѣ поспѣшномъ, да возвѣщу благородїю твоему, и дамъ о семъ совѣсти твоей извѣстно знамя, яко отъ боговъ сїя неложно воспрїяхъ. Прежде бо малыхъ сихъ дней случися ми изыти на поле во множествѣ ловцовъ, и зверемъ сѣмо и овамо изысканнымъ бывшимъ, ничесого же возмогъ себѣ любезна уловити. Солнцу уже обращающуся близъ вечерних

предѣлъ, и уже помышляющу ми во градъ возвратитися, внезапу явися мнѣ елень нѣкїй на горахъ пустыхъ лѣсовъ оныхъ; текохъ же абїе во слѣдъ его зѣло быстро, мняхъ бо угнити его, и оставивъ всѣхъ товарищей моихъ, устремихся на гнанїе еленя. Егда же притекохъ къ чащамъ лѣса онаго, внезапу елень отъ очей моихъ изчезе. Что же прочее? утрудихся азъ самъ, такожде и конь мой весь мокръ бысть, капли каплямъ прилагая отъ велика пота, снидохъ же азъ съ коня своего, и къ вѣтьви нѣкоего древа привязахъ, и снемъ съ себе тулъ свой и сайдакъ, егоже ношахъ, снидохъ на землю опочити, и возглавїе отъ нихъ учинихъ, и се сонъ нѣкїй крѣпокъ абїе нападе на мя. Спахъ же зѣло крѣпко, и видѣхъ во снѣ томъ вельми дивно видѣнїе, яко богъ Меркурїй явися мнѣ, иже три богини водяше съ собою, Афродиту, Пал-

ладу, и Юнону. Нося же и яблоко нѣкое чудно, прїиде ко мнѣ, и рече ми сице: Парисъ! се приведохъ тебѣ три богини сїя, имѣющая прю между себе сицеву: ядущимъ бо имъ на нѣкоемъ торжественномъ брацѣ, яблоко нѣкое чудныя рѣзбы повержено бѣ въ нихъ, на немъ же написано бѣ, да краснѣйшей отъ нихъ дастся, и кая отъ нихъ краснѣйша есть, возвѣсти имъ, твоему бо суду предаются, и каяждо тебѣ за мзду суда твоего обѣщаетъ мною воздаянїе неложно. Аще учиниши Юнону госпожу быти яблоку, она устроитъ тя во всѣхъ вельможахъ земскихъ быти перьваго: аще ли же Палладу, то всякую премудрость отъ нея во мзду получиши: аще ли же Афродиту, то краснѣйшую и благороднѣйшую жену отъ Грекъ приведетъ ти. Тогда азъ отвѣщахъ Меркурїю: не могу, рекохъ, о семъ извѣстна и истинна суда дати имъ, аще не вси

наги предстануть ми. Сложиша убо абїе ризы своя три предреченныя дѣвицы, и тогда изслѣдимися суду быти истинну, яко Афродита тѣхъ другихъ двухъ добротою красоты своея явѣ превзыде, и сего ради учинихъ ону быти госпожу яблока онаго. Она же о полученїи яблока вельми бысть весела, и обѣтъ Меркурїевъ мнѣ вторицею подтверди. Тѣмъ же, великїй Царю, аще благоволитъ держава твоя, посли убо мя во Греки; азъ бо не ложно мысль благородїя твоего веселїемъ исполню. И сїя изрекъ Парисъ словесемъ своимъ конецъ сотвори.

ОТВѢТЪ ДЕИѲЕБОВЪ, ТРЕТІЯГО СЫНА ЦАРЕВА.

Скончану же бывшу Парисову отвѣту предреченному, воста Деиѳебъ, третїй сынъ Царевъ, отъ мѣста своего и рече: о пресвѣтлый и великїй Царю! яко аще бы

земледѣлатели опаснымъ совѣтомъ разсуждали, колика на нивахъ восхищаема бываютъ отъ птицъ сѣмена ихъ; то никогда бы браздамъ сѣменъ своихъ подали, и вси бы человѣцы гладомъ скончалися: такожде и корабленицы аще бы крѣпцѣ размышляли, колика озлобленія и страхи отъ морскихъ тревоненій подъемлютъ, множицею бо и потопленіе приключается: и престали отъ плаванія: то уже къ тому не влаемо бы намъ было море, и вся купледѣйствія погибли. Такожде бываетъ и при совѣтныхъ разсужденіяхъ; на бѣды бо аще кто не дерзаетъ, то и желанія своего не получаетъ. Сице же, великій Царю, и настоящее дѣло сіе инако, яко же непщую, исправится не можетъ, токмо бранію ратнаго ополченія. И сего ради да пошлются убо корабли воевати Грековъ, зане совѣту Парисову искуснѣ прекословитися не

можетъ. Аще случится ему оттуду благороднѣйшую жену привести, то поистиннѣ легко можеши пріобрѣсти благороднѣйшую свою сестру, И по семъ Деиѳебъ умолче.

ОТВѢТЪ ЕЛЕНОВЪ, ЧЕТВЕРТАГО СЫНА ЦАРЕВА.

По скончаніи же рѣчей Деиѳебовыхъ, воста Еленъ, четвертый сынъ Царевъ, отъ мѣста своего, и мысль свою изъяви сими словесы: о благородный и пресвѣтлый Царю! да не прогнѣвается на мя величествіе твое, зане хощу рещи предъ тобою самую истинну, отцу моему сущу ти и благодѣтелю. Понеже убо ты, великій Царю, истинный и правый Царь именуешися, якоже и есть, то почто къ толицѣй неправдѣ благородіе свое уклоняеши, и почто злому сему начинанію не возбраниши, но уже и въ дѣло беззаконіе се произ-

вести покушаешися? Кая бо есть правда, или коего благородія дѣло, еже восхищати жены чужія, и отводити ихъ во своя отечества, и тѣмъ безславити свою царскую державу? Ни, господи мой, великій Царю, да не ниспадетъ къ толику грѣху благородіе твое, еже сотворити по словесемъ Парисовымъ, и утвердити совѣтъ брата моего. Аще бо ты самъ множицею о семъ порицаеши Грековъ сицевая творящихъ; почто же къ толику же беззаконію, и самъ ниспасти порѣваешися? Ни, господи мой, ни; да не сотвориши тако, яко зѣло срамно есть; къ тому же еще и бѣда велика хощетъ быти царству твоему, аще сотвориши се. Вѣсть бо благородіе твое мене наказанна суща въ вѣденіяхъ будущихъ, яко о хотящихъ быти; мало изыде отъ устъ моихъ слово ложно, еже бы не послѣдовала сему самая

правда, и сбытіе вещемъ. Тѣмъ же и о настоящемъ семъ дѣлѣ благородію твоему возвѣщу, и дерзновенно реку, и за истинну слово свое укрѣплю, яко аще сынъ твой Парисъ во Грецію пойти дерзнетъ, и на землю Греческую наступитъ, и оттуду благородную жену похищеніемъ приведетъ во Трою; то безъ сомнѣнія вѣждь, яко сей славный градъ нашъ Троя великая въ пепелъ превращенъ будетъ отъ Грекъ, и граждане твои оружіемъ падутъ, и насъ всѣхъ, иже отъ твоея крове изыдохомъ, узритъ твое царское око мечи разсѣкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, послѣди же и самого тя преславнаго Царя узрятъ человѣцы на песцѣ разсѣчена лежаща, и удивятся вельми, и главами покивающе рекутъ: како толикъ и таковъ великій Царь и сынове его безсовѣтнѣ падоша, и славный его градъ разсыпася, и въ поле запустѣнія положися!

И сїя изрече Еленъ премудрый, поистиннѣ бывъ исполненъ царскою мудростїю; самъ же стоскнувся печалїю великою умолче, и яко боля сѣде на своемъ мѣстѣ. Въ сихъ словесехъ Елена премудраго сумняшеся мысль Царева, и исполнися смущенїя велика, и сего ради во всѣхъ предстоящихъ отвсюду бѣ молчанїе тихо, ниже бо кто смѣлъ едино слово испустити.

ОТВѢТЪ ТРОИЛОВЪ, ПЯТАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Тогда Троилъ, отъ сыновъ Царевыхъ юнѣйшїй, видѣвъ, яко вси многаго ради смущенїя молчатъ, расторгъ молчанїе сими словесы возглагола: о мужїе благороднїи и зѣло смѣлїи! почто смущаетеся во многихъ гласомъ единаго малодушнаго книжника? ни ли сущее есть книжнику отметати брани, бѣжати нахожденїя, ихъ же едино тво-

ритъ малодушство, любити пищи и во единомъ питанїи брашенъ и питїя сытостью надыматися? Кто бо отъ человѣкъ совершенно вѣсть будущая? тѣмъ же да шествуетъ Еленъ, аще страхомъ поражается, на мольбищахъ служити жреческая, и да оставитъ прочихъ, иже стыдѣнїемъ срамоты покрытися не могутъ, во оружномъ сраженїи взыскати отмщенїя. И обращься ко Царю, тако рече: почто о его рѣчахъ толь суетныхъ, толь худыхъ, Царю славный смущаешися? повели корабли готовити, и войску бранному на путь препоясатися, яко совѣту Парисову не мощно есть противитися. Аще бо ключится ему оттуду привести благороднѣйшую нѣкую жену; то поистиннѣ благородїе Ексїонино абїе узриши, великїй Царю; благотворнымъ бо премѣненїемъ каждо отъ нихъ познаетъ свою страну и отечество, мы же къ тому безпечальни

будемъ, не терпяще толикія укоризны отъ враговъ нашихъ. И по сихъ словесехъ Троилъ умолче.

Угодися же совѣтъ Троиловъ всѣмъ предстоящимъ; вси бо совѣтъ его вельми похвалиша: произволи же на се и самъ Царь.

Тогда нѣкій воинъ отъ предстоящихъ, именемъ Партеусъ, сынъ нѣкоего философа велика, именемъ Евфобрія, приступивъ рече ко Царю: о великій и преславный Царю! вѣмъ бо, яко добрѣ вѣсть благородіе твое мене имуща отца Евфобрія, сто и осмьдесятъ лѣтъ уже живщаго, и всякія мудрости совершенно навыкшаго, въ знаніи бѣга небеснаго и въ вѣденіи будущихъ зѣло искуснаго: сей многажды ми о сей вещи рече, и за истинну слово свое утверди, яко аще, рече, сынъ вашъ царскій дерзнетъ пойти во Грецію, и оттуду приведетъ во Трою жену благородну: то уже славный градъ вашъ сей

до конца опровержен будет от Грек, и к тому не возградится в вѣчное время, и жители его ови оружїем умрут, ови же в плѣн и в работу отведены будут, и к тому не возвратятся, и тако измрут. И сїя дерзнух державѣ твоей возвѣстити, великїй Царю, яко да сїя слышав благолѣпнѣ о сем разсудиши, яко нѣсть добро словеса мудрых мужей презирати, от великаго их разумѣнїя и от многаго искусства премудрости глаголанныя; и сїя рек умолче. К словесем же Партеусовым, сице изрекшаго, ропот велїй воста в палатѣ Царевѣ от предстоящих, его бо и отца пророченїя отвергающе, и совѣту его волити не хотяще. Тогда Цар Прïям повелѣ абїе сыновом своим Парису и Деиѳебу, такожде и Князем, Енею и Полидаму, да во Грецїю с ополченїем в путь препояшутся. Повелѣ же им и корабли

уготовляти, и воинству вооружатися. И сему повелѣнію бывшу, абіе вси разыдошася отъ палаты Царевы зѣло радостны и веселы, яко Парисъ во Греки съ воинствомъ имать отыти.

Егда же увѣда о семъ Кассандра, дщи Царева, зѣло расторжеся во многія слезы, и въ горести души своея пріиде въ палату Цареву, дождевыми каплями слезъ своихъ окроплена сущи, и рече ко Царю: почто повелѣлъ еси, великій Царю, основанія Троянская разрушати Парису, брату моему, иже толикимъ временемъ и труды и иждивеньми состроенная тобою свѣтлая зданія въ краткое время разсыплетъ пошествіемъ своимъ симъ? вѣчно бо раззорится Троя, и твое благородіе царское прейдетъ, и сынове твои оружіемъ падутъ, и благородніи твои и свѣтліи воини на бранѣхъ умертвятся, и граждане твои мечи

изсѣчени будутъ, прочїи же въ плѣнъ и въ работу отведутся, благородныя же жены и дѣвицы срамное насилїе потерпятъ, имѣнїя же твоя царская и гражданская вся разхитятся, и прежде даже не совершится сицевымъ злымъ, благоволи удержати Париса, да не идетъ во Грецїю, и да не раззоритъ тако града нашего.

И егда Кассандра сїя изрече, тогда высокимъ гласомъ возопи, со многими слезами Царя отца своего прилѣжнѣ моля, да престанетъ отъ начатаго. Царь же повелѣ ея абїе изгнати изъ палаты своея, и заповѣда ей, яко да не входитъ къ нему. И аще бы Трояне совѣтованїе Гекторово, Кассандрино увѣщанїе, совѣты Еленовы, наученїя Партеусовы любезнѣ воспрїяли; Троя не плакала бы вѣчныхъ своихъ паденїй, яже и до нынѣ остави по себѣ человѣкомъ толикую плачевную повѣсть.

О ПОШЕСТВІИ ПАРИСОВѢ ВО ГРЕЦІЮ СЪ ВОИНСТВОМЪ СВОИМЪ.

Уготовленнымъ же бывшимъ кораблемъ двадесяти двумъ, и вложеннымъ бывшимъ въ нихъ всякимъ потребамъ довольно, ихъ же вина плаванія прошаше, Парисъ и Деиѳебъ, такожде Еней и Полидамъ, препоясашася оружіемъ брани своея на ополченіе, и на корабли своя восходятъ. По томъ же избранныхъ и храбрыхъ воиновъ Троянскихъ, числомъ три тысящи, на корабли своя извлекше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего емлюпся. Пловущимъ же имъ поспѣшнымъ плаваніемъ, внезапу пріиде имъ въ стрѣчу нѣкій корабль, въ немъ же бѣ нѣкій Царь отъ большихъ Греческихъ, именемъ Менелай, зане Княземъ Несторомъ въ то время позванъ ко граду Пирѣ [или Пилону] пловяше. Сей же Менелай, братъ Агамемнона Царя, имѣ у себе Елену жену,

яже во дни тѣ чудною красотою цвѣтяше, и сестра бяше Кастора и Поллукса Царей. Трояне же видяще корабль онъ отъ нихъ уклоняющійся сего ради познати ихъ не могоша, ниже паки тѣ ихъ познаша, и тако разыдошася.

Пришедшимъ же имъ по случаю во островъ Ситарїю, ту присташа на дни нѣкія. Въ семъ же островѣ Ситарійскомъ капище нѣкое бѣ отъ древнихъ сооружено въ честь Афродиты; капище же то исполнено бѣ многимъ безчисленнымъ богатствомъ; множество бо вельми въ немъ бяше злата и сребра, каменія же драгаго и бисера великаго, и всякія иныя утвари, и камокъ златыхъ, и прочихъ богатствъ многая вельми множества. Не далече же островъ той отстояше отъ Менелаева царства малымъ разстояніемъ. Во оное же время въ томъ островѣ чествовашеся Аф-

родитинѣ начальный праздникъ, и сего ради отъ окольныхъ странъ праздника ради сшедшеся множество мужей и женъ благородныхъ обѣщанія своя исполняху, дары приносяще Афродитѣ. Егда же о семъ возвѣстиша Парису, тогда лѣпотнѣ урядився Парисъ украшеніи царскими и во множествѣ благородныхъ вниде въ мольбище молебнымъ лицемъ, и ту Богинѣ Афродитѣ дары своя во множествѣ злата и сребра принесе. Бяше бо Парисъ многою красотою лѣпъ, всѣхъ своихъ, такожде и чужихъ образомъ красоты своея превосходя, егоже увидѣвшіи вси предстоящіи въ капищѣ ономъ, вельми чуждахуся, тѣмъ же и прилѣжнѣ зряху нань. Мужіе же и жены вельми дивляхуся царскимъ украшеніямъ, наипаче же чудной красотѣ его, и зѣльнѣ желаху вѣдати о немъ вопрошающе: кто есть сей чудный юноша? тако бо людіе уди-

вляхуся о немъ, яко вся она праздничная игранія оставльше, о немъ внимаху; зѣло бо въ нихъ славенъ являшеся, и сего ради не утаися отъ нихъ природа Троянская. Сказуютъ же имъ Трояне Париса быти, сына Царя Пріяма Троянскаго; идетъ же во Грецію повелѣніемъ отчимъ, да у Царей Греческихъ испроситъ нѣкую отца своего сестру. Слышавше же людіе сіе, наипаче прославляху благородіе его, и отвсюду прибѣгаху зрѣти его, и вельми стѣсняхуся. Таковъ бо бяше оный Парисъ, да яко всѣхъ человѣкъ неволею на зрѣніе красоты своея понуждаше. Слуху бо о немъ повсюду раздавшуся вскорѣ Еленѣ Царицѣ во уши достиже.

Егда же Еленѣ о красотѣ Парисовѣ слухъ достиже, абіе восхотѣ видѣти его, праздника вину притворивъ, яко обѣщанія нѣкая хощетъ исполнити. Повелѣваетъ рабомъ своимъ готовити ко-

ни и спутники, зане вскорѣ въ Ситарїю хощетъ пойти. Уготовленнымъ же бывшимъ конемъ и колесницамъ, Царица Елена всѣде въ колесницу, и на брегъ моря абїе прїиде, и оттуду на корабль взыде и скоро въ Ситарїю достиже, и отъ всѣхъ, яко Царица и госпожа того острова, со многою честїю воспрїята бѣ. Егда же паки прїиде въ капище, Парисъ видѣвъ ю зѣло удивися, и скоро прїиде ко своимъ кораблемъ, идѣже всѣхъ больши войска своего къ себѣ призвати повелѣ. Имъ же сшедшимся, Парисъ сїя словеса изрече: о свѣтлїи и благороднїи Трояне! вы вѣсте сами, коея ради вины Царю, отцу моему насъ угодися во Греки послати; бѣ бо поистиннѣ всячески мысль его, да нашимъ прилѣжанїемъ благородную Ексїону, сестру свою прїобрящетъ. Прїобрѣтенїе же ея не зѣло легко намъ быти видится, зане вѣмы ея отъ

Царя Теламона держиму сущу, мужа убо бранна, иже намъ ея не безъ тяжкаго браннаго сраженія отдати поступитъ, ниже въ насъ нынѣ толика мочь есть, яко да оному Царю преодолѣти могли бы въ силахъ нашихъ. Нынѣ же сами зримъ, яко въ семъ островѣ, воньже насъ счастливый случай приведе, капище многаго богатства исполнено есть; множество бо въ немъ велико злата и сребра, и каменія драгаго и бисера обрѣтается, и матерій златыхъ, множество ту мужей же и женъ благородныхъ праздника ради пришедшихъ, промежъ же сихъ есть ту и Царица Елена, того острова госпожа, Менелая Царя жена, Кастора и Поллукса Царей сестра. И аще лѣпо вамъ видится, въ темноту нощную нападемъ на храмъ сей вооруженною рукою, и всѣхъ ту сущихъ плѣнимъ, и отведемъ на корабли наша; наипаче же Царицу Елену и ея

спутниковъ аще побѣдительною рукою отведемъ во Трою, такожде и богатство капища сего съ собою вземше отнесемъ, честенъ поистиннѣ и радостенъ возвратъ нашъ будетъ во своя си. Легцѣ бо можетъ Царь Пріямъ, отецъ мой, симъ нашимъ тщательнымъ попеченія промысломъ свою царскую пріобрѣсти сестру. Токмо помедлимъ здѣ благодарни, донелѣже пріидетъ время. И егда сія изрече Парисъ, тогда воинство его слышавше, въ разная хотѣнія раздѣляются, ови брань хотятъ, друзіи же отрицаютъ, послѣди же обще вси на то снидошася, яко да въ темноту нощную нападше на мольбище оно вся поплѣнивъ разграбятъ.

Бысть же нощи пришедшей, и звѣздамъ явльшимся, и къ захожденію лунѣ приходящей, Трояне въ молчаніи оружія своя пріемлютъ, и тихо отъ кораблей кони своя изъем-

лютъ; и на землю сходятъ, и всѣдше на кони, нападаютъ на храмъ онъ вражебною мыслїю, и лютѣ сѣчаху Грековъ, обрѣтающихся ту: благородныхъ женъ и благородныхъ дѣвицъ поемлюще, отвожаху на корабли своя. Самъ же Парисъ Царицу Елену и ея спутниковъ своею рукою взя, и понуди ея Парисъ волею паче, неже неволею. Ведется убо Елена отъ Париса къ кораблемъ его; приведъ же ю на корабль свой, остави въ вѣрнѣмъ стреженїи. И егда паки прїиде Парисъ на грабленїе, вопль убо велїй воста, въ нощномъ молчанїи, наипаче же отъ тѣхъ, иже смерти хотяху предатися. Внушается же той вопль отъ гласовъ убиваемыхъ въ нѣкоемъ городкѣ, иже на высоцѣ мѣстѣ, надъ капищемъ онымъ утвержденнѣ, въ немъ же живяше нѣкое число ополченныхъ юношъ, иже воинскою службою цвѣтяху. Возбудившеся отъ гласовъ онѣхъ,

и ужасшеся возстаютъ отъ ложей, и оружїя своя прїемлютъ, и отворивше врата исходятъ на ополченїе съ великою скоростїю, мняще плѣнныхъ прїобрѣсти персонъ; сраженїе же бываетъ велїе, отъ него же последуетъ убїйство велико. Падаютъ убо воини сѣмо и овамо, ови язвени, ови же убиты, но послѣди Трояне силою великою превосхождаху Грекъ, множества ради оружникъ. Бывшу же устремленїю на Греки, обращаютъ ихъ въ бѣгъ и даже до горнаго корени городка предреченнаго мечи гонятъ, и бываетъ ту конецъ брани. Трояне побѣдивъ радуются, возвращаются въ корабли своя, ничето же драгаго въ мольбищѣ ономъ не оставльше; но вся похищенїемъ пограбиша, и распростерше вѣтрила своя, пути своего коснушася, и благоспѣшнымъ плаванїемъ бѣжаще седьмь днїй, во осмый день къ предѣломъ Троянскимъ коснушася, и во

островѣ Тенедонскомъ здравїи приспаша, за шесть миль отстояще отъ Трои.

Тогда Парисъ вѣстника своего абїе ко отцу своему Прїяму посла, иже и пришедъ ко Царю сказуетъ Париса здрава въ Тенедонъ пришедша со всѣми своими, приведша же съ собою и Царицу Елену и иныхъ множество благородныхъ женъ и дѣвицъ. Царь же Прїямъ егда услыша сїя, неизреченною радостїю возвеселися зѣло, и сказуетъ Княземъ своимъ и вельможамъ, Париса здрава со всѣми въ Тенедонъ пришедша, и приведша съ собою Царицу Елену. Они же сїя слышаще такожде радостни быша вельми. Между же симъ егда Парисъ вѣстника своего посла во Трою, и донелѣже ему вѣсть прїиде отъ Царя, пребываше въ Тенедонѣ. Въ то же время Царица Елена разжалився, начя плакати, поминая славу цар-

ствїя своего и дщерь свою Ермонїю, юже остави, къ тому же еще зря и иныхъ благородныхъ своихъ женъ и дѣвицъ плачущихся наипаче плакашеся, помышляя, яко мене ради единыя сїи вси отечества своего отпадоша, дѣвицы родителей, жены же мужей и дѣтей своихъ лишишася, и быша плѣнницы въ земли чуждей; такожде и сама азъ бывши иногда Царица, а нынѣ таже плѣнница быхъ, яко же и они, и сїя вся во умѣ своемъ мысляше, зѣло скорбя и изнемогая духомъ. Парисъ же прїиде къ ней, и видѣвъ ю тако плачущуся, рече ей: почто, Царице, тако плачешися, сокрушающи ми сердце, и непостоянство являющи, люте досаждаеши ми симъ, еже и не лѣпо есть тако Царицамъ творити, благородїе свое срамляя малодушїемъ и непостоянствомъ? прежде бо сама ты возлюбила еси честь благородїя нашего, нынѣ же паки пла-

чемъ любовь свою окончеваеши, яко бы укоризну нѣкую или обиду написуя намъ, ни что же порочно сотворшимъ. По истиннѣ бо глаголю ти, яко въ любимую и законную жену пояти тя умышляю; или паки тя на плачь понуждаетъ любовь оставленнаго тобою мужа? но онъ нѣсть ми во благородствѣ подобенъ, ниже въ храбрости равенъ. Или паки о царствіи своемъ печалишися? и то, госпоже, отнюдъ не по разсмотренію же твориши; отъ малаго бо своего царствія въ великая измѣнишися. Не вѣси ли, яко многія царства Троянскому скипетру повинни? вси же сіи преимѣющею царскою честію почитати тя имутъ, и дары благородію твоему принесутъ, яко истиннѣй Царицѣ и Госпожѣ. Или паки о благородныхъ своихъ женахъ и дѣвахъ скорбиши? по истиннѣ бо въ чести велицѣй по изволенію твоему устроени бу-

дутъ: и аще кая отъ нихъ похощетъ мужа, то прекрасныхъ и благородныхъ юношъ жениховъ подамъ имъ. И сего ради, госпоже, глаголю ти, престани отъ сицевыхъ жалобъ, и утѣшися отъ толика неполезна плача: аще ли же ни, то поистиннѣ ничто же ино оттуду себѣ пріобрящеши, токмо сердцу моему суетное сокрушеніе. Сія же услышавъ Царица Елена, вельми ужасеся, и рече Парису: возвѣщаю благородію твоему вину плача моего, яко дщере ради моея сице плачуся, понеже оставихъ ю у питательницы ея зѣло малу сущу. Не по мнозѣ же пріиде отъ Царя Князь нѣкій благороденъ къ Парису и Деноебу, сыновомъ царскимъ, съ миромъ отъ лица Царева. Принесе же и дары многоцѣнны, посланныя отъ Царя Пріяма, на знамя милости Царицѣ Еленѣ; по томъ же паки пріидоша отъ Трои многія жены бла-

городныя для прїятїя Царицы Елены. Принесоша же ей зѣло многоцѣнны отъ Царицы Еккубы и честны дары, и поклонишася ей, поздравляюще ю отъ лица Царицына. По томъ приведоша колесницу царскую прїятїя ради Еленина, такожде и иныя многїя колесницы позлащенныя приведоша, для благородныхъ ея женъ и дѣвицъ.

Егда же вся сїя узрѣ Царица Елена, зѣло возвеселися о прїятельствѣ Царстѣмъ и Царицынѣ, забывая всю печаль свою. Во утрїй же день повелѣ Парисъ корабельному воинству своему итти ко Трои; сами же начаша такожде строитися къ пути: и егда урядишася зѣло чуднѣ, и вся благолѣпнѣ устроиша, тогда Парисъ и Деиѳебъ, такожде Еней и Полидамъ, Князи Троянскїе, на избранныя и храбрыя кони своя всѣдоша: по томъ же и Царица Елена на колесницу царскую взыде, та-

кожде и прочїя благородныя жены и дѣвы на колесницы всѣдше, ко Трои поидоша.

Егда же прїидоша близъ Трои, тогда изыдоша повелѣнїемъ Царевымъ вси граждане съ женами и дѣтьми во срѣтенїе Еленино во свѣтлыхъ ризахъ, честь царскую приносяще ей, и радующеся пришествїю ея. И егда прїидоша близъ вратъ градскихъ, тогда изыдоша всѣ благородныя жены Троянскїя во срѣтенїе Царицыно, и падше поклонишася ей, и въ слѣдъ колесницы ея пойдоша пѣши, честь благородїю ея воздающе. Егда же внидоша во врата градныя, тогда народи абїе возгласиша во вся трубы и органы, во свирѣли же и гусли, и въ прочїя инструменты гласовъ мусикїйскихъ, вельми радующеся и веселящеся о пришествїи Еленинѣ. Царь же Прїямъ во множествѣ зѣло благородныхъ Троянскихъ далече изыде отъ палаты

своея во срѣтенїе Елены Царицы. Она же егда узрѣ пришествїе самого Царя, сниде съ колесницы своея, и падъ поклонися Царю Прїяму. Онъ же прїемъ цѣлова ю въ велицѣй радости, и повелѣ паки взыти ей на колесницу свою; самъ же пѣшъ за узду коня ея веземъ къ палатамъ своимъ приведе. По прибытїи Царицы Елены со многою честїю въ палаты царскїя, повелѣ Царь Прїямъ пришествїя ради ея пиръ великъ сотворити гражданамъ. Во утрїй же день Парисъ Елену въ капищѣ Палладинѣ въ жену себѣ поемлетъ, и тако Трояне праздники праздникомъ, и радости радостемъ отвсюду прилагающе неизреченно веселяхуся, и чрезъ осьмь дней во играхъ и веселїи упражняхуся. Егда же прїиде въ слухъ Кассандрѣ, дщери Царевѣ, яко Парисъ Елену въ жену себѣ поемлетъ, зѣло расторжеся во мно-

гія слезы и высокими гласы вопія, сице рече: о славный и пречудный граде Троя великая, всея вселенныя удивленіе! тяжкими поръвaешися днесь паденіи, и уже въ краткое время низпадеши, и стрѣльницъ твоихъ высокія холмы разрушатся, и дадутся въ конечное опровержение. О неблагочестивый Царю Пріяме! иже порокъ лютъ учинилъ еси своему царствію, и того ради падеши оружіемъ; такожде и ты, Царице Еккуба, того же грѣха оболчена сущи срамотою, колика изнесеши воздыханія въ погубленіи чадъ твоихъ, ихъ же иссѣчетъ и изгубитъ кровавый мечь, послѣди же и сама пагубною смертію умреши! О неблагочестивіи Трояне! почто радуетеся о брацѣ Парисовѣ, иже толикимъ убійствамъ вина есть? сей бо поистиннѣ бракъ его нѣсть бракъ, но гробъ отверстый и врата смертныя всѣмъ Трояномъ. О бѣдныя матери Троянскія! како мо-

жеше извести изъ очей вашихъ толико слезъ о убїйствѣ вашихъ чадъ, егда узрише ихъ мечи разсѣкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, и внутреняя ихъ коньми попираема? Отринише, бѣднїи Трояне, немилостивый трупъ сей отъ домовъ вашихъ, аще хощете животъ вмѣсто смерти купити. О злочестивая Елена, паче же львица жестокая Елена, яже послѣди толикїя болѣзни намъ породиши! Сицевая же и ина многа Кассандра, дщи Царева, рыдающи глаголаше. Царь же Прїамъ изымати ея повелѣ, и въ оковахъ утвердити, въ нихъ же чрезъ многїи дни Кассандра сѣдяше непрестанно рыдая.

О СОВѢЩАНІИ ЦАРЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ, КАКО БЫ ИМЪ ОБИДУ СВОЮ МСТИТИ, И О ИЗБРАНІИ НА ВОЕВОДСТВО ОПОЛЧЕНІЮ ИХЪ ЦАРЯ АГАМЕМНОНА.

Егда же сїя тако во градѣ Трои дѣйствовахуся любочестнѣ, паче же рещи, злосчастнѣ сотво-

ряхуся, слухъ многорѣчный повсюду во уши Менелая Царя многимъ сказанiемъ достиже, иже не отшелъ еще отъ Пилона, ниже отъ сообщенiя Князя Нестора отлучися. Сказуютъ бо ему случившуюся обиду, отъ Троянъ нанесенную во островѣ Ситарiйскомъ, како Трояне капище потрабиша, многаго богатства исполнено, како людей его посѣкоша, и благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведоша, послѣди же и восхищенiе Царицы Елены ему возвѣстиша, юже онъ паче самого себе любляше. И егда же вся сiя услыша Царь Менелай, изнеможе духомъ, и не можаше глаголати ничтоже. Возвѣщена же сiя быша Князю Нестору, и абiе со тщанiемъ прiиде къ нему, и многими сладкими словесы понудися утѣшити скорбящаго, но не возможе. Никакоже бо Царь Менелай покоя себѣ дати возмогль; плачешся убо зѣльнѣ о грабленiи ка-

пища, плачется о погубленіи граждань, и о восхищеніи плѣнныхъ, наипачеже плачется красоты Еленины, въ чуждей земли обруганной, и никако же отъ плача престати можаше. Абіе на путь препоясуется, и во свое царствіе отыде, егоже Князь Несторъ не остави, но съ нимъ пойде во царство его.

Егда же пріиде, тогда скоро посла ко Царю Агамемнону, брату своему, моля его, да къ нему пріидетъ; такожде и ко Царемъ Кастору и Поллуксу, братіямъ Еленинымъ, вѣстника своего послалъ моля ихъ, да къ нему пріидутъ: самъ же отъ великїя оныя печали лежаше на ложи своемъ вельми плачася. И вскорѣ къ нему братъ его Царь Агамемнонъ пріиде, и видѣвъ его тако скорбяща и изнемогающа духомъ, сицевая словеса рече ему: почто, брате, плачеши тако лютѣ сокрушая свое сердце толикою скорбїю? или

не вѣси, яко скорбь ничто же ино творитъ человѣку, но точїю тѣла изсушенїе, и ума омраченїе, и крѣпости погубленїе; не прилично бо есть Царю, паче же храброму, тако плакати, и нѣсть сїе храбрымъ сердцамъ обычай, но женскаго малодушїя дѣло. Ты же, брате, отложи отъ себе, молю тя, сїе укоризненное и смѣха достойное малодушїе, и будучи доблественъ ратоборецъ, облецыся въ мужество, и препояшися храбростїю силъ своихъ, и смѣльствомъ здраваго совѣта отвсюду процвѣтая можеши не токмо себе отмщевати, но и иныхъ защищати. Скорбїю же малодушїя аще поглощенъ будеши, не точїю возможеши иныхъ защищати, но и себе погубиши, умирая смертїю смѣха достойною. Тѣмъ же послушай мя, полезная глаголюща ти, воздвигни храбрости твоея силу на сїя злая, и воспрїими грозную мысль, тяжкїя

сїя обиды оружїемъ своимъ мстити; ко всѣмъ бо Царемъ и Княземъ писанїя наша да послемъ съ моленїемъ, яко да во отмщенїе сего безлѣпія съ силою предстанутъ намъ. Вѣмъ бо, яко всея Греческія области Царїе и Князи нами молими суще, оружїя понести на Троянъ не отвергутся; мышцею бо сильною, и во множествѣ кораблей нашихъ ко Трои мы единодушно приступимъ. На Троянскихъ же брезѣхъ аще шатры наши поставимъ, то поистиннѣ жестоко будетъ, и не можно Фригїяномъ насъ отъ бреговъ своихъ отринути, но будутъ перьвѣе большїи ихъ мечемъ посѣчены; прочїи же въ плѣнъ и въ работу отведени будутъ во Грецїю, и здѣ да умрутъ въ земли чуждей: и онъ Парисъ, иже толикихъ злыхъ содѣятель, аще случится изыманъ быти, яко лукавый разбойникъ, повѣшенъ будетъ на древѣ, и горчайшїя казни потерпитъ.

Злое бо недугованіе злыми и горкими врачеваніи отгоняется; тако и злая сія начинанія злымъ и ратнымъ ополченія концемъ совершитися имутъ: мечемъ бо откровеннымъ месть предлежитъ, а не ропотными жалобами, ни слезными изліяньми, якоже ты твориши, Царю, осрамляя благородіе свое. И сихъ словесъ Агамемнона Царя умильнѣ зѣло послуша Менелай, и вскорѣ писанія своя ко всѣмъ Греческимъ Царемъ и Княземъ разосла, моля ихъ о поможеніи на Троянъ. И егда писанія Царя Менелая во вся царствія Греческая достигоша; тогда вопервыхъ пріидоша къ нему на помощь они честніи мужіе, Ахиллесъ храбрый, и Патроклъ Царь, и сильнѣйшій Діомидъ Князь, и все дѣло имъ подробну изъявлено бысть. Они же прежде всего умыслиша себѣ избрати воеводу, яко да подъ его правленіемъ все войско здравѣ упасется; и избраша себѣ въ воеводы

Царя Агамемнона, мужа храбра, и здраваго совѣта разсужденіемъ цвѣтуща, и даша ему всего ополченія власть.

Предреченніи же Царіе Касторъ и Поллуксъ, братія Еленины, егда услышаша о восхищеніи Елены, сестры своея, въ корабли вшедше на море вдашася, и мнѣвше Троянъ во Фригію еще не достигшихъ, перенять ихъ покусишася; и не у чрезъ два дни здраво плыша. Егда же скоро небо облечеся облаки, и мрачныя наведе тьмы, отвсюду блистаніемъ разнымъ изходящимъ, и вѣтру свирѣпо дышущу, тѣмъ же гремятъ велегласныя волны, и мысли плавающихъ въ страхъ понудимы быша, и не замедливъ сокрушаются древеса, раздираются парусы, вся корабельная устроенія погибаютъ, и вооруженныя разсѣваются корабли. Корабль же онъ, въ немъ же два брата Цари, сокрушену бывшу кормилу его, и древе-

семъ его многими удары сражен-нымъ, своея гребли лишися; носит-ся по пучинѣ безвѣстнымъ плава-нiемъ, ово прямо, ово криво по морю прерыщетъ, послѣди же погибе мор-скими зiянiи. Дну его разрушенну, doскамъ отторгнутымъ, никому же иному видящу; погружается въ вол-нахъ, въ немъ же два брата Цари, я-коже истинно непщуется быти, у-топоша, и прiобрѣтенiе сестры сво-ея своею смертiю навершиша. Сихъ братiй смерть языкомъ бѣ безвѣс-тна, и того ради обезумившеся глаголютъ, яко взяты быша въ Боги; тѣмъ же и звѣзду зодiйную во имя ихъ близнецы быти нарекоша.

О ПРИШЕСТВIИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕ-ЧЕСКИХЪ ВО АѲIНСКОЕ ПРИСТАНИЩЕ, И О ЧИСЛѢ КОРАБЛЕЙ, ИХЪ ЖЕ ПРИ-ВЕДОША СЪ СОБОЮ НА ТРОЯНСКОЕ РАЗЗОРЕНIЕ.

Егда же предреченная писанiя Ме-нелая Царя во вся царствiя до-стигоша: тогда вси Царiе Гречестiи,

и Князи, и начальницы вкупѣ снидошася во Аѳинское пристанище съ воинствы своими. Царь Агамемнонъ, всего Греческаго ополченія начальникъ, сто кораблей приведе на ополченіе отъ своего царствія. Царь Менелай шестьдесятъ кораблей приведе съ собою отъ своего царствія. Ахиллесъ храбрый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствія. Царь Уликсъ доброрѣчивый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствія. Царь Теламонъ отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Князь Несторъ отъ своего княжества пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Протезилай отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Патроклъ отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Седей и Царь Епистропъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Князь Діомидъ отъ своего владѣнія пятьдесятъ кораб-

лей приведе Царь Филиксъ и Царь Ксантиппъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Царь Архелай и Царь Протеноръ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Менестей, Князь Аѳинскій, пятьдесятъ кораблей отъ области своея приведе. Прочіи же Царіе и Князи четыре ста двадесятъ и два корабли приведоша на ополченіе, и бысть всѣхъ шедшихся Царей и Князей Греческихъ на ополченіе противу Троянъ числомъ шестьдесятъ девять; а кораблей ихъ бяше тысяща двѣсти двадесятъ два, кромѣ кораблей Паламидовыхъ, сына Наула Царя: той бо съ корабли своими послѣди пріиде.

О ПРИШЕСТВІИ ЦАРЕЙ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ НА ПОМОЩЬ.

Пріидоша же и въ Трою ко Царю Пріяму на помощь Царіи нѣцыи съ воинствы своими, въ защищеніе гра-

да Трои противу Грековъ ополчатися. Первѣе пріиде храбрый Царь Мемнонъ; воинства же его пять тысящь пріиде съ нимъ. По томъ же пріиде Персей, Царь Еѳіопскій, съ пятьюжъ тысящами воинъ. По томъ Царь Ремъ пріиде съ тремя тысящами воинъ. По томъ же паки пріиде Царь Глеиконъ съ сильнѣйшимъ сыномъ своимъ Сарпедономъ съ ними же воинства ихъ пять тысящь пріидоша. Паки же по семъ пріиде Царь Ѳилименъ съ двумя тысящами воинъ. По семъ же пріиде Перскій Царь съ пятію тысящами воинъ. По семъ же пріиде Царь Седемонъ съ двумя тысящами воинъ. По томъ пріиде Царь Епистропъ съ пятію тысящами воинъ; приведе же съ собою и Дама стрѣльца дивнаго видомъ въ низъ бѣ конь, а въ верьхъ человѣкъ, И быстъ всѣхъ воиновъ пришедшихъ со Цари оными, тридесять двѣ тысящи, кромѣ воиновъ Царя Пріяма

Троянскаго, и якоже отъ страны Греческія, тако и отъ страны Троянскія весь цвѣтъ воинскій собрашася ратоватися браньми крѣпкихъ ополченій.

ЗДѢ ЖЕ ФРИГІЙ ДАРІЙ ОПИСУЕТЪ ОБРАЗЫ И НРАВЫ ГРЕЧЕСКИХЪ БОЛЬШИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ.

Царь Агамемнонъ, начальникъ и воевода всего Греческаго ополченія, высокъ бяше возрастомъ, лѣпъ же образомъ, млечною обліянъ бѣлостію, храбръ во оружїяхъ и совѣтомъ здраваго разсужденія вельми цвѣтущій,

Менелай же Царь, братъ его, не бѣ толико высокъ, но возрастъ его, кромѣ высоты и низости, посредство лѣпымъ образомъ храняше, во оружномъ же сраженіи бяше храбръ и смѣлъ зѣло.

Ахиллесъ же многою красотою чуденъ бяше, храбръ же вельми, и силенъ крѣпостію великою, смѣльствомъ же всѣхъ Грековъ превосхождаше.

Теламонъ же Царь образомъ красенъ бяше, власы имѣя черны курчеваты, и любляше въ пѣнїи услаждатися, зане гласъ сладостенъ имяше; мусикїйская же игранїя любезнѣ слушаше, во ополченїяхъ же чудный бяше воинъ, и силою многою бранноносецъ.

Уликсъ же Царь всѣхъ Грековъ образомъ красоты превзыде, храбръ паки и премудръ, и многаго коварствїя и льсти исполненъ, лжи великїя слагатель, и многая изливая словеса шутливая, и въ сладостехъ плодорѣчїя своего вельми превосходенъ.

Дїомидъ же Князь многою бяше высотою простеритъ, широкъ бѣ плечима, и толстъ мышцами, ѕракомъ же лютъ, и во обѣтахъ лживъ и во оружїяхъ храбръ, побѣды желателенъ, трудолюбивъ покоя не терпя, и много утѣсняшеся любовною теплотою.

Протезилай же Царь образомъ бяше краснѣйшій, храбръ вельми, яко никто бѣ его поспѣшнѣе во оружїяхъ.

Танталусъ же Царь дебелъ бѣ тѣломъ вельми, и едва ходити можаше отъ великїя оныя тягости, къ брани же склоненъ, и ополченїю правому зѣло прилѣжаше.

ТОЙЖЕ ПАКИ ДАРІЙ ОПИСУЕТЪ ОБРАЗЫ И НРАВЫ ТРОЯНСКИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ.

Написа бо первѣе Царя Прїяма высока возрастомъ, и лѣпа образомъ, гласъ имѣвша низокъ, человѣка многїя храбрости и смѣльства, мужа не трепетна и безбоязненна, и льсти человѣческїя отнюдъ ненавидяща. Бѣ же въ словесехъ своихъ весьма истинно глаголивъ, правду бо вельми почиташе, и гласы мусикїйскїя любезнѣ слушаше: великодаровитъ же бяше зѣло, яко никогда же нигдѣ

чтется толикъ и таковъ Царь, и отъ своихъ воинъ и гражданъ любимъ былъ тако, якоже онъ.

Отъ сыновъ же Царя Пріяма ни единъ бѣ, иже бы толикимъ смѣльствомъ цвѣтяше, якоже первородный его Гекторъ. Сей бѣ, иже во свое время бывшихъ всѣхъ сильныхъ мужей превзыде храбростію силъ своихъ и смѣльствомъ; мало же бѣ медленно язычень, имѣ уды жестокайшія; великъ бѣ возрастомъ, и никогда же толикія силы мужа Троя изведе. Великодушенъ много бысть и терпѣливъ; никогда же слово обидно, или не подобно отъ устъ его изыде; никогда же унываше въ трудѣхъ прилѣжати ополчаемыхъ, и ни коими воспоминаньми бранными ослабляшеся; никогда бо нигдѣ же чтешся толикъ воинъ таковою чудною храбростію сіяющъ.

Парисъ же, вторый сынъ Царя Пріяма, юноша краснѣйшій зѣло

бяше власы желты имяше, и вси власы его аки златое блистаніе подаваху: въ мастерствѣ же лучномъ вельми изученъ бѣ, и въ силѣ ловительной многъ, и во оружейной храбрости опасенъ, и грозенъ воинъ на брани.

Деиѳебъ же, третій сынъ Царя Пріяма, и послѣди братъ его Еленъ, тіи бяху единаго образа и подобіемъ равны, едва бо единъ отъ другаго познатися можаше: образъ бо ихъ таковъ бѣ, каковъ и Царя Пріяма родителя ихъ; то бо всѣхъ тріехъ качество. Разнствіе же раздѣляше, яко убо Царь Пріямъ состарѣся уже, а тіи два юношескою славою растяху; и паки единъ отъ тѣхъ, сирѣчь Деиѳебъ, во оружіи многою храбростію цвѣтяше; а вторый, сирѣчь Еленъ, на многѣ изученъ бѣ свободныхъ хитростей наказанію.

Троилъ же, пятый сынъ Царя Пріяма, юноша многосиленъ бѣ на

брани; смѣльствомъ бо крѣпости своея вельми процвѣташе; или бѣ онъ инъ Гекторъ; или вторый отъ него, во всемъ войскѣ Троянскомъ, и ни единъ бѣ юноша, кромѣ Гектора, толиками силами славенъ.

Енея же малъ бѣ тѣломъ, чуднѣ же разсудителенъ здраваго совѣта мудростїю, и во оружїяхъ храбръ бяше.

Антеноръ же высокъ бѣ возрастомъ, и тѣломъ добрѣ устроенъ и лѣпъ, лице же имѣ многою радостїю весело, во оружїяхъ бѣ храбръ, и здраваго совѣта мудростїю исполненъ.

Полидамъ же, того Антенора сынъ, юноша краснѣйшїй, лѣпъ бѣ и любезенъ, яко же и отецъ; но мало смуглоцвѣтенъ. Вельми же сей бѣ крѣпокъ силами, и зѣло крѣпокъ во оружїи, и скоръ къ разгнѣванїю, и смѣльства многаго исполненъ.

Царъ же Мемнонъ образомъ краснѣйшій, высокъ тѣломъ, широкъ плечима, толстъ мышцами, грудїю жестокъ, власы кудрявъ и желтъ, очима чернъ, иже на Троянской брани многая чудная и похвальная дѣла учинилъ.

Той же паки Дарїй написа подобїе Перскаго Царя, на помощь Троянскому Царю пришедша; написа бо его лице имуща вельми отыло и угревато, браду же яко огненну червленну.

О ПОСЛАНІИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ВО ОСТРОВЪ ДЕЛЬФЪ, И О ВОПРОШЕНІИ И ОТВѢТѢ ИДОЛА АПОЛЛОНОВА.

Егда же Царїе и Князи Гречестїи вси во Аѳинское пристанище снидошася, яко же речено есть, и пребываху ту; Царь, Агамемнонъ, всего Греческаго войска начальникъ и воевода, всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на бесѣдованїе къ себѣ призвати пове-

лѣ. И имъ пришедшимъ и сѣдшимъ комуждо на своемъ мѣстѣ по достоинству ихъ, Царь Агамемнонъ сїя словеса изрече: друзи, Царїе и Князи, и начальницы, иже въ крузѣ настоящаго сего собранїя собрани есьмы! Кто когда видѣ или слыша толико Царей и Князей съ воинствы своими стекшихся вкупѣ во единоизволное согласїе, и кто сице дерзостенъ и буй обрящется, иже бы смѣлъ противу насъ воздвигнути пяту, кромѣ безумнаго языка Троянскаго, буими на себе и безсовѣтными умышленїи уповающе, дерзнуша силы наша поустити и раздражити на ополченїе, хотяще ратоватися противу толика множества, и надѣющеся на непотребное суетство храбрости самомнимыя. Вѣдати бо ихъ мню противу насъ быти оружїемъ препоясанныхъ, иже о градѣ своемъ крѣпцѣ съ нами братися имутъ, и себе отъ

насъ мужески защитятъ; но зане бранный случай всегда бываетъ сомнителенъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся, и того ради подобаетъ намъ со извѣстнымъ испытанiемъ начинати настоящее сiе ополченiе, да не такожде, яко и Трояне, начеьши толико зло, конца не испытуемъ совѣтомъ здравымъ. И сего ради праведно быти мню, во островъ Дельфъ послы наша отпослати къ богу Аполлону, отвѣтъ отъ него прiяти о настоящей брани сей, что творити намъ подобаетъ, да не безвѣстно течемъ: и что о семъ возвѣстите мнѣ, да сотворимъ? Они же сiя слышавше, совѣтъ его похвалиша, и избраша абiе въ послы Ахиллеса и Патрокла, имъ же Агамемнонъ повелѣ, да въ посольство оно себе направятъ. Они же слышавше таковое повелѣнiе, абiе на путь препоясашася, и въ Дельфъ островъ отыдоша. Во о

строве же Дельфе капище некое поставлено бысть от древних Еллин, в нем же кумир некій устроен бе на имя Аполлоново; по их же языческей прелести жертвы ему и кадила своя приношаху безумніи, богом его на свою пагубу именующе. По мале же времени, конечныя ради их погибели, вшед бес во онаго кумира, ответы просящим даваше; и сего ради наипаче нечестивіи они идолопоклонницы почитаху его. К сему же кумиру Ахиллес и Патрокл со многим проклятым благоговеинством молебне приступиша, просяще ответа о настоящей вине посольства, ея же ради послани бяху от Царей. Тогда абіе от кумира онаго глас изыде им сицев: Ахиллес, Ахиллес; рцы убо пославшим тя, яко спасено им есть ко Трои поити, и тамо многія брани и кровопролитія сотворят, но не

ложно въ десятое лѣто будутъ побѣдницы Царя Пріяма, и сыновъ его смерти предадутъ, и градъ ихъ разсыплютъ, и гражданъ ихъ мечемъ посѣкутъ, сихъ же единѣхъ живи оставятъ, ихъ же изберетъ Греческое владычество. Ахиллесъ же сицевъ пріемъ отвѣтъ, съ радостїю изыде изъ капища онаго, и ко своимъ кораблямъ пріидоша, много веселящеся. Пребывающимъ же имъ еще во островѣ Дельфѣ, чуденъ нѣкїй случай найде. Калкасъ бо нѣкто, Троянской жрецъ, повелѣнїемъ Царя Пріяма пріиде въ той островъ, такожде хотяше пріяти отвѣтъ отъ капища Аполлонова. Сей же Калкасъ зѣло любимъ бѣ отъ Царя Пріяма, и почитаемъ отъ него, и первый бяше во всѣхъ тайныхъ царскихъ совѣтѣхъ, зане мужъ разуменъ, здраваго совѣта, къ тому же и въ волшебныхъ чародѣянїяхъ искусенъ бѣ, того ради и вси Трояне

вельми любляху его и почитаху. Сей же Калкасъ пріиде въ капище оно молебнымъ лицемъ, и предъ капищемъ себе простре, отвѣтъ желая пріяти отъ него; ему же гласъ бысть сицевъ отъ онаго идола глаголющій: Калкасъ, Калкасъ! блюди, да не возвратишися во Трою ко Царю Пріяму, отъ него же посланъ еси, но ко Грекомъ приступи въ семъ островѣ пребывающимъ; не ложно бо Грецы въ десятое лѣто побѣдницы будутъ, градъ Трою низложатъ, Царя Пріяма и сыновъ его смерти предадутъ, и гражданъ его мечемъ посѣкутъ, иныхъ же въ плѣнъ отведутъ, и богатства ихъ расхитятъ И сего ради потщися приступити ко Ахиллесу и Патроклу, еще здѣ пребывающимъ; зѣло бо и ты Грекомъ въ совѣтѣхъ своихъ любезенъ явившися, съ ними же обще и побѣду пріимеши на Троянъ. Вельми бо отъ нихъ чтомъ будеши: аще ли

же возвратишися въ Трою, то безъ сумнѣнія мечемъ падеши. Калкасъ же егда услыша сицевый отвѣтъ, абіе со тщаніемъ изыде изъ капища, и ко Ахиллесу и Патроклу, посламъ Греческимъ, пріиде, молящи ихъ, да въ сообщеніе свое пріимутъ его: сказуетъ бо себе посла быти отъ Царя Пріяма к возвѣсти имъ, яко отъ Аполлона повелѣно ми бысть приступити ко благородію вашему: въ десятое бо лѣто не ложно побѣдницы будете надъ Троею, и сего ради отнюдъ не мощно ми есть сопротивитися волѣ и повелѣнію Боговъ. И сіе, яко же повелѣно ми бысть властію ихъ, тако и сотворихъ; пріидохъ бо къ волѣ вашей, что ми о семъ возвѣститъ благородіе ваше, да слышу. Они же сія слышавше зельми удивишася, и пріяша его съ великою честію, и тако радующеся поидоша съ нимъ въ путь свой. Егда же пріидоша ко Грекомъ, тогда Царѣ

Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей созвати повелѣ; и яко пріидоша къ нему вси, сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ кождо по чину ихъ. Ахиллесъ же нача повѣдати отвѣтъ отъ Аполлона бывшій ему, како не ложно въ десятое лѣто обѣща имъ побѣду на Троянъ, и како посолъ Пріяма Царя прія отъ него сопротивенъ отвѣтъ. И сія рекъ представи предъ лицемъ благородія ихъ Калкаса жреца, посла Троянскаго, и сказа имъ вся подробну, яже о немъ. Они же егда услышаша сія, зѣло возрадовашася радостію великою и Калкаса жреца съ великою честію радостно восиріяша, и повелѣша принести ему мѣсто злато, и между себе его посадиша. Видѣвъ же Калкасъ толику честь, данную ему отъ Царей Греческихъ, вельми возвеселися, и вскорѣ разверзе яко адъ уста своя на отечество свое и градъ, въ немъ же родися, и на Царя его и на гражданъ, отъ нихъ же толико

время быть славенъ. Воставъ отъ мѣста своего рече ко Царемъ: о преславніи и пресвѣтліи благородніи Царіе! почто вашего Царскаго благородія мысль въ лѣтней теплотѣ не разгорится по морю прескочити? симъ бо стояніемъ вашимъ, якоже непщую, ничтоже ино пріобрѣсти мощно, но токмо врагомъ нашимъ пригодство многое и свободу подаваете, яко да отсюду себѣ помощь ратную соберутъ, и воинствомъ крѣпцѣ утвердившеся, неудобь побѣдимы будутъ. И нынѣ убо аще благоволитъ благородіе ваше совѣта моего послушати, то безъ всякаго коснѣнія расторгните медленность вашу, отложше всяко коснѣніе скорымъ шествіемъ подвига вашего. Шествуйте ко Трои, яко да врази ваши скораго вашего шествія ужасшеся убоятся, а не о вашемъ медлѣнномъ закоснѣніи возрадуются. Бози бо вамъ на нихъ неложну подаютъ побѣду; и

сего ради, о благороднїи, подобаетъ вамъ изволенїя ихъ обѣщанїе благодарною рукою и горящею мыслїю воспрїяти. И егда Калкасъ словеса своя сконча; тогда вси Царїе и Князи удивившеся сицевому остроумїю его, наипаче любовь свою приложиша къ нему, и многими дары вельми одаривше его почтиша. По словесемъ же его Царь Агамемнонъ всему войску повелѣ трубнымъ гласомъ на корабли восходити; и егда взыдоша вси, тогда якори своя извлекше, изходятъ изъ пристанища Аѳинскаго, и пучинѣ морстѣй вдашася. Во утрїй же день близъ девятаго часа возста буря велика зѣло и преужасна, и облацы темни вельми покрыша лице небу, и нощь не истинну наведоша, и громи страшни и дивни быша, молнїя же отъ вышняго небесе въ тресугубомъ пламени нападаше. Тѣмъ же ревешъ вихорь страшными скрежетанїи, волны же, яко горы воздвизахуся, съ ве-

дикимъ устремленіемъ корабли Греческіе сильнѣ борюще; и сего ради всѣхъ плавающихъ ужасенъ страхъ и трепетно сѣтованіе отвсюду объятъ, смерть явныя своея погибели кождо ихъ зряху, и недоумѣвахуся, что сотворити отъ великаго онаго ужаса. Но Калкасъ, Троянскій изрядца и жрецъ, сотворивъ своя заклинанія, яко бѣ искусенъ вельми въ нихъ, глаголаше Царемъ, Діану богиню многимъ гнѣвомъ быти подвижену на нихъ. Понеже бо во отшествіе ихъ отъ Аѳинскаго пристанища не бѣ ей жертва принесена, и того ради страждемъ лютая сія озлобленія. Тѣмъ же подобаетъ вамъ, Царіе, уклоньше парусы своя во Аулиду островъ пристати, и тамо жертву ей принести, и тако престанетъ буря, и утолится море. По совѣту же Калкасову повелѣ Царь Агамемнонъ уклонити парусы во Аулиду островъ, и тако сотворше присташа здрави, и снидо-

ша на землю, и жертву сотвориша, юже самъ Царь Агамемнонъ своими руками богинѣ Дїанѣ принесе, и преста море отъ волненїя своего, и утишися буря, и солнце паки просвѣтися. И тако взыдоша Греки на корабли своя; возвѣявшу же имъ вѣтру поспѣшну, паки пойдоша путемъ своимъ, и внидоша въ предѣлы Троянскїя.

О РАЗЗОРЕНИИ ЗАМКА ОТЪ ГРЕКОВЪ.

Греки же вшедше въ землю державы Троянскаго Царя, дойдоша нѣкоего за́мка, иже отъ жителей Сарронаба нарицашеся. Жители же городка онаго боящеся раззоренїя, скоро оружїя своя прїемлютъ, и исходятъ изъ града съ великою скоростїю, тщатся на брегъ, мняще Грековъ возбранити, буими на ся и несовѣтными умышленїи уповающе, сея же ради причины брань безумну ставятъ. Греки же добрѣ ко-

рабли своя привязавше, сами же пріемше оружія своя, сходятъ на землю, и буйства ихъ казнь воздаютъ имъ, зане во устпа меча ихъ гонятъ даже до вратъ градскихъ. Стѣснившимжеся имъ во вратѣхъ входа, Греки ту безчисленно ихъ посѣкоша, и смѣсившеся вкупѣ со граждаиы во градъ ихъ входятъ, и нападаютъ немилостивно на гражданъ, мечемъ свирѣпымъ всѣхъ безъ разбору умерщвляюще, старыхъ же и юныхъ, мужей и женъ, и отроковъ, и дѣвъ, и младенецъ всѣхъ посѣкоша. И егда сія сотвориша, тогда имѣнія ихъ вся восхитивше на своя корабли относятъ, послѣди же и градъ онъ огнемъ запалиша, и вся вконецъ пожгоша, и мѣсто оно изравниша, ниже слѣда оставиша коего, но вся въ запустѣніе превратиша, потомъ же на корабли своя возшедше, къ Тенедону пойдоша.

О ВЗЯТІИ ОСТРОВА ТЕНЕДОНА ОТЪ ГРЕКЪ И О РАЗЗОРЕНИИ ЕГО.

Бѣ же оный островъ Тенедонъ красенъ вельми, отстоящь отъ Трои шесть миль; мѣсто же то зѣло угодно бѣ услажденіи земными и морскими. Въ семъ же островѣ городокъ нѣкій бѣ крѣпостію великою утвержденъ; жители же городка онаго, боящеся раззоренія себѣ, скоро ко оружію скачутъ, городокъ крѣпятъ бранными мужи и оружіи, и противу Грековъ на брань исходятъ смѣло. Греки же въ пристанище оно вшедше, и корабли своя привязавше крѣпцѣ, и препоясавшеся оружіи своими, скоро сходятъ на землю, ихъ же граждане оружною рукою пріемлютъ мужески, и спустивше съ ними брань жестокую, бысть между ими сѣча зла и преужасна; отъ обѣихъ бо странъ падаютъ воини сѣмо и овамо, и промежъ Грековъ и Троянъ, городка онаго господами, лютѣ брань ки-

питъ, и жестоко ополченіе разжизается въ нихъ. И сея ради вины множество падаютъ отъ Грекъ, но множае отъ враговъ ихъ, къ ихъ же раззоренію и отмщенію Греки тяжчае дышуще, смерти и ранамъ смѣло предаются, и сѣчахуся съ ними крѣпцѣ, и толь долго быша сѣкущеся, яко Трояне толикаго ихъ множества и зѣльнаго устремленія понести не могуще, въ бѣгъ неволею обратишася. Греки же созади въ тылъ сѣкуще ихъ нещадно даже до вратъ градскихъ умерщвляху; во входѣ же вратъ наипаче гражданомъ паденіе бысть, но убо съ толикимъ граждане лютымъ несчастіемъ во градъ свой вшедше затворишася, и врата градскія жестокими и крѣпкими запоры утвердиша; сами же на стѣны градскія взыдоша, и оттуду крѣпцѣ боряхуся со Греки безчисленными, самострѣлы и луки и пращами и каменнымъ, метаніемъ,

и множество Грековъ умерщвляху. Греки же въ разныхъ мѣстахъ лѣсницы устроивше ко граду приставиша, и на градъ взыти тщахуся, ихъ же граждане безчисленнѣ умерщвляху, съ лѣсницъ низвергающе. Тѣмъ же Грекомъ велїе, и болѣзненно, и трудно найде стѣсненїе; безчисленно бо убїйство ихъ умножися. Тогда Греки въ велицѣй горести душъ своихъ крѣпцѣ градъ онъ борюще сокрушахуся. Граждане же послѣди многимъ трудомъ уже отягчившеся, немощнымъ и безсильнымъ защищенїемъ градъ свой заступаютъ, къ нему же Греки нестерпимымъ множествомъ устремившеся по лѣсницамъ на городокъ онъ восходятъ, и на стѣнахъ хоругви своя поставляютъ во отмщенїе своихъ убитыхъ, и елицѣхъ обрѣтаютъ, всѣхъ мечемъ погубляютъ гражданъ, и низвергая никого же щадятъ; такожде и разсужденїя возраста не имѣя, всѣхъ вкупѣ

немилостивно умерщвляютъ. Но егда отъ гражданъ ни единъ уже живъ бѣ; тогда Греки сокровища градская испытуютъ, и похищенїемъ грабятъ, и относятъ на своя корабли. И егда уже вся грабленїемъ испразд-ниша, тогда и городокъ онъ раскопати умыслиша, и низложивъ стѣны его, высокїй Тенедонъ испровергоша. Разрушену бывшу всему благолѣпїю его, по томъ вся огнемъ попалиша, и персть и пепелъ и каменїя вся въ море ввергоша, и мѣсто оно изравниша, и никоего же знака оставиша, и тако сотвориша, яко никому отъ человѣкъ мощно было познати, яко бѣ прежде градъ ту.

О ПОСЛАНИИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ УЛИКСА ЦАРЯ И ДИОМИДА КНЯЗЯ КО ЦАРЮ ПРИЯМУ, О ОТДАНИИ ЦАРИЦЫ ЕЛЕНЫ.

Греки же предреченныя два городка побѣдоносною дланїю взяша, и вся градская грабленая богатства

предъ лице Агамемнона Царя и прочихъ Царей принесоша. Царь же Агамемнонъ вся грабленія ихъ раздѣли имъ зѣло чиннѣ, комуждо по достоинству труда ихъ; послѣди же Царь Агамемнонъ рече ко Царемъ и Княземъ сицевая словеса: друзи, Царіе и Князи, и начальницы всего Греческаго ополченія! праведно быти мню, послы наши ко Царю Пріяму послати, да отдастъ намъ Царицу Елену, и вся грабленая богатства, похищенная во островѣ Ситарійскомъ, цѣло возвратитъ. И аще онъ самъ сицевая сотворитъ безпрекословнѣ, то по истиннѣ честенъ намъ будетъ возвратъ во своя си; аще ли же ни, то невиннѣ будемъ землю его плѣняще: и что ся вамъ о семъ мнитъ, возвѣстите ми, да разумѣю. Они же сія слышавше, похвалиша усердно совѣтъ его, и вскорѣ въ посольство избраша Уликса Царя и Діомида Князя, и

отпустиша ихъ ко Царю Прїяму. Егда же прїидоша ко Трои, вельми удивишася толикому величеству и чудному зданїю града; во врата же градская егда внидоша, наипаче почудишася многимъ чуднымъ зданїямъ и прекраснымъ палатамъ вельможескихъ и гражданскихъ домовъ. Ко двору же Царскому егда прїидоша, презѣлнѣ уже удивишася лѣпотѣ толицѣй дому царска; внутрь же двора вшедше, егда узрѣша древо оно чудное рукотворимыя хитрости, иже дворъ онъ далекимъ своимъ окруженїемъ вѣтвей покрываше, сташа ту, вельми и паче мѣры зряще дивляхуся. Долгимъ зрѣнїемъ Князи они удивльшеся, во врата многихъ каморъ восходятъ. Вшедшимъ же имъ во ону палату, идѣже Царь Прїямъ во множествѣ благородныхъ сѣдяше, послы Царя Прїама никоеяже чести поздравленїемъ не почтоша, но сѣдшимъ

нмъ аки противу его, Уликсъ Царь перьвѣе начатъ сице глаголати: Царю Пріяме! не вельми дивися, аще тя мы перьвѣе словесы поздравительными не взыскахомъ, чести никоея же благородію твоему приносяще, зане тя имамы себѣ главнаго врага, и врагъ своему врагу никогда же молитъ здравія, но сопротивно творитъ. Агамемнонъ Царь, егоже велѣніемъ мы къ тебѣ посланы, нами приказываетъ ти, да Царицу Елену, юже отъ предѣлъ царства ея сильно восхитилъ, отдалъ бы еси Царю, и тяжкія обиды, нанесенныя ему во островѣ Ситарійскомъ отъ Париса, сына твоего, по твоему изволенію, цѣло да возвратиши ему, яко да здраваго совѣта любовію отъ Царя Агамемнона насладишися; аще ли же ни, то да вѣси, яко злою смертію самъ ты, и сынове твои лютѣ поляжете, и воины твои и вси граждане оружі-

емъ падутъ, и славный сей градъ твой до конца упразднится.

Царь же Пріамъ разумѣвъ словеса Уликсова, никоего же пождавъ совѣтнаго умышленія, сицевыми словесы отвѣща ему: о возвѣщеніи, рече, словесъ вашихъ удивленіемъ многимъ подвижуся, яко сицевая отъ мене взыскуете, неправду написующе ми, сами суще тмами неправедни; убисте бо ми отца, раззористе градъ мой, погубисте благородныхъ моихъ, умертвисте воиновъ моихъ, разплѣнисте гражданъ моихъ, восхитисте вся имѣнія ихъ, отвезосте во своя царствія жены ихъ и дѣти, наипаче же всѣхъ, отлучисте отъ мене сестру мою; и показасте вся лютая царству моему. Азъ же вся сія ваша толикая неправдованія и лютости нанесенныя отъ васъ претерпѣвахъ, ничто же изыскуя, но токмо посла моего послахъ къ вамъ, моля васъ о отда-

нїи сестры моея, вся же прочая лютости ваша оставляхъ вамъ, но ни тако возмогохъ отъ васъ благо что получити: не восхотѣсте бо ниже малымъ словомъ познатися, яко зло сотвористе, но отъ большаго своего возношенїя въ гордыню возвысистеся, и прещеньми лютыми посла моего преобидѣсте, пагубною смертїю грозяще ему. И того ради глаголю вамъ, нѣсть мѣста, да словесъ вашего посольства услышу. И аще не бы самѣхъ васъ дѣло посольство защищало, смертїю срамнѣйшею велѣлъ быхъ казнити васъ, яко разбойниковъ нѣкїихъ и злотворцевъ губительныхъ, и сего ради отыдите скоро отсюду, да не злою смертїю умрете: аще ли же мало закоснѣвше пребудете, то безъ сомнѣнїя въ смертную пагубу самоизвольно впадете. Донелѣже бо васъ вижу, безъ великаго пополненїя гнѣва быти не могу.

Къ симъ же Дїомидъ Князь, вторый посолъ Греческїй, разсмѣявся вельми тако рече: о Царю! аще ты отъ единѣхъ насъ токмо и безоружныхъ толикою болѣзнїю погнетаешися, яко не можеши безъ гнѣва великаго зрѣти на насъ, кольми же паче поболиши душею, егда узриши предъ градомъ твоимъ симъ болѣе ста тысящъ Грековъ въ непрестанныхъ оружїяхъ на тебе самого и на твоихъ лютѣ наскакающихъ, и ничтоже сотворити имъ можеши; отвсюду бо страхомъ пораженъ будеши.

Тогда Енея, иже подлѣ Царя Прїяма никому же посредствующу сѣдяше, тако рече ко Царю Прїяму: о великїй и благородный Царю! да повелитъ абїе благородїе твое грубому сему досадителю урѣзати досадительный языкъ его, дерзостно послужившїй ненаказанному уму его; яко да къ тому и прочїи таковыи грубители не дер-

знутъ таковаго укоризненна безчестія приносити великимъ Царемъ.

Къ словесемъ же Енеевымъ Діомидъ зѣло подвижеся на гнѣвъ, и ему тако рече: аще и не вѣмъ, кто ты еси, но въ рѣчахъ твоихъ добрѣ знаю тя неправеднаго быти судїю, и противоглагольника остра зѣло, желаю, дабы въ мѣстѣ подобнѣ обрѣсти тя моглъ, иже и достойная благодаренія воздалъ ти быхъ за сіе твое злосовѣтіе, еже изреклъ еси о мнѣ толь неблагодарнымъ словомъ; добрѣ вижу, блаженъ есть Царь онъ, иже въ совѣтника держитъ тебе, яко толь добрѣ знаеши совѣтовати Царю, дабы царь твой содѣятель толикимъ неправдамъ былъ. Къ словесемъ же паки Діомидовымъ мнози вскочивше отъ возлежащихъ, исторгоша мечи своя, и хотѣша абіе разсѣщи Діомида, дерзости его ради, на нихъ же Царь Пріямъ

громко возопи, да не вредятъ его, рече бо сице: лучше ми есть, да самъ азъ укоризну кую постражду, нежели посолъ нѣкій въ моемъ дворѣ обиду кую потерпитъ; или не вѣсте, яко свойственно есть безумному показовати своя безумія, и низводитися къ явному своему безчестію? тмою бо неразумія своего отвсюду объятъ есть, и яко слѣпъ шествуетъ ко своей ему погибели, непщуя въ словесехъ безумія своего показати храбрость свою. Такожде и мудрому бываетъ въ похвалу, претерпѣвати безумныхъ блуженія, и реченная отъ него слушати, и слышаннымъ смѣятися, а не отвѣщати по его безумію, ниже отмщевати себе, да не подобенъ будетъ ему.

Царь же Уликсъ видѣвъ сицево несогласное стропотство, усомнѣлся въ палатѣ царстѣй его о дерзости Діомидовой, и словеса остроумнѣ прехвативъ, да

не многословитъ, рече ко Царю тако: Царю Пріяме! вся сїя видѣнная и слышанная здѣ, и тобою реченная Царю Агамемнону вѣрнѣ донесемъ. И по семъ изыде изъ палаты, съ нимъ же и Дїомидъ и прочїи Грекове изыдоша, и на кони своя всѣдше, ко своимъ отъидоша, и Царю Агамемнону и прочимъ Царемъ вся видѣнная и слышанная во Трои возвѣстиша, и о Прїямовѣ отвѣтѣ зѣло почудишася Греки.

О ПОСЛАНІИ АХИЛЛЕСА И ТЕЛЕѲА ВО СТРАНУ МЕССІЙСКУЮ СЪ ВОИНСТВЫ ИХЪ, УДЕРЖАНІЯ РАДИ БРАШЕННЫХЪ ОБИЛІЙ.

Царь Агамемнонъ, и прочїи Царїе и Князи Гречестїи послаша храбраго Ахиллеса и сильнѣйшаго Телеѳа съ тремя тысячами воинъ храбрыхъ во страну Мессїйскую, да оттуду брашна довольна въ войско Греческое привезутъ. Они же по повелѣнїю

ихъ вшедше въ корабли своя съ предреченнымъ воинствомъ, поидоша въ путь свой. И егда прїидоша тамо, абїе въ пристанище оно вшедше, и корабли своя крѣпцѣ привязавше, снидоша на землю, и шатры своя поставиша. Тогда Царь Теутранъ, тоя страны господь, не терпя во своей земли пребыванїя ихъ, во множествѣ воинъ и во мнозѣ союзѣ пѣшихъ стѣсненъ прїиде на брегъ. Грецы же видѣвше пришествїе его, со многою скоростїю оружїя своя прїемлютъ, и на кони своя всѣдше, брань спустиша съ ними крѣпко ратную, и егда борьба умножися вельми ужасная, отъ обоихъ странъ множество воинъ падаетъ, и земля трупїемъ мертвыхъ покрывается, и кровь ихъ, яко вода, повсюду разливается. Брань же зѣльнѣ кипитъ между ими, отъ трубнаго же гласа и отъ звуковъ оружїя, и отъ гласовъ язвенныхъ далече слышанїемъ

возвѣщашеся ополченіе ихъ; мнози бо вельми падаху отъ Грекъ, но множае отъ врагъ ихъ. Аще бо Греки и многою храбростію цвѣтяху, но противившися числу супостатъ своихъ едва можаху; и поистиннѣ вси бы Греки были здѣ убіени, аще не бы онъ чудный въ дѣлахъ оружныхъ Ахиллесъ былъ, иже прилѣжнымъ промысломъ разсмотривъ количества бранныхъ, и качествы ихъ уразумѣвъ, видѣ Царя Теутрана посреди сраженій бранныхъ противу враговъ своихъ шкоды тяжкія наносяща. И сего ради устремительнѣ скочивъ въ полкъ, разрушаетъ и расторгаетъ ополченія, и всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, кои къ его прихожденію не отверзаютъ ему пути. Къ Царю убо Теутрану яко левъ рыкая прилепляется, и доставаетъ его мечемъ голымъ, частымъ умучаетъ пораженіемъ, и шлема его узомъ расторгнушымъ, восхи-

щенна Царя силою низложи на землю, и воздвигъ десницу во своемъ яростномъ смѣльствѣ, хотяше главу его отъяти. Но Телеѳъ Князь, иже по Ахиллесѣ вторый бяше, видѣвъ Ахиллеса сице свирѣпствующа надъ Царемъ Теутраномъ, внесеся устремительнѣ подъ разъ меча Ахиллесова щитомъ своимъ приемлетъ, и Ахиллеса любезнѣ проситъ, да Царю Теутрану, яко побѣжденну сущу, послѣднюю милость милосердія своего надъ нимъ сотворитъ, и его, яко побѣдитель, да пощадитъ. Ахиллесъ же обѣщавая ему тако рече: кая тя подвиже явная вина, яко противу сицеваго нашего толь лютаго врага содержати милость щедру, иже толь лютымъ своимъ устремленїемъ оружнаго упованїя насъ перьвѣе утруди? и того ради праведно есть, да впадется въ яму, юже ископа. Ему же Телеѳъ тако рече: господине мой! сей бѣ Царь отцу мо-

ему нѣкоимъ ближнимъ пріятельствомъ союзенъ, и егда азъ самъ такожде нѣкогда въ землю его приходилъ, безконечныя чести милость мнѣ открылъ, и того ради о патубѣ живота его весьма болѣзную, и ужасаюся о смерти его. Ему же Ахиллесъ тако рече: се тебѣ его предаю; возми и, и да сотвориши о немъ, яко же хощеши. И тако пріемъ его Телеѳъ Князь любезнѣ цѣлова. Царь же Теутранъ повелѣ воиномъ своимъ, такожде и Ахиллесъ повелѣ Грекомъ престати отъ битвы, и сему бывшу, абіе скончася брань. Ведется убо Царь Теутранъ во своя царскія палаты язвенъ, за нимъ же Ахиллесъ и Телеѳъ идутъ послѣдующе, и въ домъ царскій пріемлются гости въ велицѣй чести. Царь же Теутранъ на ложи царстѣмъ полагается, изнемогая отъ ранъ. По трехъ же днехъ егда Царь крѣпцѣ изнеможе, и къ смерти уже прибли-

жися, Ахиллеса и Телеѳа къ себѣ призвати повелѣ. Егда же пріидоша къ нему, тогда Царь рече имъ сице: славніи и благородніи Князи! долго житіе да будетъ вамъ, азъ же нынѣ отходя уже въ путь смертный, наслѣдника царствію моему не имѣю. И не пристойно по правдѣ никому же иному отдати скипетръ державы моея, токмо Телеѳу Князю, любимѣйшему моему сыну, сотворшему надо мною толику милость во время нужды моея. Тѣмъ же глаголю ти, вселюбезнѣшій сыне Телеѳе, да съ радостію пріимеши его, и да будеши по мнѣ столпъ правленія людемъ симъ. Сія же слышавъ Телеѳъ, нача плакати зѣло о смерти его. Царь же Теутрантъ пріемъ его за руку, и посади на престолѣ своемъ, и своими руками возложи вѣнецъ на главу его, и перстень снемъ съ руки своя, возложи на руку его. Такожде и скипетръ и

державу свою вручи ему; людїе же падше поклонишася ему, прославляюще царство его, и съ великою радостїю вѣрну присягу ему сотвориша. Не по мнозѣ же времяни Царь Теутранъ умре: Царь же Телеѳъ о смерти его вельми оскорбися, и довольно рыдавъ о немъ, послѣди же тѣло его чиномъ царскимъ погребе, и гробницу сребряну сотвори надъ нимъ, и подписати повелѣ сицевыми словесы: лежитъ здѣ Царь Теутранъ, его же смертїю скончa Ахиллесъ, иже по себѣ Телеѳу Князю скипетръ царствїя держати предаде. По смерти же Царя Теутрана, повелѣ Царь Телеѳъ наполнити Ахиллесу корабли его всякихъ брашенныхъ обилїй, и тако отпусти его, и впредь обѣщася имъ довольствомъ брашеннымъ помогати. Ахиллесъ же ему за сїе много благодаривъ отыде въ путь свой. Егда же прїиде ко Грекомъ, тогда вси

Царїе и Князи сшедшеся на цѣлованїе Ахиллесово, вопрошаютъ его о Телеөѣ Князѣ; онъ же вся имъ порядку исповѣда, како Телеөъ Царь бысть, и како обѣщася имъ помогати брашенными обилїи. Они же сїя слышавше зѣло возрадовашася о случившихся, и Телеөа Царя прославляху, зане любима его вельми имяху, и всѣхъ сильнѣйша.

О ПРИШЕСТВІИ ПАЛАМИДОВѢ ВЪ ВОИСКО ГРЕЧЕСКОЕ, И О СОВѢЩАНІИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ, КАКО ИЛИ КОИМЪ ОБРАЗОМЪ МОГУТЪ ПРИСТУПИТИ КО БРЕГОМЪ ТРОЯНСКИМЪ.

Не у Грекомъ отъ острова Тенедона еще отшедшимъ, егда славный онъ Царь Паламидъ, сынъ Маула Царя, съ тридесятїю корабли своими ко брегу Тенедонскому приста, тогда видѣвше его Греки зѣло возрадовашася радостїю великою, зане бяше сей Паламидъ мужъ зѣло храбръ, и многимъ смѣль-

ствомъ паче процвѣташе; такожде и воинство его многою храбростїю паче иныхъ свѣтли и проявлени бяху. И сего ради молятъ его Греки, яко да единъ отъ сотникъ поставится, и воспрїиметъ на ся чинъ сей, его же Паламидъ любезнѣ воспрїятъ. Тогда Царь Агамемнонъ, и прочїи Царїе и Князи Греческїя совѣты многїя начаша испытовати, како возмогутъ безъ тяжкихъ своихъ бѣдъ ко брегомъ Троянскимъ пристати, и не доумѣвахуся. Единаго тогда Дїомида совѣтъ утвердися, рече бо сице: о свѣтлїи и благороднїи Царїе и Князи! кто не позритъ намъ о закоснѣнїи малодушїя нашего? или кто не посмѣется отъ человѣкъ мудрыхъ сомнѣнїю робости сея, и страхованїя ужаснаго не припишетъ намъ? се убо сами зряще видите, яко уже годъ цѣлъ минулъ, отнелѣже въ землю сїю внидохомъ, и въ семъ островѣ никому же

намъ насилующу сами себе заключихомъ, непоступни пребывающе, и ни единого же промышленія творяще. Воистинну бо и сами Трояне вознепщуютъ насъ страхомъ быти пораженныхъ, мужество наше видяще: и нынѣ аще благоволите послушати совѣта моего, расторгните убо медленность вашу; отложите сомнѣніе всякаго малодушія, и облецытеся въ мужество; препоящитеся храбростію силъ вашихъ, и смѣльствомъ отвсюду себе отрадивше, шествуйте немедленно ко Трои ничтоже сомнящеся; коснѣніемъ же нашимъ ни чтоже можемъ благо сотворити, но токмо врагомъ нашимъ пригодство подаемъ, сами на ся вооружающе ихъ. Отвсюду бо соберутъ себѣ ратную помощь, и неудобь побѣдими будутъ; азъ бо извѣстно быти мню, Троянъ и нынѣ оружіемъ препоясавшихся уже, и насъ оружною муже-

ства своего рукою пріяти тщащихся, и не мощно есть намъ инако никакоже на землю враговъ нашихъ снити, токмо остріемъ меча смертоноснаго. И сего ради вседушно отнынѣ потщимся на брезѣхъ Троянскихъ шатры наши поставити, да не въ продолженіи нашего малодушнаго коснѣнія они сами собравшеся изыдутъ и побѣдятъ насъ мужества своего смѣльствомъ. Егда же Діомидъ слово свое скончa; тогда вси Царіе и Князи совѣтъ его похвалиша и къ пути обступленія Троянскаго устроившися начаша со многимъ попечительнымъ тщаніемъ.

О УСТРОЕНИИ КОРАБЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ПЕРВЫХЪ И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ПРИХОДЯЩИХЪ ВО ОБЛЕЖАНІЕ ГРАДА ТРОИ, И О ПЕРВОЙ БРАНИ.

Первое убо уставиша предшествовати кораблей сто, простерши парусы знаменіемъ вѣющимся и хоругвіямъ ратнымъ; таже въ нихъ го-

родкомъ поставленнымъ, и многимъ бранкымъ мужемъ на снитіе тотово стоящимъ, по нихъ же последуетъ и другое сто кораблей, и такожде со многимъ опасенія смѣльствомъ во оружіи воини стояху, по нихъ же паки и третіе сто кораблей, въ нихъ же воини зѣло храбры и чудни бяху ко ополченію. Прочіи же корабли по пучинѣ пловуще, уже и бреги зрятъ. Послѣди же и самую Трою егда узрѣша, направльше прямо корабли своя, ко брегомъ приходятъ, и на землю со многимъ желаніемъ снити тщатся.

Трояне же видѣвше корабли оны уже у бреговъ своихъ, и бреги въ толицѣ множествѣ кораблей окружени суще, скоро ко оружїю вержутся, не пождавше Княжескаго или Царскаго отпущенія, безчиннымъ теченіемъ на брегъ моря тщатся съ великимъ устремленіемъ ратнаго смѣльства. Греки

же видяще толико множество Троянъ въ защищенiе брега пришедшихъ, множеству ихъ дивишася, но вящшимъ удивленiемъ подвигошася, видяще ихъ толь храбрѣ и толь чиннѣ покровенiемъ оружнымъ одѣянныхъ и съ великимъ смѣльствомъ храбрости стоящихъ, вельми удивляхуся: но мнози отъ кораблей многовѣшренною яростiю порѣваеми, о бреги сокрушахуся, и многихъ воиновъ Греческихъ море живыхъ поглоти, и кои живи бяху, и на землю снидоша, отъ Троянъ многимъ мученiемъ умерщвляются, и ближнiе воды брега кровiю убiенныхъ червленѣются. Никогда бо нигдѣ же чтется, войску коему съ толикимъ несчастiемъ и толикою пагубою на землю врагъ своихъ тако сшедшусь когда. Послѣди же другое сто кораблей въ тоже мѣсто приходятъ, но не со устремленiемъ: парусы бо своя пригодствомъ

многимъ спустивше, мужески земли коснутися понудишася, ихъ же Трояне оружною рукою пріяша, мужественнѣ возбраняюще приступъ ихъ на землю, и множество Грековъ мечемъ убивающе. Тогда въ кораблѣхъ онѣхъ сущіи Грекове, видяще своихъ воиновъ толикое паденіе, и уготовивъ самострѣлы, безчисленнымъ количествомъ и частыми пораженіи стрѣлъ Троянъ отъ брега отгоняютъ. Самострѣльнаго же ради страха отступльшимъ мало Трояномъ, Греки въ то время изскочивше изъ кораблей, и на кони своя всѣдше на брань вдаются. И сего ради Трояномъ мужески съ ними и крѣпцѣ борющимся, отъ Грековъ Царь Протезилай перьвый на брань приходитъ, и на Троянъ зѣло мужески нападаетъ, и крѣпцѣ убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ; такожде и воини его силою Царя своего крѣпцѣ

борющеся съ Трояны, поле прїобрѣтаютъ. Тогда же Царь Архелай и Царь Протенорь съ корабли своими ко брегу приставаютъ, иже воиновъ и коней своихъ изъемлютъ, и нападше на Троянъ смертно, воинство преновляютъ; и того ради вопль велїй и смятенїе зѣльно воста. Отъ обоихъ бо странъ множество много воинъ падаетъ, и воздухъ воплемъ многимъ смущается отъ оскудѣвающихъ въ паденїи. Архелаю бо и Протенору Царемъ, мужемъ храбрымъ, единаче убивающимъ Троянъ, Царь Аскалъ и Царь Агалъ со своими корабли ко брегу присташа: по нихъ же абїе Князь Несторъ со своими корабли такожде ко брегу приста, иже и кони своя изъемлютъ отъ кораблей и на нихъ всѣдше жаждущимъ сердцемъ на брань приходятъ. Трояномъ же противу ихъ напрягающимъ брань острѣйшую, вопль паки велїй умножися

въ полцѣхъ, сокрушаются же копія, свищутъ по воздуху многія стрѣлы, трепещутъ плещи, падаютъ убиваемыя воини, и толь крѣпцѣ уже боряху Греки, яко Троянъ неволею въ бѣгъ понудиша. Но Троянское безчисленное множество, не у еще брани коснувшееся, на Греки устремительнѣ направляются, и брань крѣпцѣ умножаютъ. Преновленнѣй же бывши брани, паденіе паки веліе умножися Грекомъ; толико бо Трояне храбростію силъ своихъ возмогаху, яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, въ бѣгъ обратишася, и бѣжаще на конецъ брега дойдоша, ихъ же Трояне немилостивнѣ сѣчаху. И поистиннѣ вси бы Греки были ту злѣ побіени, аще не бы храбрый Уликсъ Царь со своими корабли ко брегу присталъ, иже абіе воиновъ и коней высадивше на брань приходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Востаютъ же убо

Греки въ пришествіе Уликса Царя, творяще крѣпцѣ брань со Трояны, и убійство умножающе. Уликсъ же яко левъ рыкая, посреди полковъ въ крѣпости оружія, и пораженіемъ копія своего Троянъ крѣпцѣ воюетъ, овыхъ убиваетъ, овыхъ уязвляетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ; его же Филименъ, Царь Пафлагонскій, видѣвъ въ толицѣй храбрости ратующа, и въ толицѣмъ убійствѣ вредяща Троянъ, копіемъ своимъ крѣпцѣ порази его, и съ коня сверже. Уликсъ же пѣшъ имѣ нужду битися, но Филименъ паки очистивъ копіе свое напряженіемъ жесточайшимъ порази Уликса Царя, да яко сокрушену бывшу щиту его свѣтлыхъ броней пріиде до доскъ, имъ же сокрушеннымъ и разшибеннымъ сущимъ, крѣпку язву ему вонзе. Уликсъ же ниже паденія своего убоявся, ниже отъ вонзенныя ему раны устрашився, востаетъ отъ земли скоро, и пѣшъ, яко же бѣ

ему мощно, копіемъ своимъ на Филимена Царя нападе, и порази его въ горшань, и горшанныя жилы его разрѣзавъ, съ коня сверже яко бездушна, его же Трояне на щитъ положиша, и яко мертва отослаша во Трою. О мнимой убо смерти Филименовѣ Трояне зѣло смутишася; и аще не бы той случай былъ нападшій на нихъ о язвѣ Филименовѣ, то безъ сомнѣнія бы все войско Греческое сшедшее на землю и воюющее живота своего послѣдняго незгодія плакало бы. Но къ сему убо Царь Тоасъ Италійскій со своими корабли, и славный Теламонъ со своими корабли, и Менестей, Аѳинскій Князь со своими корабли ко брегу присташа, и на брань исходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Тѣмъ же Трояне, толикаго ихъ множества и зѣльнаго ихъ устремленія понести не могуще, падаютъ, и вспять ити невольно понужде-

ни суть. Тогда Царь Персей Еѳіопскій изъ града Троянскаго во множествѣ воинъ смѣлъ изыде, и на Грековъ нападши вельми остроумнѣ и мужественнѣ сѣчаше ихъ; въ егоже пришествіе Трояне толико воспріяша сильное смѣльство, да яко свѣжи быша въ силахъ, на Грековъ устремительнѣ нападаютъ, и безъ милости убивающе ихъ, на конецъ брега догнаша. Убійство бо умножися Грекомъ веліе и недовѣдомо, и тяжко стѣсненіе нападе на нихъ, и было бы зѣло множае, аще не бы храбрый Паламидъ со своими корабли, и Менелай Царь со своими, и Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властель, со своими ко брегу присташа, иже во множествѣ зѣло храбрыхъ воиновъ исходятъ, и вси брани примѣшаются, и на Троянъ усты меча нападаютъ. Той бо самъ храбрый Паламидъ искорененіе Троянское помышляя,

на Ситамона, брата Мемнонова и внука Царя Персея, иже тогда самъ отъ своея оружныя храбрости дивная творяше, нападе, и вонзивъ въ него свое разсѣкательное копіе, посреди ребръ уязви его, и съ коня сверже угашенна, и оставивъ его обратися на Троянъ, и немилостиво убиваше ихъ. Трояне же падаютъ предъ нимъ, подъяти Паламидова устремленія не могуще, и въ бѣгство обратишася, путь ему чрезъ полки своя невольно отворяюще; сами же бѣжаще предъ нимъ, отъ меча его погибаху. Вопль же велій умножися, и сокрушеніе Трояномъ лютое приближися; близъ бо стѣнъ градскихъ уже Трояне бѣжаще пріидоша, но и тамо Протезилай Өиларорскій усты меча Троянъ погубляти еще не преставаше. Тогда храбрѣйшій въ воинѣхъ и сильнѣйшій Гекторъ, аки ко гласу вопіющихъ воставъ, изъ града Троянскаго смѣлъ

во множествѣ изыде воинъ, пламенемъ яряся возженъ, въ блистающихъ свѣтяся оружїяхъ, и копїе и щитъ нося злашою насѣчкою украшенъ, назнаменанъ по образу трехъ львовъ. На Грековъ же сильнѣ находитъ и разрушивъ полки ихъ несокрушимою силою брани своея, Протезилаю Царю прїиде въ стрѣчу, иже Троянъ усты меча своего погубляше непрестанно, и порази его мечемъ голымъ во главу сице, яко отъ верьху главы его разсѣче его на полы даже до сѣдла, не защищающу оружїю его. И сея ради вины падаетъ убо славный и храбрый Царь Протезилай угашенъ; но Гекторъ, оставя того, направляется въ частыя и многочисленныя Греческїя полки, безчисленнѣ убивая ихъ, да яко въ малъ часъ абїе межъ ополчаемыхъ мечь его познавается. Послѣ бо себе множество трупїя мертвыхъ оставляетъ; да

яко вси Греки отъ лица его бѣжатъ, пораженій его смертоносныхъ понести не могуще, и путь ему чрезъ полки своя невольно отворяютъ. Сами же предъ нимъ падающе люте умираютъ, и въ побѣжденіи своемъ прилѣжнѣ единъ другаго вопрошаше: кто убо есть онъ тако храбрый воинъ, и сице смѣлый оружникъ? и егда мнози болѣзненнымъ слухомъ познаша его быти Гектора, сына Царева, всѣхъ храбрыхъ сильнѣйша; тогда мняшеся Грекомъ, остаточныя дни своя кончати отъ него вскорѣ. Солнце же уже обращашеся на вечеръ, егда Гекторъ оружнымъ утомленіемъ нѣсколько утрудився вниде во градъ, и остави прочихъ Троянъ ратоватися со Греки. По отшествіи же его Греки, яко отъ сна убудившеся, отъ страха Гекторова, или яко отъ піянства люта истрезвившися паки на ополченіеградутъ, и брань паки спустиша

съ Трояны, но не тако, якоже прежде. Трояне бо паче одолѣваютъ имъ, понеже ужасъ оный въ сердцахъ ихъ пребываше; и того ради на брани изнемогающе падаху предъ Трояны: Трояне же въ велицѣй храбрости смѣльства своего хождаху крѣпцѣ ратующе ихъ. Тогда же храбрый Ахиллесъ съ корабли своими ко брегу приста, иже абїе воиновъ и коней своихъ извелъ изъ кораблей, и на брань приходитъ, и нападши на Троянъ смертно воинство преновляетъ, и немилостивно убивая Троянъ, въ бѣгство абїе обрати ихъ, поле бо оное многими мертвецы постла. Востаютъ убо Греки въ пришествїе Ахиллесово, творяще устремленїе на Троянъ мужески, коихъ сѣчаху бѣжащихъ; вопль же велїй умножашеся отъ паденїя язвенныхъ Троянъ. По томъ же и вси корабли Греческїе ко брегу приставше на брань прїидоша, и пагубу

Трояномъ велику умножиша, и даже до вратъ градскихъ догнаша ихъ, и ту паче убїйство умножашеся, и было бы зѣло множае, аще не бы храбрый Троилъ, и Парисъ, и Деиѳебъ, сынове Царя Прїама, изшедше изъ града со множествомъ воинъ помогли Трояномъ, въ ихъ же пришествїе премолче убїйство, и нашедшей нощнѣй сѣни, брань преста. Трояне убо внидоша во градъ, и врата градская жестокими утвердиша запоры. Ахиллесъ же со Греки во множѣй славѣ на брегъ моря приходятъ. Тогда же Царь Агамемнонъ усмотривъ мѣста удобна, повелѣ въ нихъ ставити шатры; не имущїи же шатровъ лачуги новыя соорудиша, и тако вси мѣста для покоя себѣ устроиша въ нощь ону. Трояне же аще и вельми безмѣрну высоту стѣнъ градскихъ имѣша, но верьху ихъ поставиша стражи. Такожде и Греки около войска своего зѣло многи огни

возжгоша, и остроги поставиша, кождо бо ихъ едини отъ другихъ бояхуся. Сія убо брань перьвая бысть между Грековъ и Троянъ, егда Греки снидоша на землю.

О УСТРОЕНІИ ПОЛКОВЪ ТРОЯНСКИХЪ ОТЪ ГЕКТОРА.

Прошедшей убо нощи востающу же утру, оный бранныи и храбрый Гекторъ о воеводствѣ своемъ пекійся, прежде разсвѣту повелѣ всѣмъ браннымъ вооружатися на нѣкоей площади посреди града, и призвавъ двуотъ сродникъ своихъ, Клаукона, сына Царя Тезея, и Симбора, брата своего, вожденіе перьваго полка предаде имъ. Предаде же имъ, и повелѣ едины отъ вратъ градскихъ отворити, и на поле исходити. Они же пріемше отъ Гектора отпущеніе, исходятъ на поле, и ко Греческому войску остроумнѣ приходятъ. Вторый же полкъ устрои Гекторъ отъ

трехъ тысящъ воинъ храбрыхъ: воеводу же имъ далъ Царя Иппона сильнаго, и повелѣ имъ исходити враты онѣми предреченными, и ко Грекомъ смѣло приходити. Они же пріемше отъ него отпущеніе, исходятъ на поле, и перьвому полку присоединяются. Третій же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же пять тысящъ воиновъ зѣло храбрыхъ и разумныхъ. Воеводу же надъ ними учини Троила, брата своего, и тако рече ему: любимѣйшій брате мой! зѣло ужасаетъ мя и въ недоумѣніе приводитъ безмѣрное смѣльство сердца твоего. И того ради, вселюбезный мой, глаголю ти, да не безсовѣтнѣ послѣдуеши смѣльству сердца твоего, но на бранѣхъ остроумнѣ да учиниши, да не како врази наши желающе конечнаго паденія нашего о твоей легкости порадуются. Тѣмъ же нынѣ, любезнѣйшій, съ миромъ да изыдеши и здравъ да

возвратишися, якоже азъ желаю. Емуже Троилъ тако рече: любимѣйшій господине мой и брате! стыдѣтися враговъ нашихъ аще и не подобаетъ ми, но отъ заповѣдей твоихъ, яко любимѣйшаго ми брата и господина, никогда же уклонюся. И тако пріимъ отъ Гектора отпущеніе, скоритъ ко врагомъ. Четвертый полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же три тысящи седмь сотъ воиновъ: направляеми же сіи бяху отъ нѣкоего храбра и чудна мужа, именемъ Ефрема, къ сему же полку воеводу постави ратнаго Царя Фригійскаго Ксантиппа, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ на ополченіе. Пятый же полкъ устрои Гекторъ, въ немъ же тысящи пяти стамъ воиновъ повелѣ быти; воеводу же имъ учини Полидама Князя, Антенорова сына, мужа вельми храбра, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ

изъ града, и ко врагомъ на ополченіе смѣло приходитъ. Шестый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же повелѣ быти четыремъ тысящамъ тремъ стамъ воиновъ, воеводу же избра имъ Князя Енея, мужа благоразумна, и зѣльно чудна, иже такожде пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ. Седмый же полкъ устрои, въ немъ же повелѣ Гекторъ быти пяти тысящамъ избранныхъ воиновъ. Сіи же воини зѣло искусни бяху въ стрѣляніи изъ луковъ; поставн имъ Деиѳеба, брата своего, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ своимъ. Осмый же полкъ устрои Гекторъ, въ немъ же воиновъ избранныхъ и крѣпкихъ мужей десять тысящъ: воеводу же учини имъ Париса, брата своего, емуже бо во слѣдъ съ полкомъ своимъ и самъ мыслитъ пойти. Парисъ же пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ честнѣ изъ града,

и ко врагомъ своимъ приближается на ополченіе. Девятый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же такожде избранныхъ и крѣпкихъ воиновъ бысть двадесять и пять тысящъ, ихъ же своему воеводству полагая, веде въ немъ десять братовъ своихъ родныхъ. Самъ же Гекторъ потребными и вѣрными оружіи отвсюду оградився, на конь свой всѣде, иже нарицашеся Галашей, о егоже крѣпости и великости и красотѣ и иныхъ его силахъ дивная написа Дарій. Бяше бо Гекторъ поистиннѣ чудный воинъ и крѣпкій ополчитель, и воинского ополченія мудрѣйшій воевода и начальникъ. Знаменіе же хоругви его поле бѣ все злато, посреди же его единъ бяше левъ краснымъ цвѣтомъ изображенъ: на конѣ же Гекторъ сѣдяше вооруженъ, и якоже нѣкій остpозрительный орелъ опаснѣ разсмотряя, уловити себѣ желаше нѣкій вожделѣнный ловъ. Сей

ко отцу своему Царю Прїяму тако рече: дражайшїй и любезнѣйшїй господине мой и отче, преславный и великїй Царю! имѣй ты вся своя оставшїеся конные и пѣшїе воины, ихъ же всѣхъ твоему воеводству ввѣряю, да будеши пребывая присно у града своего, и прилѣжнѣ соблюдая его, да не како врази наши нѣкоею коварною лестїю и лукавствомъ, намъ ратующимся, во градъ нашъ внидутъ, и возмутъ его, и пограбятъ. Но ты сего ради, вселюбезнѣйшїй мой отче, воевода буди имъ, преграда смертная, ратуя крѣпцѣ, и смертнѣ вредя ихъ мощїю великою силъ своихъ, и намъ же самимъ да будеши во опасное прибѣжище, и въ столпъ правленїя, и въ помощь безстрашїя. Ему же Царь Прїямъ тако отвѣща: любимѣйшїй сыне мой! отнынѣ глаголю ти, яко нѣсть ми въ настоящемъ семъ дѣлѣ въ бозѣхъ помощи, ни на нихъ

вѣра, но токмо въ храбрости силъ твоихъ, и въ прозрительномъ твоего ума опасенiи. И тако Гекторъ прiимъ отъ Царя Прiяма отпущенiе, исходитъ изъ града, и вся иные полки Троянскiе прешелъ, и предложивъ себе, быть первый на снятiе брани. Жены же благородныя, оставшiяся въ Трои, взыдоша на стѣны градскiя вкупѣ съ великою Еленою, да отполѣ возмогутъ зрити бранное ополченiе. Тамо же изыдоша и дщери Царя Прiяма, и многiя сомнительныя страхи и помышленiя въ сердцахъ своихъ держаху.

О УСТРОЕНIИ ПОЛКОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ.

Сице убо Гекторъ своя полки устрои зѣло добрѣ и разсмотрительнѣ; Царь же Агамемнонъ ослабленъ бѣ или немощенъ во устроенiи своихъ полковъ и поистиннѣ отъ языка своего 26 пол-

ковъ устрои. Перьвый полкъ веде Царь Патроклъ; 2 полкъ веде Царь Мереонъ; 3 полкъ веде Князь Несторъ; 4 полкъ веде Царь Протенорь; 5 полкъ веде Царь Архелай; 6 полкъ веде Царь Теламонъ; 7 полкъ веде Царь Уликсъ; 8 полкъ веде Царь Анаксъ; 9 полкъ веде Царь Селидъ; 10 полкъ веде Менестей, Аѳинскій Князь; 11 полкъ веде Царь Капенорь; 12 полкъ веде Царь Теѳусеръ; 13 полкъ веде Царь Умеросъ; 14 полкъ веде Царь Тезей; 15 полкъ веде Царь Филисъ; 16 полкъ веде Царь Ксантиппъ; 17 языкъ бѣ нѣкій Царя Протезилая, смерти господину своему желающій; 18 полкъ веде Царь Епистропъ; 19 полкъ веде Царь Седей; 20 полкъ Царь Алпинорь; 21 полкъ веде Царь Диронъ; 22 полкъ веде Царь Клауконъ; 23 полкъ веде Царь Леонъ; 24 полкъ веде Князь Діомидъ; 25 полкъ веде Царь Менелай, 26 полкъ веде Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властелинъ.

О ВТОРОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОИ И ТРОЯНСКОЙ.

Полкомъ убо отъ обою страну сице уставленнымъ, обѣ части на поле исходятъ воеватися: но оный сильнѣйшїй Гекторъ, покоя не терпя, прежде всѣхъ иныхъ конь свой понуди на теченїе, егоже яко предощутивъ Патроклъ Царь, иже предреченнаго Греческаго полку перьваго воевода бѣ, въ теченїи коня своего на Гектора воздвигъ копїе свое мужески и толь крѣпцѣ порази, яко щитъ, егоже себѣ Гекторъ наложи, сильнѣ пронерази, и брони его повреди, но до голаго тѣла копїе его внутрь не пройде. Гекторъ же въ насильствѣ раза онаго не трепеща, ниже сомняся, многою теплотою ярости разжеся, не копейнымъ отмщенїемъ поражаетъ его, но извлекъ мечь свой, и толь мощнѣ удари его, яко главу его на двѣ части раздѣли. И того ради умре Царь Патроклъ,

и спаде на землю посредѣ воюющихся: но Гекторъ видѣвъ его на землю низпадша со оружїемъ, имъ же бѣ Патроклъ облеченъ, восхищенъ бѣ желанїемъ, еже имѣти его, съ коня своего сниде, ничего же боярся, точїю хотя обнажити его отъ блистающихся оружїй. Но Царь Мереонъ съ тремя тысящами воинъ въ защищенїе трупа приближается, и гнѣвнымъ сердцемь противу Гектора рече сїя словеса: волче хищный и ненасытимый! воистинну бо отъ сего брашна вкусити не возможеши, индѣ подобаетъ ти искати брашна, зане скоро узриши болѣ пяти тысящь Грековъ, иже на сокрушенїе единыя твоея главы готовятся. И сице отъ того Царя и иныхъ воинъ бывшу устремленїю единодушну на Гектора, низринути его на землю сильнѣ мыслятъ, коня его отъ рукъ изъяти тщатся, и уже его на конь свой всѣсти ни какоже оставляютъ, Гек-

торъ же отъ нихъ себе мужески защищаетъ мечемъ своимъ, у многихъ воиновъ голени и мышцы отсѣкая, и кони ихъ убивая, и въ малъ часъ пятьнадесять воиновъ уби отъ нихъ. Греки же прилѣжнѣ належаху нань, или его поимати, или коня у него исхитити. Но нѣкій рабъ Гекторовъ, видѣвъ господина своего въ толицѣй бѣдѣ обстоима, взя копіе, и скочи на тѣхъ, иже паче иныхъ належаху на Гектора, и порази единаго отъ нихъ, и смерти его предаде: по томъ же скочи и на другаго, и того такожде смерти предаде, и Гектора самаго взыти на конь учини. Егда же Гекторъ на конь свой взыде, веліимъ гнѣвомъ ярости разгорѣся на Греки, и обиду свою желая на нихъ отмстити, жестоко на нихъ наступи, и мечемъ немилостивнѣ сѣчаше ихъ; идѣже бо аще обращашеся, тамо множество трупія мертвыхъ по

себѣ оставляше. Въ то время брань вельми остра кипитъ между Грековъ и Троянъ, и Трояне Грековъ дивнѣ погнетаютъ. Троилъ бо множество ихъ лютѣ побѣждаетъ, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, на негоже отъ страны Менестей, Князь Аѳинскій, нападе, и копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и поимати его хотя, яко да своимъ возможетъ его имѣти плѣнникомъ. Троилъ же себе отъ него мужески защищаетъ; Менестей же поимати Троила весь дыша, силы къ силамъ собираетъ, и толико прилѣжаніе показа и трудъ, яко Троила онаго ятъ, и въ прибѣжище свое его вести покушается: но запинающимъ многимъ Трояномъ далече его вести не возможе. Найде нань Полидамъ Князь, и мужески копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и Троила, сына Царева, отъ рукъ его избави,

и на конь взыти учини. Менестей же помощїю своихъ на конь восходитъ, и о погубленїи своего плѣнника отчаявся, скачетъ по полкамъ Троянскимъ, крѣпцѣ ратуя ихъ. Брань же зѣло умножашеся, и Трояне Грековъ на брани преодолѣваху, и уже ихъ въ бѣгъ неволею порѣваху. Троилъ бо и Полидамъ съ полки своими соединившися, немилостивнѣ сѣчаху Грековъ. Тогда отъ страны десныя приступиша на брань Царїе Гречестїи съ полки своими Царь Теламонъ, и Царь Менелай, и Царь Селидъ; такожде и Троянстїи Царїе съ полки своими въ тоже мѣсто приспѣша Царь Ремъ, Царь Седемонъ, Царь Персей, и брань зѣло люту и вельми страшну спустиша; отъ обоихъ странъ безчисленно воинъ падаху; Царь Менелай и Царь Ремъ оба сходятся, и копїями своими сражаются и оба съ коней своихъ низпадаютъ. Поли-

дамъ же нападе на Мерея, внука Еленина и Князя двадесять лѣтъ токмо имуща, иже въ цвѣтѣ своего юношества уже воинъ храбрый являшеся: сего Полидамъ сильнымъ ударомъ копія своего тяжко порази, и мертва съ коня сверже. Царь же Менелай, видѣвъ его мертва, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ тѣло его отъ ногъ конскихъ изъя, и къ шатромъ своимъ отосла. Самъ же желая на Троянѣхъ смерть его отмстити, Царя Рема толь крѣпцѣ порази копіемъ своимъ, яко мертва его съ коня сверже, егоже свои мнѣвше уже угасша, пособія ему ни коего же даша, но отъ брани помыслиша отыти, еже и дѣйству предали бы, аще не бы Полидамъ удержалъ ихъ нехотящихъ. Они же съ великимъ трудомъ браннымъ отъ конскихъ ногъ его изъемше и на щитъ положивше, яко мертва во Трою отнесоша. Царь же Селидъ, иже

во вся времена и во вся дни своя всѣхъ человѣкъ образомъ красоты своея превзыде, о немъ же написа Дарій, яко персоны его, рече, никто же отъ человѣкъ написати можаше, его же Царица преимѣющею любовію толико любляше, яко паче себе самыя имяше его любима внутреннѣ. Сей же Царь Селидъ на Полидама нападе, хотя его копіемъ своимъ съ коня низринути, его же Полидамъ Князь, многою яростію разжегшійся, мечемъ голымъ порази, и яко мертва поверже на землю. Въ то же время Гекторъ скача сѣмо и овамо по полкамъ Греческимъ, многое множество Грековъ убиваетъ, и полкъ свой безъ воеводства остави, яко же Дарій написа; близъ бо тогда Гекторъ тысящи воиновъ уби, и пріиде паки ко своему полку. Брань же горитъ острѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ; и не далече Полидаму отъ Гектора воюющуся, внезапу Менелай и Тела-

монъ Царіе на Полидама вкупѣ нападаютъ, его же перьвѣе Теламонъ и Анаксъ найде, и порази его копіемъ своимъ, и съ коня сверже, и силы своя соединивъ Менелай и Теламонъ, Полидама поимаша. Гекторъ же возрѣвъ на ту страну, видѣ Полидама отъ многихъ Грековъ окруженна, и отъ гласовъ вопіющихъ едва услыша низложенна, и въ плѣнъ ведома, иже и разгнѣвався вельми, расторгъ полки оны, и пріиде къ тѣмъ, иже Полидама вести мысляху, и тридесять ихъ уби: прочіи же Полидама оставльше, въ бѣгъ обратишася. И тако Гекторовою чудною силою Полидамъ избавленъ бысть отъ Грекъ. Гекторъ же паки къ тѣлу Патрокла Царя пріиде, еще хотя ограбити оружія его, и сего ради сниде съ коня своего, и за узду единою рукою конь свой держа, начатъ обнажати его. Но Царь Мереонъ паки съ тремя тысяща-

ми воинъ нападе на Гектора, и самъ Царь, и сущіи съ нимъ мечи своими поражаху его. Гекторъ же видя себе быти пѣша, брани же смертнѣ палящей, силы къ силамъ собираетъ, и мечемъ своимъ отъ нихъ мужески себе защищаетъ, и многихъ Грековъ убиваетъ и ранитъ. Но Князь Несторъ со Артилогомъ, сыномъ своимъ, и со иными двѣмя тысящами воинъ Мереону Царю въ помощь пріидоша противу Гектора, и крѣпцѣ боряху его, и коня у него уже отъемше отведоша; Гекторъ же съ ними пѣшъ крѣпцѣ боряшеся. Родныяжъ дѣти Царя Пріяма, братія же Гекторовы, иже въ полку его бяху съ нимъ вкупѣ воеводствующе войско свое видяще аки побѣждаемо, а Гектора не видяще, сходятся прилѣжно и ищутъ его въ полцѣхъ; и яко къ мѣсту оному приходятъ, узрѣша Гектора пѣша противу толикихъ конныхъ

борющися, и вельми ужасошася. Нападше убо на Грековъ зѣло сильнѣ полкъ онъ возмяшоша, и въ бѣгство абіе обрашиша. Динадаронъ же единъ отъ братій Гекторовыхъ крѣпцѣ належаше на Грекъ онѣхъ заключившихъ Гектора; и тридесять мужей уби отъ нихъ, прочіи же разбѣгошася. Трояне же приступльше отвсюду, окружиша Гектора; единъ же отъ братій его, именемъ Симборъ, нападе на Паликсіона нѣкоего Греческаго нарочита и дивна, на нѣкоемъ мощнѣ и сильнѣ жребцѣ ѣздяща, и его копіемъ своимъ поразизи, и на землю сверже, и жребца онаго восхитивъ за узду, Гектору пѣшу біющуся примчалъ, на негоже Гекторъ скоро взыде, и нападши на Грековъ съ великою зѣльностію, немилостивнѣ сѣчаше ихъ, о ограбленіи Патрокловѣ уже отчаявся. Греки же не могуще толикаго его яростнаго устремленія терпѣти,

бѣжатъ отъ него; онъ же гоня ихъ паки отъ полку своего отлучися. И егда пріиде ему въ стрѣчу Царь Мереонъ, унесшій у него тѣло Патроклово; тогда Гекторъ гнѣвнымъ словомъ рече ему: о лукавый изрядца! се нынѣ пріиде часъ твой, да достойную мзду воспріимеши за сіе твое злодѣйство, яко Патрокла Царя прехватилъ еси отъ мене напрасно; и по словесѣхъ онѣхъ порази его мечемъ толь мощнѣ, яко главу его на двѣ части раздѣли, и паки обратився на Греки, безъ конца побѣждаетъ ихъ. Греки же отвсюду обходятъ его, хотяще его убити, въ нихъ же бѣ и Царь Тезей. Сей же Царь Тезей во мнозѣ храбрости свѣтелъ, приближися къ Гектору, и воспоминая ему глаголетъ, да отъ брани изыдетъ, яко да не напрасно погибнетъ; аще ли ни, во всемъ мірѣ толь великій, благородный и храбрый воинъ погибнути возможетъ. Или

не вѣси, господине, коликія тысящи Грековъ отвсюду обходятъ тя, хотяще лукавнѣ убити тя? И сего ради щадя благородіе твое глаголю ти, да благоволиши возвратитися здравствуя ко своему полку да не безвременно умреши. Гекторъ же сія отъ него слышавъ, любовныя ему о семъ благодаренія воздаде, и обратився паки ко своему полку здравъ отыде, и вельми удивися человѣколюбію толику Царя Тезея. Брань же въ то время палитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ сильнѣ погнетаютъ, Греки же хребетъ дати готовятся. Тогда отъ страны Греческія Царь Теламонъ, и Царь Уликсъ, такожде и Царь Менелай, и самъ Царь Агамемнонъ, соединившеся съ самыми лучшими полки своими, противу Троянъ мужески пойдоша, имъ же Трояне въ лицѣ крѣпцѣ сташа. Енея бо и Анаксъ сходятся сердцы ненависщными, и оба съ коней низла-

гаются. Царь Агамемнонъ и Царь Пандалъ стекшеся, такожде оба съ коней низлагаются. Парисъ же нападе на Царя Фатрїйскаго, сестричича Уликсова и того своими силами погуби: Уликсъ же копїемъ своимъ коня Парисова уби, и паде Парису всадникъ его. Троилъ же Уликса толь тяжцѣ мечемъ своимъ порази, яко верьхъ шлема его сокруши, и съ коня сверже его. Царь же Филонъ прїиде на брань въ колесницѣ сѣдя, и крѣпцѣ воюя Грековъ, его же Греки ополченїя ужасахуся и бѣгаху. Гекторъ же, яко неистовенъ, всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, его же Менестей, Князь Аѳинскїй, видѣвъ толика множества погубляюща Грековъ, отъ страны найде на Гектора, не уразумѣвшу Гектору подвига его, и Гектора копїемъ своимъ тяжцѣ уязви. Самъ же убоявся ярости его далече отбѣже отъ лица его. Гекторъ же ощутивъ себе уязвен-

на отъ брани отыде, и язву ону обвязавъ крѣпцѣ, яко кровь отъ нея тещи не можаше, паки пріиде на брань, и стремленію гнѣва его не удержану сущу, яростнѣ нападе на Греки убивая ихъ, яко Греки бѣжаніемъ отъ него спасеніе свое пріобрѣтаху, онъ же толикою яростію развирѣпѣвъ, немилостивнѣ сѣчаше ихъ. Царь же Умеросъ напрягши лукъ свой, испусти стрѣлу свою на Гектора, и порази его въ лице. Гекторъ же абіе нападе нань яростенъ, и порази его мечемъ голымъ толь мощнѣ, яко тѣло его на двѣ части раздѣли: и сего ради умре Царь Умеросъ, ниже къ тому напрязаетъ лука, ниже испущаетъ стрѣлу. Въ то же время Квинтиліанъ, единъ отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма Троянскаго, и Царь Модернъ съ нимъ вкупѣ нападаютъ на Царя Тезея, и его изымаша, и поимана убити хотятъ, на нихъ же Гекторъ велегласно возопи, да не вредатъ его

и отпустятъ; они же повелѣнїемъ Гекторовымъ свободна его пустиша. Онъ же прибѣже къ Гектору, умильная благодаренїя ему воздая, и обѣщася ему паки здравїе благородїя его соблюдати. И тако Царь Тезей избавленъ бывши ко Грекомъ отыде. Царь же Тоасъ Италїанскїй нападе на Какибула, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Прїяма, и его копїемъ своимъ порази, и мертва съ коня сверже. О смерти же Какибуловѣ, сына Царева, Трояне зѣло смутишася, и на Грековъ паче ополчишася, и лютѣ сѣчу умножиша, и Грековъ бѣжати понудиша, Деиѳебъ бо, сынъ Царя Прїяма, паче иныхъ съ полкомъ своимъ убиваше Грековъ лучными стрѣлянїями. Тогда же отъ страны Греческїя Царь нѣкїй, именемъ Тефусеръ, найде на Гектора, и копїемъ своимъ, не уразумѣвшу ему подвига его, Гектора съ коня сверже. Гекторъ же абїе на конь свой

взыде, и во отмщеніе на Царя Тефусера браздіе коня своего направляше; онъ же бѣгствомъ спасеніе себѣ пріобрѣте, далече бо отъ зрака Гекторова отбѣже, яко Гектору отнюдъ невидимъ бысть. Гекторъ же гнѣва своего сердца удержати не возможе, на нѣкоего чудна Греческаго нападе, и смерти его преда; и паки отлучився Гекторъ отъ своего полка, скачетъ по полкамъ Греческимъ, безчисленно убиваетъ Грековъ, и нѣкоимъ доломъ зайде созади полковъ Греческихъ, и нападе на нихъ и вельми паче мѣры умножи убійство Грекомъ. Написа бо Дарій, яко послѣ оныя своея язвы Гекторъ болѣ тысящи воинъ уби, и въ толицѣмъ изнеможеніи и малодушествѣ все войско Греческое положи, яко ни единъ бѣ отъ Грекъ имѣя толико смѣльство сердца, еже бы защититися отъ него, ниже самъ Агамемнонъ Царь, всего Греческаго воин-

ства властель и воевода на брань безъ страха прiити смѣяше. Трояне же силою Гекторовою въ толицѣ смѣльствѣ и дерзновенiи хождаху, яко Грековъ уже всеконечно въ бѣгство обративше, лютѣ сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ, и нападше Трояне на имѣнiя Греческая, шатры ихъ пограбиша и многое множество злата и сребра, и прочихъ многоцѣнныхъ вещей взяша, и весь ихъ запасъ отъемше, къ своему граду принесоша. Сей день Трояномъ зѣло благопоспѣшенъ на брани случися, и Трояне бы надъ Греки во всемъ обще были побѣдницы; но счастiя шуихъ случаевъ кто отъ человѣкъ можетъ избыти? яко же бо аще кто достигнетъ желанiя своего, и не можетъ добрѣ содержати его, абiе погубитъ оное паки: или обрѣтъ сокровище, опаснѣ же не восхощетъ управити, яже о немъ, тоже пострраждетъ. Тако бо сотвориша и Троя-

не, зане данную имъ побѣду надъ враги ихъ отъ раздѣленія своего благодарною рукою не пріяша, но нерадѣніемъ своимъ отъ нея конечно отпадоша; послѣди же, аще и съ трудомъ великимъ поискавше ю, не обрѣтоша. Сицево несчастіе случися неблагодарному Гектору, родственнымъ случаемъ ослѣпшему, прочимъ же Трояномъ грабленія недугомъ омрачившимся, и таково злоключеніе послѣди пострадавшимъ. Повѣмъ же абіе и несчастливаго оного случая образъ, како сотворися.

Анаксъ нѣкто во Греческомъ ополченіи бѣ чуденъ воинъ, и многія храбрости свѣтлый оружникъ, и зѣльнаго смѣльства крѣпкій ополчитель. Сей Анаксъ видя Грековъ своихъ толикое пагубное паденіе, и всеконечное ихъ отъ Троянъ побѣжденіе, сжалися вельми и крѣпцѣ о нихъ поболѣ душею, и хотя всячески потрудитися за отечество свое, съ

тысящїю воиновъ нападаетъ на Гектора, съ таковымъ твердымъ намѣренїемъ, яко да убїетъ Гектора, и смертїю его всѣхъ Троянъ въ сомнѣнїе малодушїя ввержетъ, и Грековъ своихъ отъ толикїя ихъ погибели избавитъ. Сего ради на Гектора въ толицѣ ополченїи наступи: Гекторъ же разумѣвъ подвигъ его, ста крѣпцѣ на ополченїе противу его. И сего ради абїе спускается бранъ промежъ великихъ онѣхъ и толь сильныхъ воиновъ; и егда между себе нѣкая словеса бранясь глаголаху, позна его Гекторъ сына быти Ексїонина, сестры Прїямовы, отъ Теламона Царя зачатаго, иже бѣ въ четверокровной степени ему союзенъ. И абїе Гекторъ, оставя оружїе свое въ велицѣй любви ласкаетъ его и молитъ, да въ Трою прїидетъ посмотрѣти пространнаго своего града и отечества. Онъ же отрицаяся, и спасенїя своихъ Грековъ желая прилѣжнѣ молитъ

Гектора: аще, рече, господине мой и брате, толику любовь имаши ко мнѣ, сотвори любезнѣ; прошу благородіе твое, моля съ толикою покорностію сердца моего, благоволи послушати мя о семъ. Повели Трояномъ въ сей день престати отъ брани, и во градъ свой возвратитися, и Грековъ дня сего въ покоѣ оставити. Неблагодарный же Гекторъ поволи сему тако быти, испусти трубный свой гласъ, и повелѣ всѣмъ Трояномъ во градъ возвратитися. Трояне же егда услышаша отъ Гектора сицевое повелѣніе, вся оставльше во градъ возвращахуся, аще и не хотяху. Уже бо Трояне во Греческіе корабли огнь вметаша, и множество кораблей сожгоша, и безъ сомнѣнія вси бы корабли они згорѣли, и сами бы Греки конечно истребилися, аще не бы сицевое повелѣніе изыде, но по трубному оному гласу вси во градъ, яко побѣдницы, возвратишася.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ.

Вшедшимъ же Трояномъ во градъ и вратомъ вь потребной крѣпости утвержденнымъ бывшимъ, и Трояномъ утѣшающимся о множествѣ грабленнаго богатства, вкупѣ же и скорбящимъ о несчастливомъ ономъ случаѣ, къ томуже и о смерти падшихъ на брани Троянскихъ воиновъ, наипаче же о смерти Какибуловѣ, сына Царева, о немъ же и самъ Царь Пріямъ вельми плакася, во утріе Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ Уликса и Діомида посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріямъ даде имъ по прошенію ихъ; и перемирію утверждену бывшу, и послы пріемше отпущеніе отыдоша во страны своя. Царь же Пріямъ о смерти Какибула, сына своего, утѣшитися не можаше; послѣди же

во гробѣ зѣло дражайшемъ тѣло его положити повелѣ, и честно погребе. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Патрокла Царя, такожде и о смерти Царя Мереона, и Царя Селида, и Царя Умероса, и Царя Фатрїйскаго плачъ велїй бѣ, такожде и о толицѣмъ множествѣ воиновъ Греческихъ многи слезы излїяшася; и тѣлеса Царей оныхъ и иныхъ благородныхъ Греческихъ во гробѣхъ дражайшихъ положиша, и должному погребенїю предаша. Прочихъ же воиновъ тѣлеса огнемъ сожгоша множества ради, и пепелъ ихъ снесше въ нѣкїй ровъ, тамо погребоша, да не возсмрадится мѣсто оно, на немъ же живутъ Грекове. Ахиллесъ же о смерти Патрокла Царя утѣшитися не можаше, но непрестанно упражняшеся въ рыданїи и слезахъ, поминая его.

О ТРЕТІЕЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Прошедшимъ же днемъ даннымъ въ перемиріе, и приспѣвшу дни бранному, Агамемнонъ Царь въ дѣлѣ своея власти бодрѣ, опаснымъ прилѣжаніемъ вся полки своя устрои, да добрѣ и разсмотрительнѣ пріити имѣютъ на брань.

Первый полкъ поручи Ахиллесу, вторый Діомиду, третій Менелаю, четвертый Менестею Аѳинскому Князю, такожде и вся иные полки своя благочиннѣ устрои. Гекторъ такожде своя полки во мнозѣ разсужденіи устави. Въ первомъ полку постави Троила, брата своего, и прочихъ воеводъ, многою храбростію свѣтлыхъ мужей, яко же обычай бѣ ему бодреннымъ попеченіемъ устроивати. Вскорѣ убо оный бранный и храбрый Гекторъ изъ вратъ градскихъ уже исхождаше, и на поле свободно пріиде. Перьвѣе противу Ахиллеса на подвигъ вниде, егоже добрѣ

познавъ, дается съ нимъ на снятіе брани, и единъ противу другаго коня своего понуди на теченіе, и егда оба мужески стекшеся, и единъ другаго поразиша копіи своими, и оба съ коней низлагаются, крѣпкій бо крѣпкаго порази, оба вкупѣ и падоша; но Гекторъ перьвый на конь свой взыде, Ахиллеса оставляетъ, и дается въ полки; большую часть предтекущихъ ему убиваетъ, иныхъ же ранитъ, иныхъ люте низлагаетъ съ коней, и силою своея мощи вси Греческіе полки разрушаетъ, и разшибаетъ, идѣже хощетъ, и Греческою кровію омоченъ ѣздитъ, поражая всѣхъ противу текущихъ ему мечемъ голымъ люте. Ахиллесъ же не по мнозѣ часѣ отъ земли воставъ на конь свой взыде, и обратився на Троянъ, такожде многихъ убиваетъ, и ранитъ и съ коней низлагаетъ, скача по полкомъ Троянскимъ уязвляетъ, донелѣже паки въ стрѣчу прі-

иде Гектору; тогда наскочивъ скоро единъ на другаго въ крѣпости конной сразишася, но Гекторъ толь мощнѣ Ахиллеса порази, яко копїе свое на многїя части сокруши. Ахиллесъ же на конѣ себе держати не могїй, съ коня низлагается, и на землю паде. Гектору же изымати хотящу коня Ахиллесова, сопротивнїи мнози на Гектора наскакаху. Ахиллесъ же помощїю своихъ на конь восходитъ, и Гектора мечемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко Гекторъ нужею потрясеся, но въ силахъ своихъ мышцъ едва возможе удержатися въ сѣдлѣ. Гекторъ же о семъ много болѣзнїю ярости разжегшися, мечемъ голымъ тремя разы, разъ разу прилагая, по шлему удари Ахиллеса сице, яко по лицу его потоки кровнїи потекоша. Смертну убо брань оба вкупѣ творятъ; и аще бы долго въ той самой брани пребыли, или единъ другаго убилъ бы, или оба другъ друга нѣ-

како погубили бы. Нашедшимъ же воиномъ отъ полковъ обѣихъ странъ едва ихъ межъ собою разлучиша. Тогда же отъ страны Греческія пріиде онъ бранный Дїомидъ Князь многими людьми подкрѣпленъ. Противу же его Троилъ съ полкомъ большимъ на брань приступи; Дїомидъ же и Троилъ оба ратуяся сходятся, и оба съ коней своихъ вержутся; но Дїомидъ перьвый на конь свой взыде, и Троила сына Царева, стояща пѣша, толь мощнѣ удари мечемъ во главу, яко кругъ шелома его сокруши. Троилъ же въ крѣпости силъ своихъ Дїомидова коня уби, и оба пѣши ополчаются. Греки убо Дїомида, Трояне же Троила взыти учиниша на кони и оба на конѣхъ паки ратуются; но Дїомиду убо во многѣ силѣ превозмогающу, изыма Троила, и поиманна въ шатры своя вести покушшеся. Запинающимъ же многимъ всадникомъ, далече вести его не

возможе. Наступивше бо во множѣ силѣ Трояне, исторгоша Троила отъ рукъ держащихъ его; и на конь взыти учиниша, и брань умножиша Трояне и Греки вельми жестоку, отъ обѣихъ бо странъ веліе множество падаетъ воиновъ язвенныхъ и убіенныхъ, паче же отъ Грекъ. Трояне же дивнѣ утѣсняютъ ихъ, наипаче Гекторъ безъ милости убиваетъ всѣхъ противу текущихъ ему. И егда пріиде ему въ стрѣчу нѣкій Греческій дивный воинъ, именемъ Боетесъ, и въ силѣ своей смѣлъ на Гектора нападе; тогда Гекторъ толь мощнѣ его мечемъ голымъ порази во главу, яко отъ верьха главы разсѣче его на полы даже до пупа, не защищающу оружію его. Царю же Арширлогу, Боетесову сроднику, то видящу, желаше вельми смерть сродника своего отмстити, и жестоко на Гектора наступи, на него же Гекторъ сильнѣ нападе, и мечемъ

голымъ тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Протенорь смѣльствомъ напраснымъ ведеся, и отъ страны найде на Гектора. Не уразумѣвшу же сему подвига его, съ коня его сверже, Гекторъ же многимъ гнѣвомъ ярости разжегся, и абїе на конь свой взыде, и на Царя Протенора нападе мечемъ голымъ, и толь мощнѣ его порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Се же видѣвше Греки, вельми ужасошася, и оставльше поле въ бѣгство обратишася. Трояне же немилостивно сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоня прїидоша, нощь же найде и брань преста.

О ЧЕТВЕРТОИ БРАНИ ГРЕЧЕСКОИ И ТРОЯНСКОИ.

Зракомъ убо человѣческимъ мраку приходящу, и звѣздамъ по небу всюду отверстымъ, уже нощь запинаетъ зрящихъ во мрацѣ, и ра-

ди своея темноты малъ свѣтъ открыша. Тогда Царїе и Князи Греческїе къ шатру Агамемнона Царя вси снидошася, и многїе совѣты о смерти Гекторовѣ испыташа, како его убїютъ; рѣша бо, яко той есть единъ Троянскїй защитникъ крѣпкїй, и Греческїй вредитель смертный, и донелѣ же Гекторъ отъ сего житїя не оскудѣетъ, то поистиннѣ убо Трояне никакоже могутъ повредитися. И на семъ совѣты своя утвердиша, яко да хотѣнїе сего дѣла Ахиллесъ на ся воспрїиметъ, еже убити его; не токмо бо своими силами, но паче остроумнымъ своимъ промысломъ да окончаетъ того, еже Ахиллесъ любезно на ся воспрїя, зане ему сїе дѣло паче иныхъ пристоитъ, яко извѣстно вѣстъ Гектора на смерть его всячески дышуща; и аще себе Ахиллесъ не побережетъ отъ него, то легко поистиннѣ отъ рукъ его смер-

тїю умретъ. И убо о семъ скончану бывшу совѣту ихъ, вси въ шатры своя возвратишася, нощнаго ради покоя. Утру же бывшу, Греки паки препоясуются на брань, зане онъ сильнѣйшїй Гекторъ покоя не терпя изъ вратъ градскихъ уже исхождаше съ полкомъ своимъ, по немъ Троилъ скоро послѣдова, по немъ Парисъ, по немъ Деиѳебъ, по немъ Полидамъ, по немъ Царь Иппонъ, по томъ же и вси Царїе съ полки своими изыдоша, яко же написа Дарїй, яко въ той день Троянъ сто и пятьдесятъ тысящъ на брань изыдоша. Отъ Грековъ же перьвѣе исходитъ Ахиллесъ, по томъ Дїомидъ, по томъ Царь Тоасъ, по томъ Царь Теламонъ, по томъ Царь Менелай, по томъ и самъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воинъ изыдоша на ополченїе, и брань спустивше велику, падаютъ сѣмо и овамо умерщвленїи. Гекторъ же многихъ Грековъ

убиваетъ и ранитъ и уязвляетъ; Ахиллесъ же и Царь Тоасъ вкупѣ наступаютъ на Гектора, и съ коня его низлагаютъ, и коня у него отъемлютъ. Гекторъ же на своихъ мощнѣ возопи, да не оставятъ коня его отвести: они же о пріобрѣтеніи коня его брань велику умножиша, и многихъ Грековъ посѣкоша, и коня его у нихъ отъемше. Ахиллесъ же и Царь Тоасъ крѣпцѣ на Гектора належаху убити, и частыми своими пораженіи мечными шлемъ его на главѣ сокрушиша, и во многихъ мѣстѣхъ поразиша его, отъ нихъ же потоки кровніи течаху. Гекторъ же мечемъ своимъ отъ нихъ защищаяся, Царя Тоаса въ лице порази, и половину носа его отсѣче. Родныя же братія Гекторовы на помощь ему усердно скорятъ, дивнѣ Грековъ утѣсняютъ, Царя Тоаса плѣнятъ, Царя Теламона смертнѣ уязвляютъ, Ахиллеса же съ коня низвергаютъ

и Царя Тоаса поиманна во градъ Трою съ Деиѳебомъ послаша. Въ шой день сынове Царя Пріяма дивная содѣяша своею храбростію, многихъ Грековъ убивающе, и многихъ Царей ихъ побѣждающе. Брань же въ шо время была осшрѣйшая, Гекшоръ бо помощію брашіи своея на конь взыде, и безчисленно Грековъ убиваше. Діомидъ же на Енею нападе, и перьвѣе словесы рече ему: радуйся, добрый совѣшниче, давый о мнѣ Царю Пріяму добрый совѣшъ, и се нынѣ воспріимеши ошъ мене досшойную мзду швою, и порази его копіемъ своимъ и съ коня сверже, на него же самого Гекшоръ нападе, и съ коня сверже. Менелай же пріиде въ сшрѣчу Парису, иже оба шогда испинно познашася, и Менелай усшремися нань, абіе хошя поразиши его копіемъ своимъ; Парисъ же уразумѣвъ подвигъ его, напряже лукъ свой, и испусши сшрѣлу свою нань.

и порази его въ лице. Менелай же паде на землю, его же свои вземше на щитъ положиша, и въ шатры его отнесоша: но въ той часъ абїе рану его обязавше, мастїю нѣкоею уврачеваша болѣзнь его. По семъ паки на конь свой взыде, и на брань пришедъ Париса ищетъ, хотя ему яростїю мстити. Обрѣте же паки Париса, и нападе нань яростенъ, хотя копїемъ своимъ убити его; еже и легко моглъ бы сотворити, понеже въ то время Парисъ не вооруженъ бѣ, самъ бо волею своею оружїе съ себе совлече, и сего ради Енея щитомъ своимъ его отъ копїя Менелаева защити, и во градъ его проводи, да не како повредитъ его Менелай. Гекторъ же Грековъ сильнѣ озлобляетъ, и разрушаетъ вельми крѣпость ополченїя ихъ. Такожде и прочїи Трояне крѣпцѣ ратоваша ихъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленїя

понести не могуще, въ бѣгство обратишася. Трояне же въ тылъ сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоняще прїидоша, нощь же найде и брань преста. Трояне же вшедше во градъ, и врата градскими замками утвердиша.

О СОВѢТѢ ЦАРЯ ПРЇЯМА.

Утру же бывшу Царь Прїямъ устави въ той день не воеватися, но сыновъ своихъ къ себѣ призвати повелѣ, имъ же пришедшимъ, и по чину на мѣстѣхъ своихъ сѣдшимъ, Царь Прїямъ рече къ нимъ сицевая словеса: вѣсте бо, како Царя Тоаса темница наша держитъ заключенна, и праведно быти мню, да злою смертїю онъ казнимъ будетъ отъ насъ, и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Тогда перьвѣе всѣхъ Енеа нача глаголати Царю: ни, господи мой великїй Царю, да не низпадетъ къ толикому грѣху

благородіе твое, еже озлобити Царя Тоаса; извѣстно бо вѣси, яко Царь Тоасъ отъ большихъ Греческихъ есть, занеже и вы сами, великій Царю, имате ближнихъ своихъ, на бранѣхъ пребывающихъ, и аще ключится коему отъ нихъ восхищенну быти Греческими руками, Грекове же тогда будутъ мстяще обиду свою, таковою же казнїю озлобятъ ихъ, и нанесутъ величеству благородія твоего укоризну велику, и печаль нестерпиму; но праведно есть Царя Тоаса блюсти, и аще случится имъ такожде изыматися отъ Грекъ, то убо могутъ поистиннѣ благотворнымъ пріобрѣтенїемъ размѣнитися. Гекторъ же совѣтъ Енеевъ яко благоискусенъ вельми похвали. Царь же Пріямъ еще въ мысли словесъ своихъ пребывая, тако рече: да аще мы сотворимъ по словесемъ вашимъ, и оставимъ жива Царя Тоаса, то

убо абіе Греки вознепщуютъ насъ быти страхомъ пораженныхъ, и яко неимѣющихъ смѣльства врагомъ своимъ мстити Тогда вси вкупѣ рекоша: праведно есть, великій Царю, аще благоволитъ благородіе твое сотворити по словесемъ Енеевымъ. Тогда Царь Пріямъ склонился и самъ къ совѣту ихъ, и повелѣ всякое прилѣжаніе показывати Царю Тоасу, въ темницѣ сѣдящему, и соблюдати его. Греки же о шкодахъ своихъ, и о убійствѣ ихъ отъ Троянъ злѣ зѣло въ молчаніи тужатъ, и глаголютъ себе веліимъ буйствомъ быти одержимыхъ, иже къ толь тяжкимъ незгодіемъ Пароонъ ихъ и вещей дати себе восхотѣша. Тоя же нощи небо облечеся мрачными облаки, и многими дожди; и быша вельми страшни громи и блистаніи, и того горши паче, яко пріиде буря зѣло страшна и велика, яко вся ихъ шатры и кро-

вы отъ земнаго стоянія исторже; тѣмъ же Грекомъ веліе и болѣзненно и трудно въ ту нощь найде стѣсненіе.

О ПЯТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Послѣди же отбѣже тьма и наобѣщницы ихъ предреченныя бури; и бывшу утру свѣтлость ясна явися, яже всей земли лице просвѣти. Греки вкупѣ ко оружїю текутъ, зане онъ сильный Гекторъ, покоя не терпя, изъ вратъ градскихъ уже исхождаше, и на поле свободно пріиде, по немъ же изыде Парисъ, по томъ Троилъ, по томъ Деиѳебъ, по томъ Антеноръ, по томъ Енеа, по томъ Полидамъ, и даже до Греческихъ остроговъ съ полки своими пріидоша на брань. Отъ Грековъ же перьвѣе Царь Антеноръ на Гектора наступаетъ, его же Гекторъ скоро уби, по

томъ же на Греки сильнѣ нападе, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, яко же обычай бѣ ему. Тогда же отъ страны Греческія два брата Царей, единъ отъ нихъ звашеся Епистропъ, а другій Седей, на брань вдаются, и на Гектора наступаютъ, и перьвѣе Царь Епистропъ жестоцѣ Гектора копіемъ своимъ порази, но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Гекторъ же мечемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Седей видѣ брата своего Царя Епистропа мертва, болѣзнію многою стѣсняется, тысящу воиновъ къ себѣ призываетъ; и молитъ ихъ, да съ нимъ Гектора поженутъ и убіютъ, яко да о смерти брата своего желаемое возможетъ наслѣдити отмщеніе, ниже закоснѣвше оніи воини со Царемъ своимъ абіе нападаютъ на Гектора, и его съ коня низлагаютъ; но Царь егда простеръ ру-

ку, хотяше Гектора мечемъ своимъ поразити, Гекторъ же мечемъ своимъ Царя Седея по оной руцѣ удари, ею же мечь держаше, яко руку его отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и скоро его уби, самъ же абїе на конь восходитъ, и на Грековъ паки нападаетъ убивая ихъ. Ахиллесъ же въ то время Царя Иппона уби, и Троянъ сильнѣ побѣждаетъ. Енеа же тогда Царя Амѳимака ополчающагося уби, а Дїомидъ нападе на Царя Ксантиппа, и того своими силами погуби. Брань же кипитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, а Греки въ бѣгство порѣваются: Гекторъ же въ то время паки двухъ Царей Греческихъ уби, Царя Алпинора и Царя Динора. Грецы же яко побѣждены суще падаютъ предъ Трояны, и мертвецы своя въ паденїи ономъ умножаютъ, наипаче же еще найде имъ тяжчайшее паденїе сего ради, яко въ то вре-

мя Царь Епистронъ изъ града Троянскаго съ пятїю тысящи на брань прїиде, и приведе съ собою на ополченїе нѣкоего стрѣльца видомъ дивна; въ низъ бо бяше конь отъ пупа, а въ верьхъ человѣкъ и всюду бѣ покровенъ, яко въ верьху тако въ низу урожденными на немъ власы конскими: лице же его аще и человѣческаго подобїя, но все бѣ червленно, аки угль зажженъ, и конское отъ устъ изношаше ржанїе, очи же его бѣша свѣтлѣе огненнаго свѣта, зане два пламени огненныя подаваху, тѣмъ же зрящихъ ихъ вельми страхъ и ужасъ объятъ. Сей же стрѣлецъ ни единымъ оружнымъ защищенїемъ бѣ одѣянъ, съ единымъ своимъ лукомъ, и съ единымъ сайдакомъ полнымъ стрѣлъ на брань вниде, въ егоже пришествїе и кони воюющихся зѣло устрашишася; но помогающе всадники ихъ многими подстреканїи острожными ударяху ихъ, они

же вспять идяху и во внезапное восхищахуся бѣгство: стрѣлецъ бо онъ скача по полкомъ, множество убивая Грековъ, Греки же бѣжаще предъ нимъ въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Трояне устны меча погубляютъ. Дїомидъ же бѣжа къ шатромъ своимъ ускоряше, его же стрѣлецъ устремительно гоняше, нужда бо бѣ Дїомиду велїя, да не хотя и сомняся на стрѣльца нападе предъ шатромъ нѣкїимъ, стрѣлецъ же Дїомида стрѣлою своею порази, но не тяжко его вреди, вооруженъ бо бѣ; Дїомидъ же его мечемъ голымъ толь мощнѣ порази, неоруженна суща, яко мертва поверже на землю. Тогда паки Греки страхъ ужаса онаго отрясше, на Троянъ мужески обращаются, и поле съ ними поставляютъ. Трояне же съ ними сильнѣ сѣкущеся, брань паки умножаютъ, и въ то время Антенора мужа избраннѣйша и въ хит-

рости ополчимой чудна, и тѣмъ добрѣ стройна Греки изымаша; и въ страны своя отведоша, и въ той убо день отъ самаго утра, и до вечера крѣпцѣ брань Трояне и Греки сотвориша, нашедшей же нощной сѣни, отъ брани преставше разыдошася.

ГРЕКИ ПОСЛАША ПОСЛЫ СВОЯ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩЕ НА ДВА МѢСЯЦА СРОКА ПЕРЕМИРІЮ.

Въ послѣдующій же день Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріямъ даде имъ по прошенію ихъ, и перемирію утвержденну бывшу, Греки убо во градъ безъ опасенія вхождаху, и исхождаху, такожде и Трояне во Греческія станы не боящеся прихождаху и возвращахуся. Во единъ же отъ дней Гекторъ ко Греческимъ шатромъ пріиде во множествѣ своихъ благородныхъ, его же Ахил-

лесъ любезнѣ узрѣ, и прилѣжнѣ моляше Гектора, да въ шатеръ его внидетъ. Гекторъ же послуша его и вниде къ нему; Ахиллесъ же радостно прїятъ его и сѣдоша, и многїя словеса о нѣкїихъ между себе глаголаху.

Послѣди же Ахиллесъ Гектору рече сицевая словеса: Гекторе, Гекторе! любезно ми есть, яко вижду тя днесь безоружна, и зане безъ оружїя никогдаже могълъ тя видѣти, но любезнѣ мнѣ было бы, аще бы еси отъ рукъ моихъ смертїю умерлъ, якоже азъ желаю: азъ бо въ силѣ твоея крѣпости ощутихъ ю во излїянїи крови моея, и въ частыхъ пораженїяхъ меча твоего. И убо о семъ мысль моя многою болѣзнїю подстрекается, но большимъ сраженїемъ сражается о томъ, яко Патрокла Царя, сердечнаго ми друга, смерти предалъ еси погублена, егоже азъ сердечною лю-

бовїю себѣ союзихъ, разлучилъ мя еси отъ него; и сего ради смерть Патрокловa жестоцѣ и лютѣ отмстишся на тебѣ самомъ, къ тому же еще и вѣмъ тя всячески на убїйство мое дыщуща, еже погубити мя лютѣ. И тако Ахиллесъ рѣчи своя сконча. Емуже Гекторъ сице отвѣща: господине Ахиллесъ, аще азъ на твою смерть яростнѣ дышу, и ненавижду тя всѣмъ сердцемъ моимъ, что дивишися о семъ? праведно бо творю. Како бо азъ любити того могу, иже мя въ ненависти имать главной, зане въ скрежетанїи толикїя валки воевати мя дерзнулъ еси? отъ вражды бо любовь произыти не можетъ, но паче гнѣвъ умножается, и злопомнѣнїе изобилуетъ; любовь бо отъ мысленнаго согласїя начало водитъ, а отъ ненависти вражда исходитъ, ейже мати есть валка. Сїю убо ты паче еще въ земли своей

бывъ, въ сердцѣ своемъ воспиталъ еси, и пришелъ еси раззоряти отечество чужее, и се явѣ дѣломъ своимъ обличился, яко еси враждотворецъ, а не истинный добротворецъ, къ тому же еще и неправдолюбецъ и неразсудителенъ, яко се вину написуеши, что убихъ азъ врага моего, Патрокла Царя, ищущаго главы моея, къ тому же и претительными своими словесы, аки нѣкоего младенца устрашити мя мыслиши, да ужаснуся словесъ твоихъ, и бездѣленъ въ ратоборствѣ буду, и неключимъ во ополченїяхъ явлюся, страхомъ твоимъ согроженъ бывъ отвсюду, и малодушїе свое явивъ вконецъ непотребенъ покажуся. То бо есть намѣренїе ума твоего, якоже непщую быти, господине. По истиннѣ бо глаголю ти, яко прещенїе твое отнюдъ не устрашитъ мя, ниже словесъ твоихъ ужасаюся, но паче и ругаюся

толику суетну уму таковая неподобная родившему словеса. Возвѣщу же ти, да извѣстно разумѣеши, яко аще азъ самъ на два лѣта еще живъ буду, и укрѣпится мечь мой, уповаю въ силѣ моея мощи, яко не токмо ты единъ, но и вси Царїе и Князи Греческїя, иже противу мене воюютъ, отъ меня горькою смертїю злѣ поляжете, не воспоминающе будете къ тому смерти Патрокловы, сами злѣ умирающе въ земли чуждей, яко да научатся и прочїи по томъ родове Гречестїи не разоряти лукавнѣ отечествъ чужихъ. И что много глаголю? яко аще тя толико смѣльство крѣпости понуждаетъ, да противу мене мниши въ силахъ своихъ возмощи; то сотвори, да вси Царїе и Князи Гречестїи дадутъ совѣтъ о семъ и руку держатъ неослабно, составленнѣ бывши брани между двоихъ насъ токмо: и аще тебѣ слу-

чится побѣдити мя, то самъ азъ и родители мои отъ сего царства и отъ прочихъ нашихъ вѣчно отступимся, и царствія наша владычеству Греческому предадимъ. И сего ради колико богатство и честь и славу хвалы единымъ симъ подвигомъ пріобрѣсти можеши? аще ли же мнѣ ключится побѣдити тя, то сотвори, да вси Царіе и Князи отъ сея земли нашея отступятъ во своя отечества, и насъ въ покоѣ оставятъ отъ трудовъ бранныхъ. Ахиллесъ же къ словесемъ Гекторовымъ весь гнѣвомъ разжеся, яко весь мокръ бысть росою потною, брань пріемлетъ смѣло, и ко Гектору приближився, въ знамя крѣпости мечь ему приноситъ; Гекторъ же сія любезнѣ пріемлетъ. И егда сія услышаша Царіе и Князи Гречестіи, стекошася къ шатру Ахиллесову, не хотяще сего утвердити, еже Ахиллесъ безсовѣтно

себя на брань вдаетъ: не подобаетъ бо, рекоша, толикимъ Царемъ и Княземъ о побѣдѣ единаго воина славитися, ниже побѣжденія его ради всѣмъ укореннымъ быти Такожде и Трояне сему быти не изволяютъ, кромѣ единаго Царя Пріяма; той бо единъ соизволяше на се, занеже ему мощь и сила Гекторова добрѣ знаема бѣ; но не сотворися тако, якоже хотяше. Тогда же Царіе Гречестіи честнѣ Гектора отпустиша, и тако отыде во градъ.

О ШЕСТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Егда же срокъ перемирія сего конечно минулъ, тогда паки Трояне и Греки на брань препоясуются, и на ополченіе изыдоша, и брань спустивше жестокую, сѣчу умножиша вельми ужасную. Отъ утра бо даже и до самыя нощи воевахуся; нощь же найде и брань разлучися. По

тридесять же дней непрестанну брань Трояне и Греки твориша, и отъ обоихъ странъ безчисленное множество воинъ падоша, паче же отъ Троянъ, зане въ тѣ дни Грекомъ на брани лучшая часть бѣ. Отъ сыновъ же Царя Прїяма шесть бѣ убїено въ тыя дни на бранехъ.

О ПОСЛАХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРЇЯМУ, ПРОСЯЩИХЪ НА ТРИ МѢСЯЦА СРОКУ ПЕРЕМИРЇЯ.

Во оно же время, въ неже Грекове пословъ своихъ посылаютъ ко Царю Прїяму, Калкасъ Троянскїй жрецъ, [о немъ же многажды выше речено бысть, яко остави Троянъ и Грекомъ прилѣпися во островѣ Дельфѣ,] молитъ Царя Агамемнона и прочихъ Греческихъ Царей, да испросятъ у Царя Прїяма дщерь его оставшуюся во Трои. Послы же Греческїе пришедше во Трою, моляху Царя Прїяма, да дастъ имъ на три

мѣсяца сроку перемирія. Царь же Пріямъ по прошенію ихъ даде срокъ перемирія, и утвердиша его. По томъ же послы молиша Царя Пріяма, да повелитъ отъ плѣненія свободити Царя Тоаса, и возметъ себѣ въ премѣну за искупленіе его Князя Антенора. Царь же Пріямъ поволи и сему тако быти. По семъ же послы паки моленія многія ко Царю Пріяму о Брисандѣ принесоша, да повелитъ ея отдати отцу ея. Царь же Пріямъ на размѣну Антенорову, и Царя Тоаса и Брисанду Грекомъ свободилъ. И тако абіе Царь Тоасъ избавляется отъ Троянъ, а Антеноръ свобождается отъ Грекъ. Пріемше отпущеніе послы, взяша Тоаса Царя и возвратишася въ станы своя.

Во утрій же день Брисанда повелѣніемъ Царевымъ на путь препоясуется, юже Троилъ и иніи бла-

городнїи Троянстїи путемъ отъ града далече проводиша: Гречестїи же благороднїи прїидоша въ прїятїе ея, и прїемше ю отъ Троянъ отыдоша къ шатромъ своимъ. Троилъ же и прочїи благороднїи возвратишася во градъ, и егда прїидоша въ страны Греческїя, и возвѣстиша Агамемнону Царю пришествїе Брисандино, тогда Царь Агамемнонъ повелѣ призвати всѣхъ Царей и Князей Греческихъ, и абїе снидошася вси къ нему, и сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ. Тогда прїиде Брисанда предъ лице Агамемнона Царя и прочихъ Царей, и пришедъ поклонися имъ; они же повелѣша ей принести мѣсто позлащенно, и повелѣша ей сѣсти, и видѣвше Царїе толикую красоту ея, по премногу дивишася, и вопрошаху ея о Царѣхъ и о градѣ, и о обычаяхъ народа. Она же зѣло яснѣ и честнѣ возвѣщаетъ имъ,

они же вельми удивишася красотѣ лица ея, и остроумїю словесъ ея, и многими дары одариша ю, и отпустиша. Егда же она прїиде въ шатеръ отца своего, на того жестокими словесы приходитъ во множествѣ слезъ глаголя ему сице: како, отче мой, обуянъ бысть умъ твой, иже прежде толикою процвѣтая мудростїю; во Троянехъ паче прочихъ вознесенъ и возвеличенъ, и господь ихъ былъ еси; нынѣ же учинился еси ихъ лукавый изрядца, и отверглъ еси отечество свое и градъ, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, и приступилъ еси ко врагомъ ихъ? Лутче бы было намъ, дражайшїй отче, жити въ мѣстѣ пустынномъ, или въ лѣсахъ непроходимыхъ пребывати, нежели между толикихъ человѣкъ толикимъ студомъ очернятися безславнымъ. Или мниши, драгїй отче, яко Греки вмѣнятъ тя быти

вѣрна, иже еси своему отечеству показался явной невѣрца? Поистиннѣ прельстиша тя Аполлоновы лживыя отвѣты, отъ нихъ же глаголеши, яко отвѣтъ воспріялъ еси, оставити отечество свое, и прилѣпитися ко врагомъ своимъ: не мню воистинну быти, яко той Аполлонъ богъ бѣ, но паче мню его сообщника быти адскихъ неистовствъ. Въ сихъ Брисанда многими печальми побѣждена бывши, плачевную рѣчь свою сконча; ей же отецъ ея Калкасъ вкратцѣ нѣкіихъ словесъ отвѣща: любимѣйшая, рече, дщи моя! кто отъ человѣкъ можетъ сопротивитися власти и повелѣнію боговъ? азъ бо не самоизвольно оставихъ мое отечество, но повелѣнію власти ихъ послѣдуя; неложно бо отъ устъ ихъ воспріяхъ, яко градъ Троя въ краткое время падетъ, низложеннымъ бывшимъ славнымъ его, и всѣмъ людемъ усты меча пожер-

тымъ. И сего ради лутче есть намъ, любимѣйшая дщи моя, въ земли чуждей добрѣ жити, нежели во своемъ отечествѣ злѣ умрети. Сїя слышавъ словеса отъ отца своего Брисанда умолче; и не у тому дни въ часы уклоншуся вечернїя, Брисанда ново начала измѣняти свое изволенїе, и ветхїя умыслы нача забывати, и уже годѣ ей бысть со Греки, нежели доселѣ бывшей съ Трояны, и въ кратокъ часъ премѣнившися начала во всемъ претворятися. Кто бо аще речетъ что о постоянствѣ женскомъ, имъ же аще едино око слезитъ, другое же смѣется око сопротивнѣ? и сего ради поистиннѣ буй тотъ разумѣвшися иматъ, иже въ ласканїи женскомъ вѣру емлетъ, и показанїемъ ихъ прелестнымъ вдается. Кто можетъ лести ихъ написати, и многая ихъ измѣнная лукавая умышленїя изглаголати?

О СЕДЬМОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОИ И ГРЕЧЕСКОЙ.

По прошедшихъ убо трехъ мѣсяцахъ срочныхъ, данныхъ въ перемиріе, оба войска на брань готовятся· и учиненнымъ Троянскимъ отъ Гектора полкомъ, самъ Гекторъ на брань перьвѣе изыде, водя съ собою пятнадесять тысящь воиновъ, ихъ же своему вмѣнилъ полку, ему же со иными десятїю тысящи Троилъ скоро послѣдова, по томъ Деиѳебъ, по томъ Енеа, по томъ Полидамъ, по томъ Царь Ремъ, по томъ Царь Седемонъ съ полки своими, и въ той день Троянъ сто пятьдесятъ тысящь на брань изыдоша. Отъ Грековъ же перьвѣе Ахиллесъ съ седьмїю тысящами воинъ выступилъ на брань, по немъ Дїомидъ съ толикими же, по томъ Менелай Царь съ толикими же, по томъ Теламонъ Царь съ толикими же, по томъ Царь Ксантиппъ съ толикими же, по томъ Царь Ага-

мемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воинъ. Отъ Грековъ же Царь Филисъ первѣе на брань приходитъ, и на Троянъ наступаетъ, ему же Гекторъ въ стрѣчу пріиде, и поразить его копіемъ своимъ, и мертва съ коня сверже. Тогда Греки о смерти Царя Филиса болѣзнующе, брань вельми жестоку спустиша. Трояне же противу ихъ такожде сѣчу прежасну умножиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Паки же отъ страны Греческія Царь Ксантиппъ пріиде, иже Царя Филиса, дяди своего, смерть желаше отмстити, жестоко на Троянъ нападе, и Гектора гонитъ и нанъ наступаетъ; Гекторъ же обратися въ гнѣвъ, и уби его. Тогда Греки о смерти Царя Ксантиппа болѣзнующе, силы къ силамъ собираютъ, и Троянъ тяжко порѣваютъ, и въ бѣгство понуждаютъ. Гекторъ же въ то время въ лице бѣ уязвленъ, не вѣ-

дый отъ кого, отъ его же язвы безмѣрное множество крови течаше; и сего ради отъ брани уклонися. Греки же Троянъ толико побораютъ, яко ко стѣнамъ града Трои пригнаша ихъ. Гекторъ же воздвигъ очи своя, и къ стѣнамъ градскимъ направи зракъ, и егда узрѣ тамо Елену, такожде и жену свою и сестры своя, на стѣнахъ градскихъ стоящихъ, и обою страну ополченія смотрящихъ, сего ради много устыдѣся, и абіе въ гнѣвѣ и въ ярости отъ стыда вожжеся. На Царя убо Мемнона нападе, сестричища Ахиллесова, и порази его мечемъ своимъ толь жестоко, яко главу его на двѣ части раздѣли, и мертва съ коня сверже; еже видѣвъ Ахиллесъ пріемъ нѣкое копіе зѣло дебело нападе на Гектора, и порази его, но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Гекторъ же мечемъ своимъ въ лице его порази, и тако рече ему: о Ахиллесъ! много

покушаешися приступати ко мнѣ, но ты за истинну имѣй, яко ближняго прихода ищеши ко огню, и безъ сомнѣнія ко исходу своея смерти приходиши. Ахиллесъ же къ рѣчамъ Гекторовымъ хотя отвѣщати, и се найде Троилъ въ велицѣ множествѣ воинъ, и Грековъ вспять неволею итти понуди, немилостивно бо сѣчаше ихъ: отъ страны же паки Греческія оный храбрый Діомидъ Князь пріиде, и на Троила нападе, и копіемъ своимъ съ коня сверже его, и коня его восхитивъ, къ шатромъ своимъ отосла. Потомъ скачетъ по полкамъ Троянскимъ, и много зла творитъ; на него же пришедъ Полидамъ нападе, и толь мощнѣ порази его копіемъ своимъ, яко Діомида съ конемъ его поверже и попра на землю, отъ коего раза Діомидъ тяжко поврежденъ бысть. Полидамъ же коня Діомидова отъ своего паденія востающъ за узду изыма, и Троилу пѣшу біющуся даде

на него же скоро взыде Троилъ, но Троила тогда Ахиллесъ скорѣе доступаетъ. Троилъ же Ахиллеса копіемъ своимъ порази, и съ коня сверже, и нападаетъ крѣпцѣ на Грекъ, убивая ихъ и уязвляя. Ахиллесъ же паки на конь свой восходитъ. Гекторъ же всѣхъ Грековъ въ срѣчу приходящихъ ему убиваетъ, и притекъ ко Ахиллесу и копіемъ своимъ паки съ коня сверже, и мечемъ голымъ шеломъ его на главѣ его сильно біетъ: Греки же крѣпцѣ защищаху Ахиллеса; но Гекторъ ту сильнѣ посѣкая убиваетъ Грековъ. Написа бо Дарій, яко тогда Гекторъ близъ тысящи воиновъ Греческихъ уби, иже Ахиллеса защищати хотяху, отъ него же Ахиллесъ толико бѣ побѣжденъ, яко едва бѣ ему сила защититися отъ него. Солнце же убо обращашеся на вечеръ, а Троянѣ сѣчу крѣпку умножиша, и Грековъ въ бѣгство обратиша, и даже до шат-

ровъ ихъ гнаша сѣкуще, и абїе нощь наступи, и отъ брани престаша. Чрезъ весь же мѣсяцъ непрестанну брань Трояне и Греки твориша, и отъ обѣихъ странъ многое множество воиновъ падоша. Царь же Агамемнонъ ко Царю Прїяму пословъ своихъ посла, на шесть мѣсяцовъ сроку перемирїя просяще, еже отъ обѣихъ странъ и утверждено бысть.

О ОСЬМОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во оно же время, егда перемирїе сїе бяше, велїй моръ на Греки прїиде, живущїя въ полѣ, и мнози зѣло умроша Греки. Егда же скончевашеся перемирїя онаго уреченное время, а моръ не преставаше еще, тогда паки Царь Агамемнонъ пословъ своихъ ко Царю Прїяму съ моленїемъ посла, и еще на тридесять дней сроку перемирїя прошаше. И аще перемирїе дано бысть ему отъ Царя

Прїяма, однако оное не зѣло любезно бяше Трояномъ толь долгїе перемирныя давати сроки. Тѣмъ же паки днемъ прошедшимъ, и онаго уже уставнаго сроку послѣднїй день скончася. А егда во утрїй день брань уже имяше быти; тогда въ нощь ону Андромена, жена Гекторова, отъ нея же Гекторъ уже два сына имѣ, единаго Лаомедонта, а другаго Астїона, и той еще младенецъ у персей бяше, видѣла во снѣ грозное видѣнїе о мужѣ своемъ, и отъ сего разумѣ истинну быти, яко аще Гекторъ въ день той на брань изыдетъ, избыти не можетъ смерти, но убїется ту. И нача о немъ тайно плакати, и дерзнула тоя же нощи видѣнїе то ему изъявити, прилѣжно моля его, да въ той день на брань не исходитъ, но въ своемъ Царскомъ дому да пребудетъ. Гекторъ же къ словесемъ жены своея зѣло разгнѣвася, и за-

прети ей, во многословесной жестокости наказуя ю сице: не разумѣеши ли, рече, жено, яко срамъ великъ есть благороднымъ, паче же рещи, мудрымъ отнюдъ несвойственно снамъ вѣрити нощнымъ, и тщетными сими мнѣнїи въ малодушїе и страхъ приходити? Андромена же егда узрѣ его совѣту ея не покаряющася, умолче; но утру бывшу рано ко Царю Прїяму и ко Царицѣ Еккубѣ приступивъ, видѣнїе свое изъявляетъ имъ, и прилѣжно молитъ, да Гектору въ той день изыти не попустятъ. Царь же Прїямъ повелѣ полкомъ Троянскимъ вооружатися, и всѣмъ сыновомъ своимъ, и инымъ Царемъ и Княземъ и начальникомъ, и полкомъ ихъ отпущенїе даде изыти на ополченїе; Гектору же заповѣда имянно, да въ той день не примѣшается брани. Гекторъ же о семъ на жену свою зѣло разгнѣвася

и многая ей изрече словеса претительныя; разумѣ бо яко по ея наученїю се сотворися, еже на брань ему не изыти. Но заповѣдь отчу оставя, оружїя проситъ отъ слугъ; раби же ему оружїе подаютъ и отъ нихъ вооружается, и на брань пойти мыслитъ весьма скоро; еже узрѣвъ Андромена, съ малымъ сыномъ своимъ, его же на рукахъ своихъ ношаше, паде предъ ногами Гекторовыми, и во множествѣ слезъ глагола моля его сице: аще мене отрицаешися помиловати, господине, помилуй хотя отрока сего, рожденнаго отъ тебе; да мати ихъ и сынове твои горькою смертїю не умрутъ, или убожествомъ зѣльнымъ утѣснятся. Такожде и сама Царица Еккуба, мати его, и сестры его Кассандра и Поликсена съ великою Еленою, падше предъ ногами Гекторовыми, моляху его со слезами, да оружїе съ себе сложитъ, и о-

пасенъ во свемъ Царскомъ дому почiетъ. Онъ же ниже слезамъ ихъ внимаше, и не токмо съ ними о семъ не слагашеся, но ниже слышати хотяше. По томъ съ великою скоростiю на конь свой восходитъ, и на брань пойти мыслитъ весьма скоро, и сего ради Андромена, жена его, отъ великiя своея жалости раздравъ ризы своя и распростерши власы главы своея, и ко Царю Прiяму крѣпцѣ возопивъ приступи, и къ ногамъ его себе простре, прилѣжно его моля, да возвратитъ Гектора, донелѣже онъ брани не примѣсится. Царь же Прiямъ абiе со тщанiемъ на конь свой взыде, и во многѣ скорости достиже во вратѣхъ градныхъ, и яко гнѣвнымъ сердцемъ за узду коня его изыма, и Гектора молитъ и проситъ, да послушаетъ его, и да возвратится въ палату свою. Онъ же по многомъ словопрѣнiи своемъ

повинуяся воли отца своего, возвратися во свою палату и не хотя, ниже убо оружїя своего съ себе сложити хотя, ниже инымъ чѣмъ забавляшеся, но сѣдяше тако волнуяся помышленьми, удержанїя ради отъ брани, и на жену свою гнѣвашеся. Въ то же время брань горитъ остреѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ, и велико убїйство умножашеся въ нихъ. Теламонъ и Анаксъ Троянъ мужески гонятъ, но Парисъ храбро ихъ защищаетъ. Менелай же Царь нападе на Царя Мисера, и копїемъ своимъ съ коня его низложи, а Греки Царя Мисера поимали. Въ то же время Полидамъ къ мѣсту оному приспѣ, и Царя Мисера отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Царь же Теламонъ и Царь Менелай, соединився вкупѣ на Полидама нападаютъ, и съ коня его низлагаютъ; онъ же себе отъ нихъ мечемъ своимъ мужески защищаетъ, и абїе

Троилъ къ мѣсту оному ускори, и Полидама отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Въ тоже время Ахиллесъ на брань приходитъ, и на Троянъ мужественно нападаетъ, убивая ихъ и уязвляя, и Маргаритонъ, единъ отъ сыновъ Царя Прїяма, приняти покушашеся Ахиллеса; Ахиллесъ же ему противяся, уби того. Тогда убо вопль велїй и смятенїе въ Троянехъ воста о смерти Маргаритоновѣ, сына Царева. Трояне наипаче сѣчу умножиша со Греки, инїи же веемше тѣло его, и раздравше ризы своя съ великимъ плачемъ во градъ входятъ, вонь же тѣло Маргаритоново принесше полагаютъ; его же мертва яко услыша Гекторъ, болѣзнїю многою мучится, и прилѣжнѣ его убїйства плачется, и вопрошаетъ, кто его уби; ему же Ахиллеса быти сказаша. Тогда Гекторъ со гнѣвомъ надѣвъ шеломъ, Царю отцу его не вѣдущу, на брань изхо-

дитъ, и въ ярости своей двухъ Царей уби, Царя Ерипола и Царя Гастида. По томъ же на Грековъ яростнѣ дышетъ стремленїемъ великаго гнѣва своего, и множество убиваетъ ихъ, ему же Царь Политенъ встрѣчу прїиде, и копїемъ своимъ порази его, но изъ сѣдла не возможе его изъяти: неподвиженъ бо пребываше отъ пораженїя его, и мечемъ своимъ толь мощнѣ Политена Царя порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Ахиллесъ же видѣвъ сродича своего смерть, нача размышляти въ мысли своей, яко аще Гекторъ отъ сего живота не оскудѣетъ, то поистиннѣ будетъ намъ всѣмъ горькую смертную чашу отъ него неволею пити, и въ сихъ помышленїяхъ много поучашеся Ахиллесъ, и прїимъ копїе хотяше крѣпцѣ съ Гекторомъ сразитися и отмстити Политеново убїйство. Гекторъ же нѣкую стрѣлу испусти на Ахиллеса,

и порази его въ лице. Ахиллесъ же отъ брани уязвленъ отходитъ; и язву ону обвязавъ возврашися на брань съ тѣмъ умышленіемъ, да Гектора смерти предастъ, аще ему отъ сего и умрети случится. Гекторъ же Грековъ немилостивнѣ погубляше, и пріиде ему встрѣчу нѣкій великій Греческій Царь, именемъ Леохидъ, его же Гекторъ мечемъ своимъ скоро уби. Ахиллесъ же видѣвъ Гектора толико благородныхъ смерти предавающа, ужасашеся зря, и искаше прилѣжно времени поразити его. Гекторъ же въ то время на Царя нѣкоего Греческаго нападе, и его поймавъ, щитъ свой за хребетъ себѣ поверже, и всю мысль свою на се обрати, да лутчаго Царя онаго отъ полковъ извлещи возможетъ, и сего ради грудь его бѣ откровенна; онъ же самъ о семъ не внимаше, но въ настоящемъ упражняшеся. Ахиллесъ же сильнѣ на-

блюдаше, яко же выше речено бѣ. И егда сїе узрѣ, яко Гекторъ на себѣ щитныя помощи не имѣетъ, прїимъ нѣкое копїе зѣло крѣпко, не разумѣвшу же Гектору подвига его, порази его въ грудь, и мертва верже на землю. Царь же Седемонъ, видя Гектора мертва съ коня спадша, на Ахиллеса нападе яростенъ, и порази его копїемъ своимъ толь сильнѣ, яко мертва поверже его на землю, его же Греки вземше яко бездушна въ шатеръ его отнесоша. Трояне же о смерти Гекторовѣ зѣло смятошася, и поле оставльше, и вземше тѣло его съ плачемъ великимъ откровенными главами въ блѣдности лицъ своихъ входятъ во градъ, вонь же тѣло Гекторово мертво Грекомъ непротивящимся принесоша.

О ПОГРЕБЕНІИ ГЕКТОРОВѢ.

Умершу же Гектору, и во градъ Трою тѣлу его внесену бывшу, плачь велій бываетъ во гражданѣхъ, нѣсть бо того гражданина, иже бы не хотѣлъ сына своего смерти предати за животъ Гекторовъ, аще сицевъ обычай одержалъ бы. А егда самъ Царь Пріямъ узрѣ Гектора, сына своего мертва, неизреченною болѣзнію сражается, и надъ тѣломъ Гекторовымъ многажды обмираетъ, и смерть ему вкратцѣ случилась бы, аще не бы отъ тѣла Гекторова сильно отвлеченъ былъ и отъ того безъ сомнѣнія въ явную пагубу смерти своея впалъ бы. Сице и братія его тоюже болѣзнію всячески мучахуся, умрети съ нимъ вкупѣ желающе, нежели по немъ жити. Что же речется о Царицѣ Еккубѣ? что же и о Андроменѣ, женѣ Гекторовѣ? что же и о сестрахъ его, ихъ

же родъ къ печальнымъ тѣснотамъ зѣло немощенъ есть, и плачливъ весьма, и описати его трудно есть? и сего ради яко неключима оставляются. По семъ же Царь Пріямъ повелѣ надъ храмомъ Палладинымъ сѣнь сребряну велику сотворити и позлатити златомъ чистымъ, и престолъ златъ въ ней поставити, и тамо тѣло Гекторово устроено отвсюду повелѣ посадити, и бальзамомъ повелѣ помазати, дабы тѣло Гекторово отъ тлѣнія не вредимо соблюдалося. Сѣдяше бо тѣло оно лицемъ къ войску Греческому, мечь въ десницѣ имѣя, да Грекомъ зрящимъ прещеніе наноситъ. Сія же сотвори Царь Пріямъ того ради, яко да сицевымъ устроеніемъ тѣла Гекторова малу ослабу скорби своей пріиметъ.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ.

По смерти же Гекторовѣ Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на бесѣдованіе къ себѣ призвати повелѣ, и сшедшимся имъ, и сѣдшимъ на мѣстѣхъ своихъ, по достоинству ихъ, Царь Агамемнонъ сицевая словеса рече къ нимъ: друзи, Царіе и Князи, и начальницы Греческаго ополченія! должны есмы нынѣ великое благодареніе воздати богомъ нашимъ, яко жестокаго врага нашего Гектора сподобихомся убити Ахиллесомъ, зане живу Гектору бывшу коликая злая отъ него пострадахомъ! колико бо отъ царей нашихъ своими силами погуби? Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя Амероса, Царя Боетеса, Царя Артилота, Царя Протенора, Царя Ортонома, Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Филиса.

Царя Динора, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, и Царя Гастида, Царя Политена, Царя Лехида, и иныхъ благородныхъ, рода нашего; протчихъ же воиновъ ополченія Греческаго безчисленное множество погибе отъ него. Нынѣ же Гектору оному умершу, Троянская надежда отнюдъ, якоже нещую, погибе отъ нихъ, и сила крѣпости ихъ отъяся, и столпъ правленія ихъ паде. Что же мы сами, не уже ли къ явной надеждѣ побѣды нашея достигохомъ? и нынѣ праведно быти мню, ко Царю Пріяму послы наша послати, на два мѣсяца сроку перемирія просяще, донелѣже Ахиллесъ отъ ранъ своихъ исцѣлѣетъ, и тогда съ нимъ о побѣдѣ Троянъ мужески да потщимся; и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Они же похвалиша совѣтъ его. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣ-

еяца сроку перемирія просити у Царя Пріяма, еже и дано бысть ему, и перемиріе утверждено.

О ПРЕМѢНЕНІИ АГАМЕМНОНОВѢ, И О ВЛАСТИ ПАЛАМИДОВѢ.

Въ то же перемирія время Паламидъ, сынъ Наула Царя, зѣло жалуется прочимъ Царемъ и Княземъ о власти Агамемноновѣ, и къ тому не хощетъ его себѣ имѣти владыкою, себе же паче достойнѣйша его быти глаголетъ, и преимѣюща во всемъ. И егда сія глаголы принесоша во уши Агамемнона Царя; тогда абіе Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на бесѣдованіе къ себѣ паки призвати повелѣ: и яко пріидоша къ нему, и сѣдоша кождо ихъ на мѣстѣ своемъ, по достоинству ихъ, Агамемнонъ Царь сицевая словеса рече имъ: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы, отнелѣже изыдохомъ отъ царствъ

нашихъ, и внидохомъ въ землю сїю, правленїя вашего бремя трудолюбно понесохъ, подъ нимъ же добрѣ попотихся даже и до нынѣ; нощїю и днїю не даяхъ покоя духу моему и персонѣ моей; вся промышленїя показывахъ о васъ по силѣ моей. И нынѣ треба ми есть почити отъ онаго тяжкаго ярма, лежащаго на плещахъ моихъ толико время, и праведно быти мню, яко да изберется вамъ инъ правитель, подъ его же правленїемъ готовъ есмь съ прочими Цари труждатися, елико возмогу въ силѣ моей. И обращься къ Паламиду, тако рече: и ты, господине Паламиде, сыне Царскїй, мниши мя о сей власти многою радостїю радоватися? поистиннѣ бо глаголю ти, яко отнелѣже азъ воспрїяхъ на ся власть сїю, то наипаче приложихъ попеченїе духу моему; и сего ради радостно сложити съ себе желаю яремъ сей: ты же аще и любезно

нынѣ ищеши его, но такоже, яко человѣкъ, крѣпцѣ упрудишися нося его. Но мню быти паче, яко и изнеможеши отъ тяжести его: токмо всуе мятешися, укоряя мя ничтоже зло сотворивша, еже и не лѣпо есть тако благороднымъ творити, еже укоряти други своя предъ толиками Цари и Князи вселенныя. И егда Царь Агамемнонъ словеса своя сконча, тогда вси Царïе и Князи и начальницы Греческаго ополченïя общимъ совѣтомъ избраша себѣ въ воеводы Паламида, сына Царя Наула, и даша ему всего воинскаго ополченïя власть. И егда сïя возвѣстиша Ахиллесу, зѣло не угодися ему, и рече тако, яко поистиннѣ се безсовѣтïе сотвориша Царïе и Князи, и нѣсть добро Агамемноново премѣненïе, ниже владычество Паламидово; человѣческое же нечестïе есть родственное, еже о новой власти радоватися, и о новомъ време-

ни веселитися. Любляше бо Ахиллесъ Агамемнона Царя зѣло, и почиташе его вельми, яко былъ мужъ попремногу разуменъ, и здраваго совѣта мудростїю цвѣтый, и разсужденїемъ зѣльнымъ исполненъ.

О ДЕВЯТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОИ И ТРОЯНСКОЙ.

Двѣма мѣсяцемъ цѣло прошедшимъ, Царь Прїямъ восхотѣ смерть сына своего Гектора мечемъ своимъ на Грекахъ отмстити, и избра двадесять тысящъ воинъ, ихъ же своему вмѣни быти полку. Прочїи же полки по прежнему устроенїю бѣша, и повелѣ врата градская отворити, и полкомъ на брань исходити. По повелѣнїю его исходитъ перьвое Деиѳебъ, по томъ Парисъ, по томъ Троилъ, по томъ самъ Царь Прїямъ, по томъ Енеа, по томъ Полидамъ, по томъ Царь Сарпедонъ съ полки своими, и до Гречес-

кихъ остроговъ тщательно скоряху. Паламидъ же своя полки устроиваше, и егда устрои оныя, изыде на ополченіе противу Троянъ, и первѣе самъ Паламидъ на Царя Пріяма нападе, хотя его копіемъ своимъ съ коня низринути. Царь же Пріямъ самаго Паламида толь мощнѣ порази, яко и съ коня сверже, и оставивъ его нападе крѣпко на Грековъ, и смяте ихъ. Овыхъ бо отъ нихъ убиваетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, и сильнѣ воюя Грековъ побѣждаетъ. Многа дивна сотвори и Царь Пріямъ отъ своея храбрости, яже аки и невѣрима отъ нѣкіихъ могутъ быти, яко человѣкъ толь старъ лѣты, возможе сицевая бранная толь мужески сотворити. Деиѳобъ же Грековъ непрестанно согнетаетъ, стрѣлами своими множество ихъ умерщвляетъ; брань же сильнѣ разгарашеся, и убійство вельми множашеся. Въ то

бо время Царь Перскій отъ града Трои во множествѣ воинъ на брань пріиде, и Грековъ дивнѣ утѣсняще. Князь же Аѳинскій, и Менелай Царь въ велицѣ множествѣ бранныхъ на него сильнѣ нападаютъ, и полкомъ ихъ всюду разлїяннымъ, посреди ихъ Троянъ заключаютъ, Царя Перскаго тогда Греки убиваютъ во множествѣ бранныхъ, и Трояне вспять итти порѣваются, ихъ же въ защищеніе Царь Сарпедонъ во мнозѣ силѣ своей бранной вдася. Въ сихъ же Царь Пріямъ съ сынами своими, иже вездѣ послѣдуютъ ему, сильнѣ подбѣжа, на Грековъ яростнѣ нападаетъ и убиваетъ ихъ. И аще не бы Царь Пріямъ, иже отъ вышнія страны, къ мѣсту оному приступилъ, велїю часть людей отъ языка своего погубилъ бы; ни единъ бо бѣ отъ Троянъ толь смѣлъ, и толь храбръ въ той день, елико Царь Пріямъ отъ своея храбрости мужески возможе по-

казати, ему же болѣзнь и гнѣвъ силы отвсюду подаютъ, его же жестокаго устремленія Грекове понести не могуще въ бѣгство обратишася, и къ шатромъ своимъ скоряху, ихъ же Трояне въ тылъ сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ. Нощь же наступи, и отъ брани престаша. Царь же Пріямъ яко побѣдитель возвратися во градъ, и врата градская въ потребной крѣпости утвердити повелѣ, и тѣло Царя Перскаго со многимъ плачемъ во гробѣ дражайшемъ Царь Пріямъ положи.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩИХЪ НА ТРИ МѢСЯЦА СРОКУ ПЕРЕМИРІЯ, И О АХИЛЛЕСѢ, КАКО ВШЕЛЪ ВО ГРАДЪ ТРОЮ, И ВИДѢ ПОЛИКСЕНУ ДЩЕРЬ ПРІЯМА ЦАРЯ.

Во утрій же день Паламидъ Князь, Греческаго ополченія воевода и начальникъ, ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ на три мѣ-

сяца сроку перемирїя у него прошаше. Царь же Прїямъ посовѣтовавъ со своими, даде ему перемирїе утвержено. Въ то же перемирїя время Ахиллеса нѣкое безсовѣтное хотѣнїе восхити, до въ Трою пойдетъ видѣти градъ, еже и сотвори. Вниде же во градъ въ то время, егда отправляхуся во градѣ поминки убитаго Гектора: и того ради Трояне уставиша пятьнадесять дней рыданїю быти; Ахиллесъ же прїиде тамо, и восхотѣ видѣти обычай рыданїй Троянскихъ, и бяше тамо сѣнь Гекторова отвсюду отверста, предъ тѣломъ же Гекторовымъ стояло множество женъ благородныхъ и дѣвицъ благообразныхъ, распростерши власы своя, иже слезныя воздыханїя и зѣльное рыданїе испущаху. Тамо же бѣ и сама Царица Еккуба со прекрасною дщерїю своею Поликсеною, во мнозѣ рыданїи и слезахъ упраж-

няхуся. Ахиллесъ же егда видѣ Поликсену красотою цвѣтущую, восхотѣ имѣти ея себѣ въ жену.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛА АХИЛЛЕСОВА КО ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ.

По семъ же умыслилъ Ахиллесъ посланника своего послати къ Царицѣ Еккубѣ, да дастъ ему въ жену дщерь свою Поликсену, обѣщевая ей всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на се изволеніе привести, да оставятъ брань ратнаго ополченія, и во своя царствія съ миромъ отыдутъ. Сего ради призва нѣкоего отъ рабъ своихъ зѣло вѣрна ему суща, и написавъ грамоту свою даде ему, и заповѣда ни кому же возвѣстити о семъ, и повелѣваетъ ему, да ко Царицѣ Еккубѣ въ посольство себе абїе направитъ, и изъявитъ ей сердца его мысль. Онъ же повелѣніе господина своего слышавъ, со тщаніемъ на путь препоясуется, и ко Царицѣ Еккубѣ отыде. Пришедъ же ко Цари-

цѣ, и падъ поклонися ей, честь принося благородїю ея. Царица же вину пришествїя его у него вопрошаетъ; посланникъ же той словеса господина своего любочестнѣ возвѣщаетъ. По семъ же и грамоту ону честнѣ подаде ей запечатану печатїю господина своего, и паки поклонися ей. Она же веземъ прочте ю, и помолчавъ не мало, таже рече ему: иди, друже, съ миромъ къ пославшему тя, и рцы господину твоему отъ мене здравїе, и яко азъ сама радостно хощу волю его сотворити, но требѣ ми есть изволенїе Царя Прїяма, мужа моего, и Париса сына моего, и что ми они рекутъ, возвѣщу ти, въ день бо третїй да прїидеши сѣмо, и отвѣтъ совершенъ отъ мене прїимеши. Посланникъ же паки падъ поклонися ей, и отыде къ господину своему и вся реченная ему отъ Царицы Еккубы вѣрно сказа ему. Ахиллесъ же егда сїя услыша, вельми

возвеселися. Царица же Еккуба, егда пріиде къ ней Царь Пріямъ, повелѣ призвати къ себѣ сыновъ своихъ: они же пріидоша къ ней по повелѣнію ея, и сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ, и абіе Царица Еккуба сказа имъ вся поряду отъ Ахиллеса реченная словеса, показа же имъ и писаніе оно принесенное отъ него. Царь же Пріямъ принявъ писаніе оно прочте его, и преклонивъ главу свою на долгъ часъ умолче, и ничто же рече, но различнѣ о семъ помышляше. Послѣди же отвѣща: о коль жестоко сердцу моему быти мнится, да толь лютаго своего врага въ друга имѣти хощу, который мене толико обидѣлъ и свѣтъ очей моихъ лютостію своею угасилъ, убивъ сына моего Гектора, его же ради смерти Греки воспріяша на мя толикое смѣльство! И сего ради да поне иніи сынове мои останутмися здрави: тѣмъ же неволею даю совѣтъ изволе-

нїю его; но блюди, о жено, да не како лукавый льстецъ сей хитростїю нѣкоею или лестїю коварнаго умышленїя своего лукавнѣ прельстити насъ хощетъ. Аще воистинну хощетъ сотворити толику правду, да кленется намъ присягою страшныхъ заклинанїй, еже сотворити по обѣщанїю своему, къ тому же и писанїемъ своимъ и печатію да утвердитъ свое обѣщанїе; и аще сотворитъ тако, то повѣримъ ему, и сотворимъ по волѣ его; аще ли же не возхощетъ, то симъ явно обличится лесть его. Парисъ же словеса отца своего Царя Прїяма любезнѣ похвали и утверди, къ тому же и се приложи, да Царица не будетъ отдана перьвому ея мужу, и утвердивше совѣтъ сей разыдошася. Егда же прїиде день третїй, тогда Ахиллесъ посла своего паки къ Царицѣ Еккубѣ послалъ; Царица же вся поряду отъ Царя

глаголанная ему возвѣсти, и отпусти его. Посолъ же пришедъ возвѣсти сія Ахиллесу. Тогда Ахиллесъ многою радостію возвеселися о возвѣщеніи словесъ его, и абіе написа писаніе ко Царю Пріяму и Царицѣ Еккубѣ, заклинаяся клятвами страшными, еже исполнити ему вѣрнѣ обѣщаніе свое, и яко вси, рече, Царіе и Князи послушати мя имутъ, и во своя царствія въ мирѣ возвратятся и мною поистиннѣ въ тишинѣ оставлены будете трудовъ бранныхъ, токмо благородія вашего милость да будетъ со мною. Егда же писаніе сицево написавъ печатію своею утверди, тогда ко Царю Пріяму и ко Царицѣ Еккубѣ паки посла своего послалъ, и заповѣда ему отъ себе зѣло честнѣ благородіе ихъ почитати, и о настоящемъ ономъ дѣлѣ прилѣжнѣ промышляти къ совершенію привести. Посолъ же Ахиллесовъ егда пріиде ко Царю Пріяму и къ

Царицѣ его и отъ лица господина своего ко благородїю ихъ поздравленїе изрече вельми любочестнѣ; по томъ же и писанїе господина своего подаде Царю Прїяму, и падъ на землю поклонися. Они же прїемше писанїе и прочетше, и свое написанїе написавше ко Ахиллесу, бракъ утвердиша непреложно, и даша его послу Ахиллесову и одаривше добрѣ посла онаго отпустиша. Посолъ же пришедъ ко Ахиллесу, и вся содѣянная ему тамо вѣрно сказа, и писанїе оно бракъ утверждающее подаде ему; по томъ же показа ему и дары своя, ими же дариша его Царь и Царица.

Ахиллесъ же прїемъ писанїе и писанная прочетъ, неизреченною радостїю возвеселися. Во утрїй же день Ахиллесъ всѣхъ Царей и Князей, повелѣвшу Паламиду, на бесѣдованїе къ себѣ созва, и егда прїидоша къ нему вси, Ахиллесъ сицевая словеса имъ изрече:

друзи, Царїе и Князи, и начальницы, слышите да возглаголю вамъ, и слышавше поистиннѣ разсудите. Молю васъ, который духъ восхити умы наша, да труждаемся втуне вси мы вкупѣ единаго ради человѣка, сирѣчь, Царя Менелая, прїобрѣсти желающе жену его, госпожу Елену? оставихомъ царствїя наша, отъ иныхъ лютѣ раздираемы, оставихомъ же и родители своя и жены наша и дѣти; забыхомъ и здравїе живота нашего, и прїидохомъ въ землю чужду, никоей же винѣ понуждающей насъ, и коликимъ мученїемъ мы отъ Троянъ умерщвляемся лютѣ! Сами видите, колико благородныхъ нашихъ Трояне умертвиша, такожде и прочихъ воиновъ нашихъ часть сильную погубиша и впредь погубленїемъ симъ ратовати насъ будутъ не преставающи. Или мните Елену толикїя цѣны достойну быти, да за ея прїобрѣ-

шеніе умрети толико славнымъ, и погибнути всей Греціи, да аще восхощешъ Царь Менелай, можешъ благородію своему и ину Царицу обрѣсти, нежели Елену пріобрѣтати толикими нашими пагубными бѣдами. Вси бо мы добрѣ уже искусихомъ мечь ополченія Троянскаго, такожде и самъ азъ пребывая на бранѣхъ, много крови моея излїяхъ, наипаче же въ смерти Гекторовѣ такову язву воспріяхъ, отъ нея же умрети паче уповахъ, неже жити надѣяхся: но убо отъ Троянъ сильнѣйшаго онаго Гектора и чуднаго воина, сына Царева, смерти вдахомъ, и иныхъ благородныхъ убихомъ, и сего ради воистинну довлѣетъ намъ съ похвалою и честїю во свояси возвратившися, примирившися со Трояны. Но аще и оставимъ Елену не пріобрѣтену, и то ничто же укорно естъ; имамы бо во Греціи Ексїону, Царя Пріама благородную сестру, ей же

Елена Царица о благородствѣ нѣсть равна. И тако Ахиллесъ рѣчи своя сконча. Но Царь Тоасъ Италїйскїй и Менестей Князь Аѳинскїй Ахиллесу въ томъ зѣло прекословятъ, такожде и большая часть Царей и Князей совѣтъ Ахиллесовъ отмещутъ, воли его послѣдовати не хотяще. Сего ради Ахиллесъ много подвигшися на гнѣвъ, предъ всѣми Цари и Князи на брань къ тому исходити противу Троянъ отречеся, и Мирмядонянамъ своимъ заповѣдалъ, да противу Троянъ къ тому оружїя своего не воздвизаютъ, и на брань да не исходятъ.

О ДЕСЯТОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОИ.

По окончанїи срочнаго времени, даннаго на перемирїе, оба войска на брань исходятъ, и тяжка брань спущается въ нихъ, и отъ обоихъ странъ великое множество воинъ падаетъ. Деи-

ѳебъ же тогда на Царя Крезея нападе смѣло, и копіемъ своимъ толь сильнѣ порази его, яко мертва съ коня сверже его; и тако Царь Крезей умре, скончавъ послѣднія дни своя. О смерти же Царя Крезея много оскорбишася Греки, на Троянъ крѣпцѣ наступиша. Царь бо Теламонъ нападе на Сизія единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, и мечемъ своимъ толь мощнѣ порази его въ руку, яко оттолѣ Сизій не возможе братися; еже видѣвъ Деиѳебъ, жестоко подвижеся на гнѣвъ, и на Теламона нападши, порази его копіемъ своимъ и крѣпцѣ уязви и съ коня сверже; еже видѣвъ Паламидъ на самаго Деиѳеба нападе, и порази его копіемъ толь жестоко въ грудь, да яко сокрушену бывшу щиту его, и доскамъ доспѣха его во многѣ силѣ растоpгнувшымъ, копіе свое въ груди Деиѳеба вонзе, и копію сокрушшуся изломокъ копія своего

въ труди Деиѳебовой остави вонзенъ. Парисъ же видѣвъ Деиѳеба, брата своего, смертно уязвлена, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ отъ ногъ конскихъ силою его изъятъ, во градъ Трою принесе, идѣже Деиѳебъ отверзе очи свои, и воззрѣвъ на Париса брата своего, рече ему: или, брате мой, во адъ снити оставляеши мя? много молю тя, да прежде даже уломокъ сей отъ язвы грудей моихъ изымется, но убїйцу моего тщательнѣ ускори, и толь трудолюбнѣ промысли, да отъ твоихъ рукъ издохнетъ убїенъ, донелѣже азъ есмь живъ. Парисъ же словеса умирающаго брата своего слышавъ, и весь окропленъ слезами отъ болѣзней, со тщанїемъ на конь восходитъ, и на брань ускоряя приходитъ стѣсненъ жалостїю о Деиѳебѣ, и прилѣжнымъ окомъ Паламида ищетъ въ полцѣхъ ополченныхъ

смѣло противу Троянъ устремляющася; обрѣте же Паламида противу Царя Сарпедона мужески воююща. Царь бо Сарпедонъ на Паламида наступаетъ, и его яростнѣ убити хощетъ; Паламидъ же порази его толь мощнѣ мечемъ своимъ по стегну, яко бедру его отдѣли отъ чреслъ его, и скоро его уби. И тако умре храбрый Царь Сарпедонъ, заключивъ день послѣднiй. Парисъ же видѣвъ толикое смертное убiенiе, еже Паламидъ надъ Трояны толь лютѣ творяше, и уже ихъ въ бѣгъ неволею порѣваше, напрягъ крѣпкiй свой лукъ, и крѣпко держа Паламида острымъ окомъ смотряше, въ кое бы мѣсто персоны его паче возмогъ уязвити смертнѣ, и нѣкую стрѣлу ядовитую, ея же желѣзо зѣло остро, испусти нань мужески, и порази его въ гортань, и скоро того уби. Вопль убо воста велiй, и смятенiе ужасно въ

воискѣ Греческомъ; вопіютъ бо Греки, тужатъ же и болѣзнуютъ о смерти толикаго ихъ воеводы, и тако ужасшеся поле оставляютъ и въ бѣгъ вдаются, ихъ же Трояне устны меча поядающе, даже и до шатровъ ихъ лютѣ сѣчаху. Греки же ставше предъ шатры своими, паки начаша творити брань съ Трояны; Трояне же противленію внемлюще, сходятъ ту съ коней своихъ и толь мужески начаша съ ними сраженіе творити пѣши, яко уже нападоша на ихъ шатры, и грабятъ сильною рукою имѣнія Греческая, самихъ же Грековъ въ шатрѣхъ ихъ лютѣ закалаютъ, трабленія же богатства во градъ относятъ. А Парисъ и Троилъ съ тридесятію тысящами на брегъ моря приходятъ, и во Греческія корабли огнь повелѣваютъ вметати; по повелѣнію же ихъ многая въ корабли зажженія мещутся, и возгорѣся абіе многъ

огнь и пламень зѣло великъ умножися. Въ шатрѣхъ же убійство Грекомъ веліе умножашеся, тѣмъ же и безъ сомнѣнія вси Греки погибли быша, и все корабельное собраніе ихъ згорѣло бы, но и тако болѣе пяти сотъ кораблей згорѣ. По счастію же Греческому абіе нощь наступи, и брань разлучися. Трояне убо, яко побѣдницы, входятъ во градъ обогатившеся Греческими корыстьми. Пришедше же во градъ Парисъ и Троилъ о Деиѳебѣ, братѣ своемъ, рыдаху; но убо аще Деиѳебъ конечная проволачаше воздыханія, и ощутивъ пришествіе ихъ воздвигъ очи свои, гласомъ же оскудѣвая, вопрошаетъ у Париса, аще убійца его мертвъ, о его же смерти егда Парисомъ бысть извѣстенъ, повелѣваетъ и уломокъ отъ раны своея изъяти, ему же изъяту бывшу, Деиѳебъ абіе издше. О смерти же Деиѳебовѣ плачъ велій воста во гражданѣхъ, и рыданіе

умножися во всемъ градѣ. Самъ же Царь Пріямъ и Царица Еккуба и сынове ихъ и дщери и Елена неизреченною тугою печали сокрушахуся плачуще. Также и о Царѣ Сарпедонѣ многія слезы изливахуся: послѣди же Царь Пріямъ тѣло Деиѳебово и тѣло Царя Сарпедона во гробѣхъ зѣло дражайшихъ положити повелѣ, и честно погребе ихъ обычаемъ благородныхъ Царей. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Паламидовѣ плачь велій бываетъ. Такожде и о смерти Царя Крезея многіи слезы изліяшася.

Послѣди же тѣлеса во гробѣхъ дражайшихъ положиша, и честному погребенію предаша. По семъ паки снидошася вси Царіе и Князи и начальницы, и общимъ совѣтомъ взяша паки себѣ въ воеводы Царя Агамемнона, и даша ему всего Греческаго ополченія власть.

О ГРЕКАХЪ ПОСЛАВШИХЪ ПОСЛЫ СВОЯ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ О ПЕРЕМИРІИ.

Егда паки Агамемнонъ Царь прія власть свою, посла̀лъ абіе пословъ ко Царю Пріяму, на два мѣсяца сроку перемирія прося, еже и дано бысть ему отъ Царя Пріяма. Промежъ же сего перемирія паки Агамемнонъ Царь ко Ахиллесу послы своя посла, Уликса Царя, и Князя Нестора, и Діомида, зовущи его паки, да на брань пріидетъ. Посломъ же онымъ ко Ахиллесу пришедшимъ, и перьвѣе Уликсъ Царь сице нача глаголати ему: господине Ахиллесъ! откуду мысль нова найде благородію вашему, яко въ сопротивленіе толико уклоняете подвиги ваша, по толицѣй доблести силъ вашихъ и по храбрости толицѣй мужества твоего, его же показалъ еси чудными ополченіи дѣлъ своихъ на бранѣхъ Троянскихъ, коликихъ бо благородныхъ Троянскихъ храбростію своею

умертвилъ еси, колико же прочихъ воиновъ мечемъ ополченія своего погубилъ еси, наипаче же сильнѣйшаго онаго и чуднаго воина Гектора мощїю силъ своихъ низложилъ его погублена, о немъ же всяка надежда спасенїя Троянскаго висяше, нынѣже и Деиѳебу умершу брату Гекторову, всяка надежда уже отъ Троянъ поистиннѣ отяся. Не сами ли мы уже отъ нынѣ къ явной надеждѣ нашея побѣды достигохомъ, зане Трояне отселѣ отъ страха силъ нашихъ, мертвыхъ себе паче быти мнятъ, неже живыхъ, толикимъ ужасомъ содержими суще. И сего ради, господине, да благоволитъ благородїе твое послушати словесъ господина Царя Агамемнона и прочихъ Црей и Князей Греческихъ совѣта, и не облѣнися вкупѣ прїяти съ ними надъ враги нашими совершенную побѣду: буди поборая на враги своя со всѣми нами единодушно, яко же и

прежде подвизался еси, ужасая крѣпцѣ ополченіемъ брани своея враги наша. И тако Уликсъ слово свое сконча, ему же Ахиллесъ тако рече: господине Уликсъ! вси мы исперва даже и до нынѣ веліимъ буйствомъ неразумія одержимы есмы, яко оставивше царства наша отъ иныхъ раздираема лютѣ, забыхомъ и самое здравіе живота нашего, и пріидохомъ въ землю сію, сами смерти своея ищуще. Или весьма не разумѣете, яко многими мученіи отъ Троянъ умерщвляемся по вся дни? Сами добрѣ зряще видите, колико Трояне благородныхъ нашихъ умертвиша, колико же прочихъ воиновъ Греческихъ оружіемъ погубиша; о семъ бо, господине, ни единаго же сопротивленія можеши рещи, яко не тако есть, понеже самъ явѣ зриши. Ни ли бѣ лучши славному Паламиду, сыну Цареву, во своемъ царствіи добрѣ жити, нежели

на сей брани люпѣ живопъ свой испровергнупь, пакожде и прочїи благороднїи Царїе внѣ царспвъ своихъ люпѣ скончашася на сей брани. И пако намъ зрящимъ погибель ихъ, о себѣ попещися подобаепъ; мы же еще гордоспь возношенїй нашихъ не оспавихомъ, пщими словесы и мнѣнїи на нихъ красящеся, и суепными надеждами побѣды прельщающеся проживныя творимъ Азъ бо поиспиннѣ глаголю пи, яко нѣспь мощно Троянъ въ легкоспи побѣдипи, зане они сами вельми храбри супь воини, и зѣло крѣпцы ополчипели, и на бранѣхъ много искусни супь; а еже реклъ еси, яко Гекпору и Деиѳебу опъ жипїя оскудѣвшимъ, Трояне къ пому не мнятъ себе быпи живыхъ, но мерпвыхъ паче, и се весьма явѣ, господине Уликсе, дѣломъ вещи показася, яко суепно еспь слово. И аще пако, яко же пы глаголеши, почпо

же Трояне страхомъ вашимъ омертвѣвшіи васъ живыхъ въ шатрѣхъ вашихъ закалаютъ, и имѣнія ваша разграбляютъ, и самаго начальника и воеводу ополченій вашихъ убиша, и корабли ваша пожгоша, и вся лютая вамъ показаша, по смерти уже Гекторовѣ и Деиѳебовѣ? И того ради азъ вельми дивлюся вамъ въ толико мнѣніе высоты вознесшимся, яко ниже самѣхъ себе, ниже своея немощи познаваете. Или не вѣсте, яко есть тамо, господине, инъ Гекторъ, иже не меньшею, но еще и большею обогащенъ силою, славный онъ и чудный воинъ, храбрый Троилъ, сынъ Царевъ, иже Грековъ сильно озлобляетъ, и есть паки тамо инъ Деиѳебъ, иже не меньше силою Деиѳеба, славный Парисъ, на брани пребывая, такожде и иніи благородніи, якоже Полидамъ, Князь зѣло превосходный, и иніи, якоже Царь Ѳилименъ, и Царь Седемонъ, и Царь

Ремъ, и прочїи храбрїи Троянстїи на смерть вашу сильно дышутъ; вѣмъ бо, яко самъ добрѣ вѣси, случай военный всегда бываетъ зѣло сомнимъ, и на единомъ утвержденїи никогда же стоитъ. Помысли, господине, како оный самый сильнѣйшїй Гекторъ, бывый прежде толико славенъ воинъ, иже всѣхъ храбрыхъ и сильныхъ своимъ мужествомъ превзыде, на сей же брани бѣднѣ животъ свой испроверже. Сице легко могу и азъ такожде погибнути, иже силы таковы въ себѣ не имамъ, якоже онъ. Взыскати же мя или молити, да противу Троянъ оружїе свое паки воздвигну, трудъ естъ погубленъ, ниже бо умышленїя моего, ниже ума къ сицевому дѣлу когда приложу, не хощу бо храбрости моея славу угасити паче, неже персону; искусство бо аще и хвалится когда, скоро же абїе забвенїе то погружаетъ. Довольно убо

Князь Дїомидъ и Князь Несторъ словесы своими Ахиллеса увѣщати покусишася, но никако же его возмогоша къ своему хотѣнїю привести: совѣтова бо имъ паче мира искати съ Трояны, и во своя царствїя возвратитися, и тако отпусти ихъ и отъидоша. Они же пришедше ко Царю Агамемнону, вся ему возвѣстиша; Царь же Агамемнонъ егда услыша сїя, всѣхъ Царей и Князей Греческихъ къ шатру своему призвати повелѣ, и Ахиллесово непослушанїе и сопротивство имъ изъяви како онъ молимъ бывъ отъ него, и не послуша на брань прїити отнюдъ отвержеся, и никако же восхотѣ, совѣтова же намъ миръ искати съ Трояны, и во свояси возвратитися; и убо что ся вамъ мнитъ о семъ, возвѣстите ми, да слышу? Менелай же Царь перьвый нача глаголати: мира; рече, искати съ Трояны, отнюдъ мню быти беззаконно дѣло, яко по толицѣхъ

подвизѣхъ и трудѣхъ браннаго нашего ополченія толикимъ Царемъ и Княземъ уклонитися, и такову немужеству зѣло укорно есть, вси бо вознепщуютъ насъ страхомъ малодушія пораженныхъ быти и ужаса исполненныхъ съ толикими воинствы нашими. Но убо аще и Ахиллесъ помогати намъ отречеся, то поистиннѣ яко же мню и безъ помощи Ахиллесовы о побѣдѣ Троянъ извѣстны есьмы и надежны. Но Царь Теламонъ и Діомидъ сице рѣша, не быти сему совѣту дивну, яко Царь Менелай брани желаетъ, о пріобрѣтеніи бо жены своея духомъ весь горитъ: такожде и прочіи Царіе и Князи въ разныя хотѣнія раздѣляхуся, ови убо брань хотятъ, друзіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, несогласни пребывающе въ реченіи ихъ совѣта. Калкасъ же Троянскій изрядца и жрецъ, яко неистовенъ, скочивъ между Царей и Князей,

сицевая возглагола: о мужїе благороднїи! что помышляете творити, противу власти и повелѣнїя боговъ, непокаряющеся величеству ихъ; бози бо вамъ неложно обѣщаша дати побѣду на Троянъ, вы же сами неблагородною рукою отвращаете изволенїе ихъ, и не хощете прїяти: и сего ради блюдитеся, да не въ негодованїе на себе величество ихъ привлечете. Тѣмъ же и глаголю благородїю вашему, отпрясите отъ себе малодушїе се, и въ мужество свое паки облецытеся, и противу враговъ своихъ брань крѣпцѣ возобновите, ничто же сомнящеся, ниже ужасающеся крѣпкихъ ополченїй ихъ, всяко бо не возмогутъ стояти противу власти и повелѣнїя боговъ, и до конца изнемогутъ. Вы же безъ сомнѣнїя аще крѣпцѣ потрудитися восхощете, то воистинну желаемую побѣду надъ

враги своими радостно пріимете. По словесемъ же Калкаса жреца вси Греки охрабришася, паки смѣльство много и жестоко сердце на Троянъ вземше, и единодушно быти во бранѣхъ изволиша, не имуще Ахиллесовы помощи.

О ПЕРВОИНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ

Минувшу же сроку данному въ перемиріе, оба войска на брань исходятъ, и тяжка брань спускается промежъ ихъ, и отъ обоихъ странъ множество воинъ падаетъ. Тогда Троилъ, сынъ Царевъ; во множествѣ зѣло бранныхъ воиновъ на ополченіе пріиде, и на Грековъ мужески нападаетъ и безъ милости убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низвергаетъ, зане смерть Деиѳеба; брата своего, тщится отмстити. Написа бо Дарій, яко въ той день Троилъ болѣе ты-

сящи воиновъ уби; такожде и прочїи Трояне силою его Грековъ сильнѣ побораютъ. Греки же поражснїй ихъ понести не могуще, въ бѣгство обратишася, ихъ же Трояне даже и до шатровъ ихъ усты меча гонятъ, нощь же убо найде и отъ брани престаша.

О ВТОРОИНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Въ послѣдующїй же день Трояне и Греки препоясуются на брань, и оба войска сшедшеся брань смертную спустиша, и отъ обѣихъ странъ множество воинъ падаетъ, и земля трупїемъ мертвыхъ покрывается, и поля кровїю червленѣютъ; въ день же той небо мрачными облаки покрыся, и многи дожди излїя, единаче же брани смертнѣй палящей, послѣди же Трояне брань оставляютъ непогодїя ради смутнаго време-

не, во градъ свой входятъ и прі-
емлются.

О ТРЕТЕЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во другій же день между Грековъ и Троянъ смертное воинство преновляется, и брани смущеннѣй, Троилу на ополченіе пришедшу, множество Грековъ убиваетъ, и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ, многихъ бо въ той день уби комитовъ и бояръ и вельможъ, и прочихъ Грековъ безчисленно, и даже до нощныя тьмы воевахуся; нощи же пришедшей, отъ брани престаша, и во градъ входятъ и пріемлются.

О ЧЕТВЕРТОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во утріи же паки Трояне и Греки оружія своя пріемлютъ, и на брань исходятъ, и брань смертнѣ

спустивше крѣпцѣ ратовашася, даже и до нощныя тьмы; нощи же нашедшей и брань разлучися.

О ПЯТОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Во утріи же Трояне и Греки паки на брань исходятъ, и брань смертну постановляютъ. Менелай и Парисъ соединяются на ополченіе, и другъ друга копіи своими ударяютъ, и оба съ коней низпадаютъ. Полидамъ же нападе на Діомида, и копіемъ своимъ поразивъ его, съ коня сверже. Кипѣла же брань въ то время острѣйшая; Троилу бо крѣпцѣ належащу и убивающу Грековъ безъ милости, Греки устремленія его понести не могуще на бѣгство обратишася. Трояне же гоняще ихъ до ихъ шатровъ, убиваху; нощь же найде и брань преста. По тридесяти же днехъ Трояне и Гре-

ки непрестанную брань твориша, въ нихъ же отъ обѣихъ странъ многое множество убїенныхъ воиновъ падоша, паче же отъ Грекъ, и толико въ тые дни умножися мертвыхъ, яко не возможно бѣ имъ смрада терпѣти и поля паки ратнаго поставити множества ради трупїя мертвыхъ. И сего ради Царь Агамемнонъ ко Царю Прїяму пословъ своихъ послалъ, на три мѣсяцы сроку перемирїя прося. Царь же Прїямъ даде ему, и перемирїе утверждено. Тогда Царь Агамемнонъ повелѣ избрати благородныя своя, и честно погребсти ихъ; такожде и Царь Прїямъ сотворити повелѣ: прочихъ же тѣлеса огнемъ сожгоша, и мѣсто поля онаго паки изчистиша. Въ то же паки перемирїя время, Агамемнонъ Царь самъ прїиде ко Ахиллесу, и молилъ его, да на брань прїидетъ, Ахиллесъ же отречеся паки, отнюдъ не хотяще прїит-

ти на брань; но убо аще и отречеся, но Агамемнона Царя зѣло любляше, чесшно всѣхъ Мирмядонянъ ему на брани исходиши поручи. Царь же Агамемнонъ ему о семъ много благодарсшвовалъ.

О ШЕСТОЙНАДЕСЯТЪ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ И О ДИВНОЙ СИЛѢ ТРОИЛОВѢ.

По прошедшихъ убо оныхъ днехъ данныхъ въ перемирїе Трояне препоясуюшся на брань, и враша градскїе ошворивше изыдоша на ополченїе. Перьвое исходишъ Троилъ, по шомъ Парисъ, по шомъ Полидамъ, по шомъ Енея, по шомъ Царь Филименъ съ полки своими; шакожде и ошъ сшраны Греческїя исходишъ перьвѣе Менелай Царь, по шомъ Царь Теламонъ, по шомъ Дїомидъ, по шомъ самъ Царь Агамемнонъ съ полки своими, и перьвѣе Царь Менелай на Троила нападе, и копїе свое о него прело-

ми но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Троилъ же Менелая Царя толь мощно копїемъ своимъ порази, яко мертва его съ коня сверже, его же свои вземше на щитъ положиша, и въ шатры своя отнесоша. Дїомидъ же видѣвъ Менелая Царя смертнѣ уязвлена, на Троила нападе, копїемъ своимъ хотя его съ коня низринути; Троилъ же тѣмъ же копїемъ, имъ же Менелая порази, на Дїомида наступи, и съ коня сверже, и вельми тяжцѣ уязви его, его же яко бездушна въ шатры отнесоша. Теламонъ же видѣвъ Дїомида на землю повержена, яростнѣ на Троила наступи. Троилъ же Теламона толь мощнѣ порази, яко и щитъ изъ рукъ его исторже, и смертнѣ его уязви, и коня у него отнявъ своимъ воинамъ даде. Брань же въ то время была острѣйшая, и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, но Князь Аѳинскїй мужески ихъ

защищаетъ, на него же пришедъ Троилъ нападе, и съ коня сверже его. Греки же въ то время Брунона, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Прїяма, убиша, и о смерти его Трояне весьма смутишася, о немъ же дойде слухъ къ Троилу. Онъ же отъ многїя туги нападаетъ тяжцѣ на Грековъ, убивая ихъ немилостивно. Агамемнонъ же Царь видѣвъ Троила толь лютѣ ратующа Грековъ, хотяше, яко Царь и воевода, защитити ихъ; Троилъ же прїемъ его копїемъ своимъ, съ коня сверже его, и коня у него отнявъ, своимъ воинамъ отдаде, на Грековъ же сильнѣ нападаетъ, и весьма побѣждаетъ ихъ. Написа бо Дарїй, яко въ той день Троилъ болѣе тысящи воиновъ уби, смерть Брунона брата своего отмщевая. Такожде и прочїи Трояне Грековъ множество посѣкоша.

Видѣвъ же Царь Агамемнонъ толикое Греческое паденїе, убоя-

ся и скончавъ брань у Царя Пріяма паки на тридесять дней сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему.

О СЕДЬМОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Тѣмъ же днемъ прешедшимъ Трояне и Греки къ смертной седьмойнадесятой брани препоясуются. Бысть въ нихъ жестоко ополченіе, еже чрезъ семь дней непрестанно продолжися. Во осьмый же день паки вельми жестока и остра брань спустися между Греки и Трояны, падаютъ убо воины отъ обою страну, яко древа дубравная клоняхуся конемъ подъ копыта, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ, и въ бѣгъ неволею порѣваютъ, и Греки уже толико изнемогаютъ, яко и хребетъ дати готовяшся. Тогда Мирмядоняне числомъ три тысящи на брань пріидоша, и на Троянъ усты меча нападаютъ, и

сѣчу велїю и убїйство умножаху. Трояне же противу ихъ не ослабнѣ сѣчаху. Мирмядоняне же въ то время Ермаганона, единаго отъ родныхъ сыновъ Царевыхъ, убиша; тѣмъ бо паче Трояне разсвирѣпѣша, о смерти бо Ермагановѣ весьма смутишася, и снемшеся со Греки толь люто, аки львы изъ сердецъ своихъ рыкающе сѣчахуся; о немъ же слухъ яко дойде, Троилъ весьма разлїяся во многїя слезы; и нападе вельми тяжцѣ на Греки, немилостивно безъ числа погубляетъ ихъ, и пришедъ къ Мирмядонянамъ, убившимъ брата его, жестоцѣ нападаетъ на нихъ: убивая и тяжцѣ вредя ихъ, но не тако легко Мирмядонянъ, яко же и прочихъ Грековъ побѣждалъ, зане они сами многою храбростїю цвѣтяху, и на бранѣхъ весьма искусны бяху. Но обаче Троилъ множество изби отъ нихъ, и язвленныхъ умножи, отъ нихъ

же нѣкто, именемъ Еверъ, сынъ Тарсїя Царя, сродичь Ахиллесовъ, копїемъ нѣкимъ крѣпцѣ уязвенъ бѣ, и изломокъ копїя онаго въ тѣлѣ своемъ носяще, прибѣже къ шатру Ахиллесову, и спаде съ коня своего предъ лицемъ его, и много поноси Ахиллесу сицевыми словесы: почто, рече, ты тако твориши отечеству своему, и почто предательствуеши люди своя, и оставляеши ихъ отъ враговъ своихъ срамнѣ умрети? стоиши бо зря бѣду ихъ, и не помогаеши имъ, и не человѣколюбствуеши надъ ними, но яко же истинный быти вмѣняешися предатель, и отечества своего явный показуешися отступникъ. И сїя рекъ болѣзненными очьми предъ Ахиллесомъ умре. Въ то же время брань кипяше вельми жестока, Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, безъ числа сѣкуще; Греки же терпѣти не могуще толика-

го ихъ устремленія, на бѣгство обратишася, и въ шатры своя спѣшатъ. Трояне же бѣжащихъ ихъ наипаче усты меча погубляютъ; но нѣкій рабъ Ахиллесовъ уязвленъ побѣже отъ брани, къ шатру Ахиллесову ускори. Вопрошенъ же бывъ отъ Ахиллеса о брани Греческой, что рече, творится въ войскѣ Греческомъ? Ему же рабъ сице отвѣща: о коль злѣ, господине, Грекомъ нашимъ сотворися въ сей день множества ради Троянъ изшедшихъ изъ града, и Грековъ толь лютѣ и сильнѣ утѣсниша, яко же отъ лица ихъ нынѣ бѣгаютъ, и въ шатрѣхъ своихъ скрываются, лютѣ погибающе. Мнитъ ми ся, яко нынѣ ни единъ мужъ бранный остася въ Трои, но вси на брань пріидоша, и Грековъ толь сильнѣ стѣснили смертнымъ убійствомъ. Толикія ради погибели нынѣ, господине, есть ли убо что въ мысли вашей про-

тиву враговъ своихъ изыти на брань, и вѣчныя хвалы славу себѣ пріобрѣсти симъ? можеши бо поистиннѣ, зане единымъ входомъ вашея силы на брань, вси Трояне побѣждены будутъ, которые ихъ утвержденіемъ противу вашея крѣпости сея всячески рукъ своихъ простерти не смѣютъ, паче же рещи не могутъ, зане крѣпцѣ утверждени суть, добрѣ вѣмъ. Ахиллесъ же ниже къ рѣчамъ раба своего прилѣпляетъ мыслъ, ниже къ Еверу мертвому очей своихъ человѣколюбнѣ хощетъ возвести, но вся яже и видитъ и слышитъ, аки невидима и аки неслышима сокрываетъ. Есть бо обычай любовнымъ желающимъ своихъ любовницъ, да любовными узами связани суще хвалъ честныхъ отбѣгаютъ, мняще выну своимъ любовницамъ угодити. Тако бо и оный Ахиллесъ страстію ослѣпленъ бывъ страждаше, ничемъ же разнствуя отъ исту-

канныхъ, весь убо умъ свой помраченъ страстїю имѣя, и печалїю долгаго неполученїя крѣпцѣ погруженъ, и мыслями суетными отвсюду окруженъ; сицевая бо лютая страждутъ похотливїи человѣцы, впадшїи въ страсть сїю, яко отъ всѣхъ человѣкъ бываютъ невидимы, и посмѣятельны; и весьма безчестно и подъ укоризною множицею и смертныя пагубы подъемлютъ; во ощущенїе же злыхъ своихъ прїити не могутъ, но ко всѣмъ симъ глуси и нечувственни пребываютъ; въ сицевая бо злая достиже Ахиллесъ, и ни въ чесомъ же потребенъ явися, аще и храбръ бѣ. Въ то же время Грековъ въ шатрѣхъ ихъ убивающе, яко же речено бысть, идѣже Тронлъ дивно на нихъ наступи, и отъ Греческихъ благородныхъ сто мужей изыма, ихъ же плѣненныхъ во градъ Трою отосла. И се абїе нощь найде, и отъ брани пре-

сташа. Сїе бѣ седьмаянадесять брань весьма смертоносна, зане паче иныхъ на сей брани убїйство бысть. Въ нощь ону Греки убїйство оно помышляюще, и толико уязвленныхъ стенанїе слышаще, лютѣ болѣзноваху, и сердцы своими содрогаху, вельми плачущеся толикїя своея пагубы. Ахиллесъ же видѣ толикое паденїе своихъ Мирмядонянъ, такожде и язвенныхъ безчисленное множество, изнемогая духомъ, и помышляя паки самъ изыти на брань, убїйство своихъ хотяше мстити; но Поликсенина любовь весьма противися ему, помышляя паки и се, аще ко оружїю своему скочитъ, то уже конечно хотѣнїя Поликсенина лишится, и желанїя своего отнюдъ отпадетъ. И тако всю нощь ону разноличнѣ помышляя безъ сна пребысть.

О ОСЬМОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

Егда же послѣди Троянское и Греческое войско паки къ смертной осьмойнадесять брани препоясуются, исходитъ перьвое Парисъ, по немъ Полидамъ, по немъ Троилъ, по немъ Енея, по немъ Царь Мемнонъ, по немъ Царь Филименъ, по немъ Царь Ремъ съ полки своими. Такожде и отъ страны Греческія исходитъ перьвое Царь Теламонъ, по немъ Царь Менелай, по немъ Менестей Аѳинскій Князь, по немъ Царь Агамемнонъ, по немъ Діомидъ Князь съ полки своими, и промежъ ихъ брань дивна спустися, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Парисъ бо на Царя Менелая нападе, и копіемъ своимъ поразы его и съ коня сверже; Полидамъ же паки на Теламона Царя нападе и съ коня сверже; Троилъ же всѣхъ противу текущихъ ему Грековъ или убиваетъ, или смертнѣ уязвляетъ,

или съ коней низлагаетъ, и храбростію силъ своихъ Греческіе полки крѣпцѣ воюетъ. Также и прочіи Трояне послѣдуя ему Троянская множества жестокимъ устремленіемъ на Греки нападаютъ, и лютѣ сѣчаху ихъ: Грецы же стѣснившеся сердцы своими; и ставше противу ихъ вельми злу и преужасну сѣчу поставиша; и отъ обѣихъ странъ веліе количество падаетъ умерщвленныхъ, тщахубося другъ друга вспять обратити, и толь долго неослабно сѣчахуся, донелѣже Греки пораженій Троянскихъ терпѣти не могуще въ бѣгство понудишася, ихъ же Трояне усты меча свирѣпаго смертнѣ поядающе, и даже до шатровъ ихъ гоняще пріидоша. Вопль же велій воста о смерти убиваемыхъ Грековъ, зане Трояне Грековъ уже въ шатрѣхъ ихъ немилостиво закалающе умерщвляли, иніи же язвени бѣжаще къ шатру Ахиллесову пріидоша; онъ же въ ша-

трѣ своемъ стоя вопроси бѣжащихъ; что есть толь смятена вина вопля? бѣжащіи же отъ брани рекоша ему: яко Грецы, господине, побѣждени быша отъ Троянъ, и быти имъ въ шатрѣхъ ихъ отъ страха смертнаго, но и тако убиваются отъ Троянъ, ничтоже пользующеся скрытіемъ онымъ: ты же господине стояти ли еще мниши въ шатрѣ своемъ во утвержденіи, но не будетъ тако, зане скоро узриши здѣ болѣе пятидесяти тысячъ Троянъ, иже тя не вооруженна жити не оставятъ. Къ симъ же Ахиллесъ ужасеся, и востренета духъ его, и отложивъ любовь Поликсенину оружія проситъ отъ слугъ; раби же ему оружіе предаютъ, и отъ нихъ вооружается и со скоростію на конь восходитъ, и яко волкъ гладный во агницахъ вдается на Троянъ, и нападаетъ на нихъ со многою яростію убивая ихъ и уязвляя и низлагая, яко въ

малъ часъ между ратныхъ мечь его абїе познавается. Трояне же абїе познавше ополченїе Ахиллесово вспять итти понудишася, ихъ же Ахиллесъ крѣпцѣ ратуя убиваетъ. Егда же Троилъ видѣ Ахиллеса тако сѣкуща Троянъ, жестока его и неправедна позна быти, и сего ради противу его конь свой понуди на теченїе, хотя крѣпцѣ сразитися съ нимъ, Ахиллесъ же видѣвъ Троила противу себе грядуща, жестоцѣ устремися нань съ копїемъ своимъ. Троилъ же Ахиллеса толь жестоцѣ копїемъ своимъ порази, яко и съ коня сверже его. И тяжцѣ уязви, и тако Ахиллесъ неволею преста отъ брани, и имѣлъ нужду чрезъ многїе дни отъ тоя раны лежати на своей постелѣ. Брань же настоитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ паки въ бѣгъ обратиша даже до шатровъ ихъ устьы меча гонятъ люто сѣкуще, и се абїе нощь наступила и отъ брани

престаша. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему утверждено.

Царь же Пріямъ егда услыша, яко Ахиллесъ противу обѣщанія своего на брань изыти дерзнулъ, зѣло оскорбѣ, и Царицѣ Еккубѣ многія поносительныя словеса изрече. Отъ язвы же оныя Ахиллесъ лютое и ненавистное разженіе на Троила зачатъ, яко крѣпцѣ уязви его, и лежаше страждущи; рече бо во умѣ своемъ; надежда есть, да отъ моихъ рукъ Троилъ срамно умретъ.

О ДЕВЯТОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

По прошедшихъ же двухъ мѣсяцѣхъ срочныхъ, данныхъ въ перемиріе, паки Трояне препоясуются на брань, Греки же оружія своя такожде пріемлютъ, и исходятъ

на ополченіе. Ахиллесъ же прежде пришествія своего на брань предъ себе Мирмядоняны своя призва, и на Троила тяжку жалобу имъ сказуетъ, и заповѣдуетъ имъ и повелѣваетъ, да ни къ чему иному тако сердецъ своихъ не приложатъ, но токмо Троила сына Царева прилѣжнѣ да улучатъ, и отвсюду его да обыдутъ, и посреди себе его удержатъ, и удержавъ да не убіютъ, донелѣже самъ пріидетъ къ нимъ, иже и всегда недалече бѣ отъ нихъ. И сіе изрекъ имъ пойде на брань. Тогда Мирмядоняне числомъ двѣ тысящи, смѣли вкупѣ и союзни, повелѣніе господина своего исполняюще, на Троянъ усты меча нападаютъ: тогда Троилъ въ велицѣ множествѣ и весьма въ жестокомъ смѣльствѣ на брань приходитъ, и на Грековъ сильнѣ находитъ, убивая ихъ и смертнѣ уязвляя. Тогда Мирмядоняне отвсюду его обыдоша и посреди себе его поставиша: но Тро-

илъ многихъ уби отъ нихъ, многихъ же и язвленныхъ умножи, но ни единъ ему отъ своихъ подоспѣлъ. Мирмядоняне же коня его убиваютъ, и копіями своими много кратъ его уязвляютъ, шеломъ со главы его силою сторгаютъ, доспѣхъ раздираютъ: тѣмъ же Троилъ стояше съ открытою главою, и коренными силами отъ нихъ себе мужески защищаетъ. Егда же пріиде Ахиллесъ, и видѣ Троила главу имуща безоружну, и стояща пѣша, нападе нань яростенъ, и главу его лютѣ отсѣче, тѣло же его руками своими взятъ, къ хвосту коня своего крѣпцѣ привяза, и чрезъ войско все за конемъ безсрамнѣ лютѣ влечаше.

Но Омиръ стихотворецъ въ книгахъ своихъ Ахиллеса весьма многими похвалами и проповѣдьми описалъ. Кое же искусное разсужденіе приведе тя, Омире, еже сплетати похвалу толику злу и безчеловѣчну

мучителю и вѣнчати цвѣты похвальными, звѣриную ону главу, а не человѣческу, еще и срамъ есть вельми мудру мужу тако безъ разсужденія творити, якоже прилучися? Реклъ бо еси, Омире, въ написаніи своемъ, яко Ахиллесъ храбростію силъ своихъ двухъ Гекторовъ уби, еже есть самого онаго Гектора, такожде и сильнѣйшаго Троила брата его, его же ты храбрости силъ его вторымъ Гекторомъ имянуеши. Поистиннѣ о семъ не едино есть къ тебѣ порицанія слово, но сего ради крѣпцѣ порицаемъ еси, яко неправедно хвалиши Ахиллеса, мужа укоризны и отвращенія достойнаго, безчеловѣчія его ради и лютости. Но аще убо братія они храбрый поистиннѣ Гекторъ, и чудный во ополченіяхъ Троилъ, сынове Царевы, и Ахиллесовымъ оружіемъ падоша, но не храбростію силъ его сіе содѣяся, точію лукавымъ и измѣнымъ умышленіемъ своимъ Ахиллесъ

уби ихъ. И слыша да возвѣщу ти како сотворися се. Гекторъ бо на брани пребывая, изыма Царя нѣкоего, и того ради щитъ свой себѣ за хребетъ поверже, да лутчаго онаго Царя отъ полковъ извлещи возможетъ, о семъ бо онъ мысль свою токмо вперенну имѣлъ, а о иномъ ни о чемъ помышляше. И се лукавнѣ усмотри Ахиллесъ, яко Гектору предъ трудьми щитныя помощи не имѣти, того ради внезапу нападе нань, и уби его. И аще бы Гекторъ лаятельство его уразумѣлъ, то бы щитъ свой предъ себе обратилъ, и самъ бы такожде обратился въ лице ему, еже онъ и множицею тяжкими браней незгодіями отягчати Ахиллеса обычай имѣлъ. Такожде и Троила сильнѣйшаго брата его и чуднаго воина, егоже не онъ своею силою уби, но отъ двою тысящь воинъ одолѣна убити не устыдеся: на немъ же ни коего защищенія ран-

наго обрѣте; и сего ради не живаго человѣка, но яко мертва убилъ. Потомъ же разумѣй паки, какову и колику лютость и безчеловѣчїе на немъ показа, яко толь сильна и толь храбра славнаго Царя сына, мужа толикою храбростїю и смѣльствомъ цвѣтуща, ни поимана, ни побѣждена отъ него, къ хвосту коня своего привязавъ по полкомъ оставя срамъ влечаше. И аще бы его царское благородїе украшало, и аще бы храбрость его вела бы; то никогда бы онъ на сицевая лютая уклонился, ни онъ на сїе подвигнутися не могъ бы, зане по истиннѣ не бѣша та въ немъ. И того ради похвалъ ли честныхъ достоинъ еси, пагубниче и мучитель мерзкїй? никако же, но токмо велїя хулы и укоризны и отвращенїя. И сице убо Ахиллесу тѣло Троилово безстудно влачащу, сказася о семъ Парису и Енею и Полидаму. О смерти же Троиловѣ обмира-

етъ Парисъ, такожде Енея и Полидамъ зѣло оскорбишася, и съ великимъ тщанїемъ ищуще Ахиллеса, никакоже обрѣсти его возмогоша, зане брань въ то время зѣльнѣ распаляшеся. Ахиллесу же безстудно тѣло оно влекущу, се найде нань Царь Мемнонъ съ великою яростїю, и первѣе поносными словесы рече ему сице: о лукавый изрядца! откуду тебѣ произыти возможе толикїя лютости омерзѣнїе, да толь благородна, толь храбра, славнаго Царя сына, мужа толикою славою и храбростїю цвѣтуща, къ хвосту коня своего привязалъ еси, и влещи по землѣ никако же ужаснулся? поистиннѣ бо то никакоже безъ вреда твоея персоны въ томъ можеши избыти: и по словесѣхъ устремився нань съ копїемъ своимъ, съ коня сверже его, и скоро храбрый Царь Мемнонъ извлече мечь свой, и толь мощнѣ удари его во главу, яко паде

на землю едва живъ, его же Мирмядоняне вземше отъ ногъ конскихъ, яко бездушна отнесоша въ шатры своя. И тако Трояне тѣло Троилово пріобрѣтоша, но не безъ велика труда брани. Въ то же время брань бѣ острѣйшая, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ сѣкуще, и въ бѣгство обратишася; и абіе нощь наступи и брань разлучися. Седьми же дней Трояне и Греки непрестанну брань твориша; во осьмый же день егда Ахиллесъ отъ ранъ своихъ укрѣпися, и на отмщеніе Царю Мемнону дыша, Мирмядонянамъ своимъ крѣпцѣ заповѣдуетъ, да Царя Мемнона отвсюду обыдутъ, яко же и Троила, и посреди себе его задержатъ, да отмщеніе свое на немъ пріиметъ. Брань же настоитъ острѣйшая между Грековъ и Троянъ, и отъ обою страну множество воинъ падаетъ. Въ то

же время Мирмядоняне Царя Мемнона отвсюду обшедше посреди себе его поставиша, и коня его подъ нимъ убиша: Ахиллесъ же тму абіе ускори, и нападе нань яростенъ, и уби его; но безъ тяжкія своея бѣды Ахиллесъ не возмогъ сего сотворити, зане самъ Мемнонъ многими ранами его озлоби, и кровь его течаше по пятамъ. Сего ради онъ смерти себѣ уповаше паче, неже о животѣ мысляше. Внимай, о бѣдный Омире, никогда бо Ахиллеса мужа храбра, токмо измѣнно уби. Брань же въ день той зѣло крѣпка бысть даже и до нощныя тьмы. Нощь же найде и брань пресста. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму; пословъ своихъ посла, и паки на два мѣсяца перемирія прошаше, яко же и дано бысть ему перемиріе оно.

О ДВАДЕСЯТОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ, И О СМЕРТИ АХИЛЛЕСОВѢ И ПАРИСОВѢ И ЕАКСОВѢ.

Тѣлу же Троилову въ домъ Царя Пріяма принесену бывшу, плачь бываетъ велій въ гражданѣхъ, болѣзнуетъ Царь Пріямъ не мало, болѣзнуетъ Царица Еккуба, болѣзнуетъ Кассандра, болѣзнуетъ Поликсена, болѣзнуетъ Елена, болѣзнуетъ Парисъ, болѣзнуютъ вси Трояне болѣзнїю неизреченною. Послѣди же Царь Пріямъ тѣло Троилово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи, такожде и тѣло храбраго Царя Мемнона во гробѣ зѣло дражайшемъ же положи; Царицажъ Еккуба о смерти сыновъ своихъ зѣло скорбїю ожесточися, наипаче же о смерти Троиловѣ, иже толико по смерти пострада, безчестное влаченїе. Призвазъ къ себѣ тайно Париса, сына своего, и со многими слезами сице рече ему: дражайшій сыне мой!

ты вѣси, како злочестивый онъ Ахиллесъ братїю твою любимѣйшихъ сыновъ моихъ, Гектора и Троила, измѣнно убилъ, лишивъ мя бѣдную родительницу дражайшихъ чадъ моихъ, ихъ же жизнь была мнѣ едино токмо утѣшенїе. Нынѣ же егда воспомяну неправедное заколенїе ихъ, еже пострадаша отъ лютаго онаго и безчеловѣчнаго мучителя, изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалїю великою. Множицею же сей неблагодарный Ахиллесъ просилъ у мене Поликсены, дщери моея, еже бы отдати ему въ законную жену, юже азъ въ надеждѣ извѣстнѣй отдати ему хотѣла, яко же и ты добрѣ вѣси. Онъ же неблагодарный вся сїя отвергль, и клятвы своя поправъ, къ толицѣ лютости обратися, и въ ней пребывая стоитъ. И того ради праведно быти мню, да якоже онъ измѣннѣ убиваетъ сыновъ чужихъ, тако и самъ онъ

возрадовася: тако бо похотѣнія страсть ослѣпи его; не предразумѣваетъ бо, что хощетъ ему случитися за злобу его, юже сотвори лютостію своею, но токмо страстію упився влекомъ бываетъ, якоже волъ на заколеніе, со Артилогомъ, Несторовымъ сыномъ, въ Трою иде, и во храмъ вниде. Тогда абіе Парисъ отъ закрытія своего явѣ изшедъ, и три стрѣлы храбро испусти на Ахиллеса, и порази его во чрево. Ахиллесъ же извлече мечь свой, и платомъ обви руку свою, не вооруженъ бо бѣ, и нападшихъ нань седмь воиновъ уби, послѣди же Ахиллесъ и Артилогъ во храмѣ Аполлоновѣ умроста, отъ Париса лукавнѣ убіены. Парисъ же тѣло Ахиллесово и тѣло Артилогово повелѣваетъ враномъ и псомъ дати; но моленіемъ и предстательствомъ Елениным извержены токмо на улицу. Радуются убо Трояне о смерти толикаго ихъ врага; и сте-

цаются во многомъ веселiи зрѣти его. Егда же услышаша Царiе Гречестiи погубленiе Ахиллесово и Аршилогово, ужасошася вельми, и въ недоумѣнiи быша. Царь же Агамемнонъ абiе ко Царю Прiяму пословъ своихъ посла моляше его, да повелитъ тѣлеса ихъ отдати ему. Царь же Прiямъ повелѣ отдати ихъ: по повелѣнiю же Царя Прiяма вземше Грекове тѣлеса ихъ, отнесоша въ станы своя. Егда же принесоша, тогда плачь вельми великъ и рыданiе зѣльно въ полцѣхъ Греческихъ умножися. Глаголаша бо: яко аще Ахиллесъ отъ житiя сего оскудѣ, то отселѣ вся наша надежда уже тщетна будетъ о взятiи града, Ахиллесу не сущу съ нами. Послѣди же Царь Агамемнонъ, и прочiи Царiе во гробѣхъ зѣло дражайшихъ тѣлеса ихъ положивше, паки молятъ Царя Прiяма, да во градѣ Трои тѣлеса ихъ вмѣстити повелитъ. Царь

измѣннѣ да убїется, и казнь подобную потерпитъ. Умышляю бо къ нему посланника своего послати, да прїидетъ ко мнѣ во храмъ Аполлоновъ о брацѣ ономъ глаголати. Хощу же да ты, сыне, съ вѣрными нашими воины тамо тайно сокрыешися и ждеши его; и ему тако приходящу, вамъ же нань нападшимъ, избыти не можетъ смерти, но да убїется ту. Парисъ же къ словесемъ матернимъ подвижеся, такожде плачася матерню изволенїю благоговѣннѣ покаряется. Бысть же тогда Парисъ по совѣту матерню съ двадесятїю воины зѣло смѣлыми во храмѣ Аполлоновѣ тайно скрытъ, и скоро отъ Царицы Еккубы послану бывшу посланнику ко Ахиллесу, да прїидетъ во храмъ Аполлоновъ глаголати съ Царицею. Неблагодарный же Ахиллесъ безумною любовїю обузданъ, егда услыша отъ посланника глаголы сїя, неизреченною радостїю

же Пріямъ по прошенію ихъ подлѣ сыновъ своихъ Деиѳеба и Троила тѣлесы оны положити повелѣ. И тако повелѣніемъ его Греки тѣло Ахиллесово и тѣло Аріпилотово во градѣ Трои погребше отыдоша. По смерти же Ахиллесовѣ воста несогласіе велико въ войскѣ Греческомъ. Тогда царь Агамемнонъ видя несогласіе оно, всѣхъ Царей и Князей призвати повелѣ, и рече имъ: друзи, Царіе, и Князи и начальницы! мнози нынѣ отъ воинства нашего смерти ради Ахиллесовы изнемогше, въ малодушіе уклонишася брани не хотяще творити со враги нашими и отчаявшеся совершенно побѣду воспріяти: и что намъ отнынѣ творити подобаетъ, во брани ли пребывати, или миръ земше съ Трояны, во свояси возвратитися ко отечествомъ нашимъ? Возвѣстите намъ о семъ да слышу. Они же сія слышавше въ разная хотѣнія

раздѣляются, ови убо отъ нихъ брань хотятъ, друзіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, и тако не согласни пребываху. Царь же Аяксъ посреди рече: аще бо и Ахиллесъ отъ житія сего оскудѣ, но не оскудѣетъ намъ истинна и обѣты Боговъ; нынѣ же да пошлется убо по сына Ахиллесова, иже у Царя Ликомеда во оружіяхъ воинскихъ написуется, и той пришедъ ополчится съ нами о побѣдѣ Троянъ. Тогда вси Царіе и Князи слышавше сія похвалиша совѣтъ его, и паки въ помышленіяхъ своихъ соединишася, и абіе отпустиша Царя Менелая, да приведетъ въ войско ихъ Пирра сына Ахиллесова. Онъ же пріимъ отъ Царей отпущеніе отъиде въ путь свой: и сему сице бывшу, се день брани приближися имъ, Тогда Трояне и Греки двадесятую смертную брань поставляютъ; исходитъ перьвое Діомидъ, по томъ Царь Теламонъ, по томъ Ме-

нестей, Аѳинскій Князь, по томъ Царь Агамемнонъ, по томъ и прочіи Цари съ полки своими, и пріидоша до мѣста Троянъ. Парисъ же изъ града изыде подъ чернымъ знаменемъ во множествѣ слезъ подъ щитомъ его изливаемыхъ въ невѣденіи своихъ, по томъ Полидамъ, по томъ Енея, по томъ Царь Ѳилименъ, по томъ Царь Екстръ, по томъ и прочіи военачальницы съ полки своими, но коликимъ страхомъ уже Троянскій сражается языкъ, видя себе на брань входящихъ безъ воеводства сильнѣйшаго Гектора, и храбраго Деиѳеба и Троила зѣло смѣлаго! но зане нужда есть, да Трояне животъ ихъ защитятъ, въ пагубу бранную животъ свой полагаютъ, и сшедшеся со Греки велику сѣчу абіе составиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Тогда отъ страны Греческія Аяксъ Царь нѣкоимъ жаломъ буйства пострекаемъ главою нагою безоруженъ, не имѣя

шлема, ниже доспѣха, ниже копія, ниже щита, но мечь единъ въ десницѣ своей имѣя, и скочи между Троянъ съ великимъ и жестокимъ устремленіемъ, и смяте крѣпко полки Троянскія, и многихъ Троянъ уби. Таже скочивъ межъ полковъ Парисовыхъ и безчисленно уби отъ нихъ, да яко вси отъ него разбѣгошася. И сего ради Парисъ терпѣти не могій бываемыхъ отъ Аякса на брани, напрягъ крѣпкій свой лукъ, и на Аякса стрѣлу свою испусти и жестоцѣ его порази межъ плечь его и ребръ, да яко о семъ добрѣ уразумѣ Аяксъ, яко неложно ему отъ тоя раны умрети, Париса прилѣжнѣ ищетъ, хотя мстити ему, и пріединися ему рече: Парисъ, Парисъ! ты мя пораженіемъ стрѣлы своея лютѣ погубилъ еси, и прежде даже умру азъ, во адъ ты мнѣ да будеши предпутникъ, треба бо есть, да отъ неправедны любве Еленины,

за нея же толико благородныхъ умертвившася, скоро да отлучишися: и по словесѣхъ своихъ порази его въ лице мечемъ своимъ толь люте, яко обѣ челюсти его отъ мозгу отдѣли, и абїе храбрый Парисъ умре, и падъ на землю скончa послѣднїе дни своя. Аяксъ же недалече отшедъ, такожде мертвъ паде на землю. Трояне же видяще Париса мертва, ослабѣша отъ недоумѣнїя руцѣ ихъ: того ради брань скончеваютъ, и поле оставляютъ, и въ бѣдѣ лицъ своихъ во градъ входятъ, вонь же тѣло Парисово мертво принесше, предъ лицемъ Царя Прїама полагаютъ, еже яко узрѣ Царь Прїамъ болѣзнїю многою мучися, такожде и Царица Еккуба и сестры его неизреченною тугою скорби сокрушахуся. Плачутъ же съ неизреченнымъ плачемъ и вси Трояне, понеже всякъ путь отчаянїя неищуютъ себѣ явѣ быти откровенъ, зане вси

сынове Царевы толикою храбростію свѣтлыя, отъ нихъ же защищеніе граду висяше, на бранѣхъ убіени оскудѣша. Что же сотворися о Еленѣ, яко множицею умираше отъ великія туги надъ тѣломъ Парисовымъ? двадесять бо кратъ отъ тѣла его въ ту нощь сильно отвлекоша ю; хотяше бо отнюдъ умрети съ нимъ, нежели по немъ жити. Царь же Пріамъ и Царица забывъ уже своя болѣзни, Елену отъ болѣзней ея утѣшаху; и къ тому уже Царь Пріамъ и Царица Елену паче дщери любимую у себе имяху. Послѣди же Царь Пріамъ тѣло Парисово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи, честно погребе, и ко Царю Агамемнону Царь Пріамъ пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему.

О ПРИШЕСТВІИ ВО ТРОЮ АМАЗОНСКІЯ ЦАРИЦЫ ПАНТАЗАЛЕИ.

Двѣма же мѣсяцемъ цѣло прошедшимъ, Царь Пріямъ не восхотѣ къ тому вратъ градскихъ отворити, ниже воинству своему повелѣ на брань исходити, но пребываше въ заключеніи. Царь же Агамемнонъ въ то время Царя Пріяма многажды послы своими взыска, да на брань языку своему изыти повелитъ. Царь же Пріямъ отречеся, бояся языку своему раззоренія. Во странахъ же восточныхъ страна нѣкая бѣ, яже Амазонская нарицашеся, въ нейже едины жены безъ мужей живяху, ихъ же юныхъ женъ попеченіе сильнѣйше бѣ во оружіяхъ бранныхъ потѣши, и брань творити, откуду бы себѣ храбрости хвалу и ополченія славу изыскати могли. Противу же сего нѣкій бяше островъ зѣло красенъ, въ немъ же едини токмо мужіе безъ женъ живяху. Обычай же тѣхъ женъ

по три мѣсяцы въ году, Апрѣль, Май, Іюнь, приходиши во онъ островъ, и съ мужи того острова пребываши: и сего ради непраздни отъ нихъ бываху и непраздни къ себѣ возвращахуся. Рожденію же бывшу, аще приключашеся мужескъ полъ, то по трехъ лѣтѣхъ во островъ онъ къ мужемъ своимъ отсылаху. Аще ли женскъ полъ, то убо у себе въ странѣ задерживаху. Сея же страны въ то время бѣ нѣкая Царица дѣва благородна, именемъ Пантазалея, зѣло избранна во ополчимыхъ сраженіяхъ, исмѣльствомъ крѣпости вельми процвѣтая, яже Гектора зѣло другомъ себѣ имяше ради зѣльныя его храбрости; по услыша, яко Греки противу Царя Пріяма съ воинствы своими пріидоша, тогда и оная со тысящію отроковицами зѣло бранными любве ради Гекторовы пріиде воевати за Троянъ и вниде во градъ; не вѣдяше бо Гектора уже умерша, о

его же смерти егда бысть ей сказано, зѣло возжалѣ, и по многiи дни о немъ непрестанно упражняшеся въ рыданiи и слезахъ.

О ДВАДЕСЯТЬ ПЕРЬВОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Послѣди же Царица Пантазалея отъ плача онаго отдохнувъ во благодушiе облечеся, и молитъ Царя Прiяма, да въ послѣдующiй день, уготовивъ своихъ всѣхъ на ополченiе, отпуститъ, зане она и сама со своими дѣвицами противу Грековъ на брань пойти мыслитъ, да Греки зря возмогутъ искуситися, что могутъ на бранѣхъ десницы отроковическiя творити. По повелѣнiю же Царя Прiяма, Царь Филименъ съ Пафлагоняны, и Енея и Полидамъ съ своими полки, и Пантазалея съ своими отроковицами враты Дарданiйскими исходятъ на брань. Греки же во оружiяхъ противу ихъ текутъ, и перьвѣе Царь Менелай

на Пантазалею нападе, и копїе свое о нея преломи, но изъ сѣдла не возможе ея изъяти. Пантазалея же Менелая Царя толь мощнѣ копїемъ своимъ порази, и съ коня сверже его, и коня у него отъемлетъ, и своимъ дѣвицамъ вдаспъ. Дїомидъ же видѣвъ Менелая Царя съ коня свержена, и смертнѣ уязвленна, яростенъ на Пантазалею нападе, и копїемъ своимъ порази ея. Пантазалея же усидѣ на крѣпкомъ своемъ конѣ; Дїомидъ же къ пораженїю ея весь потрясеся, и съ коня своего спаде, такожде и конь его на землю паде. Пантазалея же силою щитъ исторже у него изъ рукъ, и своимъ дѣвицамъ отдаде. Царь же Теламонъ не могїй терпѣти бываемыхъ отъ Пантазалеи Царицы на брани, жестоцѣ на нея нападе. Пантазалея же оставивши его направляется въ частыя полки Греческїя, и многихъ Грековъ убиваетъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ,

яко въ малъ часъ Греки познавше ополченіе Царицыно, отъ лица ея вси бѣжатъ; безъ милости бо Пантазалея сѣчаше ихъ. Такожде и отроковицы ея зѣло храбро побѣждаху Грековъ. Грецы же падающе предъ ними, множество отъ меча ихъ умираху лютѣ, такожде и Полидамъ, и Енея, и Царь Филименъ, и прочія Трояне силою Царицы Пантазалеи Грековъ дивнѣ побѣждаютъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, вси конечно на бѣгство обратишася, и отъ лица Троянъ бѣжаще въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Пантазалея Царица и прочіи Трояне въ шатрѣхъ ихъ убивающе немилостивно погубляютъ, и множество имѣнія ихъ Трояне грабленіемъ похищаютъ. И абіе нощь наступи и отъ брани престаша. Трояне же богатства Греческая землише во градъ свой съ веселіемъ отнесоша, а Царица Пантазалея съ великою славою по-

бѣды вниде во градъ, ей же Царь Прїямъ самъ изыде во срѣтенїе, честь хвалы исплетая благородїю ея, и дары зѣло многоцѣнныя принося ей, съ радостїю и веселїемъ, зане тою вѣруя Царь Прїямъ отъ своихъ болѣзней упокоится.

О ДВАДЕСЯТЬ ВТОРОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ, И О ПРИШЕСТВІИ ПИРРОВѢ, СЫНА АХИЛЛЕСОВА, ВЪ ВОЙСКО ГРЕЧЕСКОЕ.

Во утрїй же день паки Агамемнонъ Царь ко Царю Прїяму пословъ своихъ посла на тридесять дней сроку перемирїя прошаше у него. Царь же Прїямъ по прошенїю его даде ему перемирїе утвержено Въ тоже перемирїя время Пирръ, сынъ Ахиллесовъ въ войско Греческое прїиде, о егоже пришествїи Греки зѣло возрадоваша-ся, и молиша его, да во отмщенїе убїйства славнаго отца своего воста-ти потщится крѣпцѣ. Царь же Ага-

мемнонъ шатры и прочїя вещи отца его абїе повелѣ вдати ему, и Мирмядоняне его радующеся себѣ въ господина прїемлютъ, и толико радующся Грецы пришествїю его, яко отъ оныя своея великїя радости въ честь ему два отъ великихъ Князей Греческихъ своима рукама приложиша ему остроги позлащенны. Егда же день брани приближися, Пирръ во отеческомъ оружїи на брань приходитъ, по томъ Царь Менелай, по томъ Царь Теламонъ, по томъ Дїомидъ, по томъ Менестей Аѳинскїй Князь съ полки своими на брань приходятъ. Отъ града же Трои исходитъ перьвое Царь Филименъ, по томъ Полидамъ, по томъ Енея со своими полки. Пантазалея со своими отроковицами приходитъ въ знаменахъ бѣлыхъ, подобныхъ снѣгу, и на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ и уязвляя и съ коней низлагая, и Греческїе полки крѣпцѣ воюя. Пирръ

же на Царя Филимена нападе, и его копїемъ своимъ порази, и съ коня сверже его, поимати его хотя. Пафлагоняне себе смерти вдаютъ за избавленїе господина своего; но Мирмядоняне не оставляютъ, и абїе къ мѣсту оному Полидамъ Князь съ полкомъ своимъ приспѣ, и на Мирмядонянъ крѣпцѣ нападе, убивая ихъ. Пирръ же видѣвъ Полидама толь сильнѣ на Мирмядонянъ нападша, Филимена Царя остави и на Полидама нападе, и коня его низложи. Царь же Филименъ въ то время на конь свой взыде; и се абїе къ мѣсту оному Царица Пантазалея прїиде, и на Мирмядонянъ сильнѣ нападе, и возмяше крѣпцѣ полкъ ихъ, и многихъ уби отъ нихъ, еже видѣвъ Пирръ Полидама остави, и на Мирмядонянъ своихъ мощнѣ возопи глаголя: срамъ есть вамъ, о храбрїи Мирмядоняне; яко толь срамно убиваеми умираете, падающе отъ рукъ женскихъ. При-

лежите убо со мною, да ихъ усты меча свирѣпаго смерти предадимъ. Пантазалея же Пиррово прещеніе слышавъ, небреже о немъ, но посѣкая Мирмадонянъ его, близъ самого Пирра пріиде, яко мощно бѣ ему добрѣ уже словеса ея разумѣти. Пантазалея же ему о смерти Гекторовой отъ его лица измѣннѣ сотворенной, словесы досадными поноситъ: къ словесемъ же ея Пирръ зѣло разгнѣвався, пріемъ копіена Пантазалею наступи яростенъ, и порази ея крѣпцѣ, но изъ сѣдла не возможе ея изъяти. Пантазалея же Пирра толь мощнѣ копіемъ своимъ порази, яко съ коня сверже его. Пирръ же помощію своихъ абіе на конь свой взыде, и на Пантазалею нападаетъ: Пантазалея же противу его такожде устремительнѣ нападе, и толь мощнѣ копіями своими сразишася, яко оба съ коней своихъ низпадаютъ. Пантазалея же перьвѣе на конь свой взыде, и Пирра на зем-

лѣ оставя, на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ. Подобно и прочіи Трояне сильнѣ сѣчахуся съ ними толь долго, донелѣже въ бѣгство обратиша ихъ, и абіе нощь наступи, и отъ брани престаша. Чрезъ весь мѣсяцъ Трояне и Греки непрестанну брань сотвориша, множество же веліе отъ обѣихъ странъ падоша въ то время воиновъ, паче же отъ Грекъ, зане Царица Пантазалея въ тѣ дни множество ихъ избила, и сама отъ своихъ дѣвицъ множество же потеряла. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ, на три мѣсяцы сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему со утвержденіемъ.

О ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТЕЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Скончавшуся же сроку данному въ перемиріе, оба войска на брань сходашся и тяжка брань спускаетъ-

ся въ нихъ, Пиррь на брань приходитъ; Пантазалея противу его. Пиррь на Пантазалею нападе, и копїе свое преломи о нея, но не вреди ея ничимъ; Пантазалея же толь жестоцѣ копїемъ своимъ Пирра порази, его же аще и не сверже съ коня, но изломокъ копїя своего въ немъ остави вонзенъ. Вопль убо велїй возста о язвѣ Пирровѣ въ войскѣ Греческомъ, и на Пантазалею Греки мнози возстаютъ весьма, и нападше на ню, ременїе шлема Пантазалеина расторгоша. Пиррь же на Пантазалею паки нападе изломокъ копїя въ тѣлѣ своемъ нося и не разсмотряя, что ему отъ того случится. Пантазалея же видѣвъ Пирра, противу себе грядуща, прежде мняше его пронзити копїемъ своимъ, но Пиррь во ударенїи своемъ скорѣе ея предвари, и порази ея мечемъ голымъ, и руку ея отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и тако храбрая оная Царица

умре падъ на землю, и Пирръ во отмщеніе своея раны все тѣло ея на части изсѣче, и самъ многаго ради изліянія крови отъ раны его текущія паде на землю, яко мертвъ. Отроковицы же о ея смерти зѣло смутишася, на Грековъ усты меча нападаютъ, и безчисленно погубляютъ ихъ, защитника ихъ не имущихъ, такожде и прочіи Трояне болѣе десяти тысящъ Грековъ въ то время изгубиша, но уже что пользова Троянъ толико Греческое паденіе, понеже Греки зѣло множествомъ ихъ превосходятъ, тѣмъ же Царь Менелай, и Царь Теламонъ, и Діомидъ Князь, и Менесѳей Аѳинскій Князь, такожде и самъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воиновъ соединившеся, Троянъ съ поля згоняютъ, и того ради останцы отроковицъ и останцы Троянъ во градъ Трою вбѣгше съ великимъ трудомъ и со тщетою паденій своихъ, врата градская

крѣпкими утвердиша запоры, и къ тому уже на битву не исхождаху, зане отселѣ не было уже воли ни силы толики, еже исходити на брань.

О СОВѢЩАНІИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ТРОЯНСКИХЪ ПРЕДАТЕЛЕЙ, СОВѢЩАВШИХЪ ИЗМѢНУ СО ЦАРИ ГРЕЧЕСКИМИ.

Трояне же пребывающе въ заключеніи ни въ чемъ иномъ упражняхуся, но токмо непрестанному прилежаху воздыханію и плачу. Антеноръ и Енея сшедшеся вкупѣ совѣтоваху, како могутъ соблюсти животъ свой, и никоего же инаго совѣта спасенію своему обрѣтаху легкаго и скораго, токмо градъ предати Грекамъ на расхищеніе, и сіе совѣтованіе зѣло тайно сплетше, клятвами страшными себе утвердили, быти отнюдъ совѣту ихъ не произносиу никому же. И сія сотворше, времени подобна къ совершенію умы-

шленнаго имии зла искали, и пришедше вкупѣ ко Царю Пріяму начаша ему глаголати лукавнѣ, дабы миръ сотворилъ со Греки: шу же бѣ и Анѳимакъ, юный сынъ со Царемъ Пріямомъ отцемъ своимъ сѣдяще, и перьвѣе Антенора рече ко Царю: о благородный великій Царю! се уже явѣ зримъ, яко лютая сія обстоянія постигоша градъ сей, и живущихъ въ немъ всѣхъ насъ, и ни откуду же къ тому надежды избавленія себѣ чающе, врази наши уже по правдѣ крѣпчае насъ явишася; облегоша бо всѣхъ насъ во градѣ семъ, яко же во крѣпцѣй нѣкоей сѣти емше удержаша; ниже нынѣ уже кая въ насъ мощь есть, еюже бы могли ополчитися противу враговъ нашихъ толикія крѣпости, ниже предводителей и военачальниковъ, ниже воинства имуще, зане вси сынове твои, толикою храбростію свѣтлыя, отъ нихъ же поистиннѣ защищение града зависѣло, на бра-

нѣхъ убiени оскудѣша, и часть сильная людей твоихъ оружiемъ непрiятельскимъ скончася; и сего ради, великiй Царю, да благоволитъ благородiе твое пощадѣти оставшiя люди твоя, и сотворити миръ со враги нашими, и отдати Елену Царю Менелаю, мужу ея, такожде и трабленная богатства, яже во островѣ Ситарiйскомъ взятая, подобаетъ ему Царю цѣло возвратити. Парисъ бо сынъ вашъ Царскiй, удержавый оную въ жену, нынѣ уже заключи день послѣднiй, и отселѣ уже Елена кiя ради потребы живетъ въ Трои, Парису мертву сущу. Тѣмъ же, великiй Царю, благоволи послушати совѣта нашего, и сотворити тако, и себе и насъ всѣхъ отъ толикiя настоящiя явныя нашея всеконечныя погибели избавити. И въ сихъ Антеноръ слово свое скончa.

Анѳимакъ же, сынъ Царевъ, егда услыша отъ Антенора глаголы

сїя, абїе уразумѣ лесть предательства, и тако рече Антенору: воспомяни, о Антеноре! отечество града твоего, въ немъ же родился еси, такожде и милость толику благороднаго отца моего, юже творяше лицу твоему во вся дни твоя; коликою бо честїю отъ благородїя его возвышенъ и вознесенъ еси, и коликою славою преимѣеши прочихъ братїю твою, и коликимъ богатствомъ во градѣхъ же и въ селѣхъ обогащенъ еси, и должно ти есть присно благодѣянїя царская поминати, и печальное сердце его благоразумїемъ словесъ здраваго совѣта твоего ко благодушїю приводити и во всѣхъ полученїяхъ, радостныхъ же и печальныхъ, единодушно къ нему прилѣжати, яко же обычай есть благоразумнымъ Княземъ и вѣрнымъ слугамъ царскимъ творити, а не печаль къ печали прилагати, и скорбь ему умножати, яко же зрю тя сице творяща днесь. Сло-

вомъ бо твоимъ показуется дѣло вещи, яко ищеши себѣ отъ печали покоя царскою бѣдою, и не помышляеши, коль люто есть Царю по толицѣхъ своихъ незгодїяхъ и пагубахъ мира искати со Греки въ поношенїи толикаго своего уклоненїя. Ты же еще къ тому не усрамился еси безстудїя лица твоего съ толикою зѣльностїю открыти, и благородїе Царя нашего вельми ужасити, и въ недоумѣнїе привести неблагороднымъ своимъ словомъ, яко по истиннѣ совѣта твоего слово отъ невѣрныя ревности изыде, яко же непщую, но мерскїя измѣны отъ заблужденія. Сицевая же и иная поносная словеса изнесе на Антенора Анөимакъ и умолче, но Енея сладкими словесъ реченїи и честолѣпными Анөимака, сына Царева, покусися обуздати, обаче не возможе. Уразумѣ бо онъ добрѣ лесть предательства ихъ; того ради и слышати не восхотѣ. Царь же Прїамъ нача со

гнѣвомъ обличати ихъ, сице бо рече Антенору: господине Антеноре! возвѣсти ми, что когда сотворихъ безъ вашего совѣта, или кое дѣло мое сокрыхъ, еже не явити вашему вѣденію, но вся начинанія моя предъ вами полагахъ? почто же тогда ничто сицево рекосте ко мнѣ? азъ бо поистиннѣ въ молчаніи хотѣлъ обиду сію пренести нанесенную мя отъ Грекъ, но лукаваго в шего послушавъ совѣта, къ сему ополченію уклонихся. Нощію бо и днемъ поощряюще мя на се, да брань воздвигну со Греки, и въ толико мя приведосте, яко ниже сыновъ моихъ благородныхъ премудростію сіяющихъ, ниже иныхъ мудрыхъ мужей полезная совѣщающихъ ми любезнѣ послушахъ, но вся сія отвергши къ вашему совѣту уклонихся. Ты же, господине Антеноре, егда посылахъ тя азъ ко Греческимъ Царемъ, моля ихъ о отданіи сестры моея, и тамо ничтоже благо сотворилъ еси,

токмо болѣзни моя усугубилъ еси. Такожде и ты, господине Енея, егда съ Парисомъ во Греки поѣхалъ еси, и тамо перьвый начальникъ совѣта его былъ еси, да Парисъ восхититъ Елену и въ Трою приведетъ. Аще ли же бы не ты совѣтовалъ ему тако сотворити, то никогда бы Елена видѣла стѣнъ Троянскихъ; во всѣхъ бо начинанїяхъ нашихъ вездѣ предстателми и приводцами быти показастеся. Нынѣ же по убїйствѣ дражайшихъ сыновъ моихъ, толикою храбростїю свѣтлыхъ, и по убїенїи гражданъ моихъ, на совѣтъ безстудно востаете, вину написующе мнѣ по толицѣхъ моихъ незгодїяхъ.

Тогда Енея противу Царя Прїяма многая надменная словеса изнесе, и тако отыдоша отъ Царя въ словесѣхъ зѣло гнѣвныхъ. Царь же Прїямъ по отшествїи ихъ весьма оскорбися, видѣвъ къ себѣ толику невѣрность ихъ, и помышля-

ше о предательствѣ ихъ, весьма ужасаяся и скорбя вельми о семъ, како моглъ бы животъ свой соблюсти отъ нихъ, и отшедъ въ тайную камору свою вельми плакаше. Потомъ же призва къ себѣ Анѳимака сына своего, и тако рече ему: дражайшїй сыне мой! ты вѣси, яко азъ тя родихъ, ты же отъ мене родился, нынѣ же обща бѣда обоихъ постиже насъ, и аще пребудемъ не радяще о себѣ, то абїе погибнемъ. Ты бо вѣси извѣстно, яко тїи два Антеноръ и Енея мышлятъ предати насъ въ руки Греческїя; обаче елико есть намъ мощно, да хитрствуемъ полезная, да не напрасно погибнемъ; умышляю бо ихъ на совѣтъ къ себѣ призвати единыхъ: хощу же паки, да ты сыне мой съ вѣрными нашими воины тайно сокрыешися, и егда они прїидутъ, ты да нападеши на нихъ со онѣми воины, и да побїеши ихъ, и умрутъ, и тако избавимся лукавства ихъ.

Анθимакъ же обѣщася сотворити тако, но не вѣмъ како Антенору и Енею совѣтъ Царевъ вѣдомъ сотворися. Они же противу сего тако сотворити умыслиша: егда ключится имъ позваннымъ быти отъ Царя, то да не пойдутъ просто, но во множествѣ оружныхъ; бѣ бо Енея весьма богатъ, во градѣхъ же и весѣхъ, въ златѣ же и сребрѣ, и во прочихъ имѣнїяхъ, и многолюденъ вельми и честенъ, яко во градѣ Трои ни единъ бѣ отъ человѣкъ толико славенъ, яко же онъ, такожде и Антеноръ во мнозѣ сродствѣ цвѣтяше, и богатствомъ великимъ обогащенъ, и многими людьми отвсюду огражденъ.

Царь же Прїямъ хотя къ совершенїю привести совѣщанїе свое, по Антенора и Енею послалъ, да къ нему прїидутъ; они же прїидоша къ нему во множествѣ оружникъ.

Царь же Пріямъ видѣвъ ихъ въ толикомъ множествѣ воинъ пришедшихъ, усумнѣся, и изыде къ нимъ изъ палаты своея. Тогда Енея рече ко Царю Пріяму: о великій Царю, хощеши ли ты, или не хощеши, но убо всѣ Трояне мира хотятъ со Греки, и на то обще соизволяютъ. Трояне же абіе по словесемъ Енеинымъ вси кликнуша вкупѣ, якоже отъ нихъ научени быша: хощемъ, о благородный Царю, и вельми желаемъ искати Греческаго мира; что же ты повелѣваеши намъ? Видѣвъ же Царь Пріямъ, яко не сбыстъся начинаніе его, и въ дѣло совѣтъ его не произыде, но въ сопротивное обратися, горько воздохнувъ, рече Енею и Антенору: яко же согласистеся творити противная, творите, яко же хощете; не имате бо возбраняющаго вамъ, и мнѣ отъ вашего творимаго совѣта что ни учините, любезно есть.

Тогда абіе Антенорь избирается въ послы, егоже Трояне пріемше свѣсиша по стѣнѣ. Антенорь же пріиде ко Царю Агамемнону и предъ лицемъ его ста, сказуя, себе посла Троянскаго быти. Царь же Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на совѣтованіе къ себѣ призвати повелѣ, и яко же пріидоша къ нему вси, тогда Царь Агамемнонъ вину посольства Антенора предъ Царьми вопрошаетъ. Антенорь же рече имъ: благороднїи и пресвѣтлїи Царіе и Князи, и начальницы всего Греческаго ополченія! аще благоволитъ благородіе ваше показати милость совершенну ко мнѣ рабу вашему, и ко всѣмъ сродникомъ моимъ, такожде и къ Енею, и ко всѣмъ сродникомъ его и къ людемъ нашимъ, и аще повелите сохранити домы наша и именія наша, и села наша вся въ цѣлости соблюдете, и аще о семъ вѣрно и истинно намъ подадите

слово, и руку милости благородія вашего неослабну простреше рабомъ вашимъ о всѣхъ сихъ, о нихъ же глаголю: що мы раби ваши безъ сомнѣнія сотворимъ, да градъ сей Трою великую, и вся, яже въ немъ, владычеству вашему извѣстно предадимъ; послушати бо насъ имать Царь Пріямъ во всемъ, мы же сотворимъ по воли вашей, якоже повелитъ благородіе ваше.

Сія слышавъ Царь Агамемнонъ и прочіи Царіе весьма возвеселишася о словесѣхъ его, и клятву вѣрну подаша ему во всемъ, еже ничимъ же вредити ихъ, наипаче же соблюдати ихъ и благодѣтельствовати во всемъ. Антеноръ же такожде имъ присягу вѣрно даде. Тогда Греки отрядиша лукавнѣ послы своя ко Царю Пріяму, Уликса и Діомида, и съ Антеноромъ вкупѣ отпустиша въ Трою: они же егда пріидоша ко Царю Пріяму, тогда Царь повелѣ прія-

ши ихъ лицемъ чести, и съ ними о всемъ Антенору и Енею дѣло посольскаго докончанія творити. Повелѣ же абіе и посломъ онымъ палаты чудныя дати, идѣже дѣло посольства онаго совершати имутъ. Въ ту же нощь Антеноръ и Енея со Уликсомъ и Діомидомъ, лукавыми послы Греческими, умыслиша Палладу изъ города Трои тайно изнести въ войско Греческое: рѣша бо, яко аще не изнесемъ изъ Трои Паллады, ничто же успѣти можемъ. Уликсъ же прилѣжно увѣдати хотя о Палладѣ, что есть; тогда явніи оти предатели отечества Антеноръ и Енея повѣдаша ему о ней явственнѣ, яко въ прежнія лѣта, господіе, еще Царь Иліусъ, иже перьвѣе былъ онъ основатель Трои, той и сію чудную хитрую вещь сотвори; состроеніе же ея бѣ отъ древа нетлѣюща хитростнымъ нѣкоимъ видомъ съ великими вѣкіими вол-

шебными силами состроено. Дѣйство же имать толикія силы, да егда оная Паллада въ стѣнахъ града донелѣже будетъ; то убо Трояне никакоже повредитися всеконечно могутъ: нынѣ же оная Паллада за стражбою жреца Тоанта, и того ради прежде всѣхъ потщатися намъ подобаетъ о пріобрѣтеніи ея, и аще возможемъ взяти ю, и изнести изъ града, то абіе Троя конечнымъ раззореніемъ низложится и погибнетъ. Тѣмъ же въ нощь сію да идемъ немедленио къ жрецу Тоанту, и его всячески умолимъ, да предастъ намъ Палладу, и въ той часъ воставше поидоша во храмъ Палладинъ къ жрецу оному, и сказаша ему вину пришествія ихъ, моляще его да предастъ имъ Палладу. Онъ же весьма отрицался, и отнюдъ не хотѣлъ склониться на ихъ прошеніе. Царь же Уликсъ обѣща ему дати веліе количество злата, и прилѣжно належаще

нанъ, такожде и Енея и Антенорь, крѣпко принуждающе его склонитися къ волѣ ихъ; онъ же пребысть сопротивляяся имъ даже и до полунощи; послѣди же ослѣпися похотїю злата, и веземъ е предаде имъ Палладу. Уликсъ же веземъ ю, тояже нощи отсла въ станъ свой, и тако сотворше въ веселїи быша; сицево бо злодѣйство граду своему сотвориша Антенорь и Енея, и жрецъ Тоантъ, явнїи своего отечества предатели, его же Грекове никогда бы сотворити могли.

Видѣвше же Царїе пришедшїи на помощь Трои, яко Царь Прїямъ толь худъ миръ со Греки нача, отыдоша отъ Трои Прїяма оставя. Тѣмъ же Царь Филименъ, иже прежде съ двѣмя тысящами воинъ прїиде ко Трои; съ двѣмя же сты и пятьюдесятъ отыде во своя, такожде и отроковицы Пантазалеины, ихъ же со Царицею своею тысяща прїидоша ко

Трои, но четыре ста ихъ съ тѣломъ ея возвратишася, такожде и инїи Царїе вси во своя царствїя возвратишася. Предреченнїи же они предатели Антеноръ и Енея прїидоша ко Царю Прїяму, сказующе ему сице: согласихомся, о Царю великїй, миръ учинить со Греки, еже дати имъ сто тысящей гривенъ злата за потраты ихъ, и сто тысящей мѣръ пшеницы, на семъ бо миръ содѣяся, и что ты о семъ повелѣваеши быти, великїй Царю? Тогда Царь Прїямъ повелѣ на семъ словеси миръ онъ присягою клятвы неподвижимо утвердити, и злато и пшеницу Грекомъ дати. И тако по повелѣнїю Цареву послы Греческїе ко Царю Прїяму присягою клятвъ страшныхъ лукавнѣ закляшася; во умѣ же сице помышляюще глаголаху: нѣсть се зло, ниже укорно врага своего клятвою прельстити, аще случится; хитростнѣ бо кленыйся,

хитрость паче, нежели клятву преступаетъ. И сицевая лукавая лестцы онїи сотворше, прїяша злато и пшеницу, и повелѣша на корабли своя возити. И сему сице бывшу, паки онїи прелестницы Греки со предатели Троянскими инъ образъ лукавства умыслиша; повелѣша бо сотворити конь зѣло великъ мѣдянъ тощъ. Величество же мѣднаго онаго коня бяше по размѣру вратъ градскихъ, дабы мощно ему внити во врата града, извратитися же бы во вратѣхъ ему было не возможно, умышленнаго ради ихъ сокровеннаго ими лукавства. Сотвориша же конь онъ зѣло хитрѣ, и входъ въ него сверьху быти устроиша тако лукаво, яко никако же мощно внѣшнима очима входа онаго дозрѣтися, и яко уже совершися конь онъ, молятъ вельми Греки Царя Прїяма, дабы изшелъ изъ града видѣти коня онаго. Онъ же послу-

шавъ ихъ изыде, и видѣвъ коня удивися величеству его и хитрости дѣла. По семъ паки молятъ его Царїе Гречестїи, да повелитъ во градъ вмѣстити коня онаго въ честь Паллады, дабы милостива была намъ во отшествїи нашемъ отъ Трои. Царь же Прїямъ ничто же о семъ рече имъ, непщуя во умѣ своемъ лукавство быти нѣкое устроено отъ нихъ къ ругачїю града. Тогда вышереченнїи градопредатели, Антеноръ и Енея, тако Царю рѣша: прїими, великїй Царю, отъ толикихъ Царей даръ благородїю своему къ лѣпотѣ града вѣчной, яко зѣло потребенъ есть къ похвалѣ величества твоего. Царь же Прїямъ послушавъ лукаваго совѣта ихъ, прїя его, и тако честно отпустиша его Царїе и Князи далече провождающе, и поклонившеся ему возвратишася; онъ же отыде во градъ. По отшествїи же Царя Прїяма Греки отвезоша коня

онаго, и всадиша въ него тысящу воинъ вооруженныхъ, съ ними же и Синона нѣкоего, яко начальника ихъ, во оружїи же посадиша, ему же и ключи онаго Греки даша, да заключится оттуду, и корабле-ными орудїи повлекоша ко граду коня онаго. Просиша же Синона прилѣжно, да егда ощутитъ Троянъ спящихъ, тогда подастъ имъ знаменїе пламенемъ огня вожженна. Греки же егда вовлекоша коня онаго во врата градскїя, и хотяху его извратити, дабы вовлещи его во градъ, но не возмогоша, и много трудившеся ничто же успѣша, и рекоша Трояномъ: се уже мы отходимъ во свояси, вы же послѣди по отшествїи нашемъ, яко же хощете о конѣ семъ, тако и сотворите, яже о немъ. И тако оставльше его во вратѣхъ отыдоша: и на корабли своя вси Греки возшедше поидоша отъ Трои. Трояномъ же зря-

щымъ, веселымъ, но послѣднее ихъ веселіе; се бо плачь неутѣшимый абіе постигнути ихъ хощетъ. Отшедшимъ же Грекомъ и Трояномъ въ домы своя вшедшимъ въ веселіи, абіе нощь наступи. Трояне же возлегоша въ домѣхъ своихъ, и въ радости безъ всякаго опасенія.

О РАСХИЩЕНІИ ТРОИ.

Уразумѣвъ же Синонъ Троянъ спати отшедшихъ, и безъ всякаго опасенія почивающихъ, отомкнувъ коня онаго, знакъ Грекомъ даде пламенемъ огня.

Греки же узрѣвше оный знакъ въ молчаніи ко брегомъ присташа, и въ молчаніи паки оружія своя емлютъ, и во градъ тихо вшедже запалиша градъ, и нападоша на гражданъ враждебными и лютыми душами, немилостивнѣ мечи своими погубляя ихъ. Вопль убо велій воста въ нощномъ молчаніи

отъ гласовъ убиваемыхъ, огнь же крѣпцѣ разгарашеся, поядая домы и разсыпая палаты. Тѣмъ же Троя великая дымится, и погибаютъ зданїя въ трескающихъ искрахъ, кромѣ домовыхъ предателей давшихъ знакъ отъ зажженїя, ихъ же домы блюдоми суть.

Царь же Прїамъ егда услыша гласъ страшнаго вопля, ужасенъ вскочи отъ ложа, разумѣя себе быти предана отъ Антенора и Енея, и одѣявся ризами, имиже можаше, тече во храмъ Аполлоновъ. Дымъ же великъ восхождаше, и пламень великъ разливаяся по воздуху, весь градъ освѣщаше. Убїйство же гражданомъ зѣльнѣ умножашеся, и прежде даже день не просвѣтися, множае двадесятинъ тысящъ Троянъ мечемъ погибоша. Егда же день наста, тогда Пирръ вшедъ во храмъ Аполлоновъ, идѣже Царь Прїамъ смерти своея ждаше, нападе на Царя, и мечемъ своимъ гла-

ву его люшѣ опсѣче. И тако славный оный и великїй Царь Прїямъ умре, и кровїю его большая часть храма обагрися; прочихъ же людей, вбѣгшихъ въ храмъ той, Греки всѣхъ мечами изсѣкоша. На палаты же Царя Прїяма нападше, царская сокровища его грабленїемъ похищаютъ. Пирръ же Андромену жену Гекторову, и Кассандру, дщерь Прїяма Царя,埋 земъ отведе ихъ въ станы своя: а Менелай Елену, жену свою, изъ палатъ Царскихъ извлече, о ней же дивнѣ бысть веселъ, и отведе ю во многой радости въ шатры своя. Егда вся Царскїя палаты грабленїемъ изпразднища; тогда повелѣша Царїе гражданскїя домы пограбляти, людей же не убивати. Царица же Еккуба со дщерїю своею Поликсеною бѣгающе сѣмо и овамо, ни мало вѣдяху, камо уклонитися. Бѣжащимъ же имъ срѣте ихъ Енея, ему же Царица Еккуба въ нестерпимой

своей ярости тако рече: о лукавый изрядца! откуду отъ тебе произыти возможе толикая лютость и немилосердїе, яко на Царя Прїяма, отъ него же толикїя чести воспрїялъ еси, за толикую его милость привелъ еси убїйцъ къ нему, и тако отвергся еси отечества своего и града, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, да паденїе его зря не ужасаешися сердцемъ; нынѣ же хотя къ сей бѣдной Поликсенѣ яви милосердїе, и твое лукавое око ея да пощадитъ, да поне въ сицевыхъ злыхъ содѣянныхъ тобою могло бы сотворитися, сїе малое добро вмѣсто всѣхъ злыхъ твоихъ, еже соблюсти ея, да не впадетъ въ руки Греческїя, да не убїютъ ея, или да не обезчестятъ, да потщишися о ней скоро промыслити. Къ словесемъ же Царицынымъ Енея весь подвижеся, такожде плачася Поликсену прїемлетъ, и ея не-

знаемо водитъ, и приведъ ея въ нѣкую вешхую стрѣльницу, и ту посади ея, и соблюдаше ю. И егда сицевая люшая убійства во Трои творимая престаша, тогда Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ призваши повелѣ, и егда пріидоша къ нему, тогда о двухъ нѣкіихъ вопроси ихъ: аще подобаетъ предателемъ Антенору и Енею соблюсти вѣру? и паки о плѣненныхъ Троянѣхъ, что подобаетъ о нихъ сотворити? Тогда вси Царіе и Князи рекоша, яко предателямъ града Антенору и Енею, ими же мы наслѣдницы быхомъ Трои, о всемъ достоитъ соблюсти вѣру, такожде и всѣхъ плѣнныхъ Троянъ достоитъ по волѣ ихъ на свободу совершенну пустити, и да ходятъ и приходятъ, яко же хотятъ. Паки же Царь Агамемнонъ грабленная богатства Троянская зѣло мудрѣ раздѣли комуждо по достоинству труда ихъ. Пиррь же хотя

смерть отца своего мстити, зѣло прилѣжно Поликсену взыскуеть, еяже ради убіенъ бысть храбрый Ахиллесъ, и Енею претительнѣ повелѣваетъ, да сыщетъ ея. Онъ же отрицашеся не вѣдѣти отнюдъ: тогда Пирръ Царю Агамемнону, и прочимъ Царемъ о Поликсенѣ на него воспомянулъ, да принудятъ его сыскати ея. Тогда вси Царіе рѣша Енею, да представитъ ю, аще ли же ни, и той да умретъ. Видѣвъ же Енея себе въ толицѣ бѣдѣ суща, представи предъ Цари Поликсену: они же отслаша ю абіе къ Пирру. Пирръ же абіе веде ю на гробъ отца своего, и тамо отсѣче главу ея, и кровію дѣвическою гробъ отца своего довольнѣ напои. Царица же Еккуба егда узрѣ убійство Поликсенино, абіе природнаго своего ума изступи, и нача метатися и наскакати на всякаго человѣка, и побивати каменіемъ ово того, ово иного, иныхъ же зубы своими кусаше обычаемъ звѣ-

ринымъ и многихъ Грековъ уязви. Греки же вземше каменіе убиша ю, и насыпаша на ню могилу каменну весьма велику, и даша имя мѣсту тому Еккубино наскаканіе, еже и до днесь именуется. Енея же повелѣша Царіе вѣчно отпослати, да не живетъ къ тому во Трои, занеже Поликсену крыяше повинну сущу смерти. Онъ же прилѣжно просилъ Царей, да дадутъ ему время собратися со имѣніи своими; и тако Царіе послушаша моленія его, и даша ему время пожити въ Трои, донелѣже соберетъ вся имѣнія своя: даша же ему и корабли оны на отхожденіе его, въ нихъ же Парисъ во Грецію ходилъ. По семъ Царь Теламонъ и Аяксъ Елену Царицу единаче осудили на смерть, ихъ же совѣту мнози отъ Царей и Князей приложишася, и едва ю Царь Агамемнонъ и Царь Менелай, наипаче же Царь Уликсъ сладкими словесы и мудрыми бсѣдами чуднаго разума своего отъ

горькія оныя пагубы возмогоша защитити и всѣхъ Царей и Князей на сіе изволеніе привести, яко да пощадятъ ю, и по многомъ словопрѣніи своемъ рекоша Царіе: како можетъ быти право разсужденіе наше, аще пощадимъ ю? аще бо мы сами судихомъ прежде единыя ради смерти Ахиллесовы толику благородную дѣвицу, такова славнаго Царя дщерь, прекрасную Поликсену Царевну и съ матерію ея смерти предати, ниже старости Царицыны, ниже благородія ея устыдѣхомся, ниже возраста юности дѣвическія помиловахомъ, но судъ смертный на нихъ изнесше обоихъ вкупѣ умертвихомъ, ниже паки Енею Князя толико намъ послуживша въ завладѣніи Трои пощадѣхомъ, но въ заточеніе вѣчно отсляхомъ; сего ради яко токмо крыяше ихъ, таково осужденіе на него изнесохомъ. Помыслимъ убо

опаснаго разсужденія совѣтомъ, колико благородныхъ Греческихъ Царей и Князей Елены ради умертвишася, и колико прочихъ воиновъ для пріобрѣтенія ея погибоша: чесо же ради она сама жива будетъ, и не умретъ такожде? Уликсъ же Царь вельми премудрыми словесы удержа Цари, и понуди ихъ сотворити надъ нею милость. И тако Царіе совѣтомъ Уликса Царя отъ гнѣва онаго умягчишася, и свободу совершенну ей дароваша. Царь же Агамемнонъ и Менелай Уликсу Царю о семъ многая благодаренія воздаша, обѣщевающеся къ тому всякимъ добродѣтельствомъ живошъ его соблюдати, Пирръ же Андромену, жену Гекторову, въ жену себѣ взялъ, а Кассандру, дщерь Пріяма Царя, вси Царіе и Князи Царю Агамемнону, начальнику своему и воеводѣ, во мзду труда его поручиша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ ТЕЛАМОНА И АЯКСА.

По взятіи убо града Трои, Грекомъ не могущимъ отыти отъ Трои ради зѣльныя бури и свирѣпства вѣтровъ, Теламонъ жалобу изложи на Уликса Царя предъ Цари и Князи, глаголя, яко въ раздаемыхъ трабленыхъ сокровищахъ Троянскихъ, зѣло бѣ равенъ чинъ хранимъ, въ даяніиже Палладинѣ не бѣ равенъ чинъ хранимъ, зане Паллада Уликсу бѣ препоручена, иже толикія мзды не бѣ достоинъ, онъ же того лишенъ, его же ради храбрости и немалыхъ трудовъ все войско Греческое во изобиліи пребываше, зане азъ рече храбростію силъ моихъ Царя Полимнестра убивъ, вся благая его въ войско Греческое привезохъ, въ егоже стражбу приставилъ Царь Пріямъ сына своего Полидора: тому Полидору отъ мене такожде убіену бывшу, богатство его все въ войско же Греческое привезохъ,

и оттолѣ войско наше во своихъ провїантахъ зѣло преизобильствовало: потомъ же вся окрестная царства крѣпцѣ повоевахъ, Гаргаръ, и Крепизїю, Ариссу и Раризду, и прочая вся около ихъ добрѣ обладахъ, вся же паки благая въ войско Греческое привезохъ отъ всѣхъ странъ тѣхъ, и оттолѣ уже все войско наше въ великомъ изобилїи пребываше, и вкратцѣ рещи, ни единъ инъ тако во всемъ войскѣ Греческомъ толь доблественнѣ сотвори, якоже азъ самъ со Ахиллесомъ многая побѣдительная совершихъ. А сей Уликсъ Царь поистиннѣ не имѣя всякїя храбрости воинскїя, единымъ токмо плодорѣчїемъ цвѣсти и преизбыточествовати видится, и аще онъ речетъ намъ, яко его промысломъ Трою прїобрѣтше одержахомъ, и то не отъ силы его и храбрости содѣяся, но отъ измѣнныхъ и лживыхъ словесъ его, и сего ради вѣчныя укоризны без-

славїемъ пострраждемъ во языцѣхъ и Троянехъ; ихъ же бы могли силою нашею побѣдити, тѣхъ побѣдихомъ неправеднымъ умышленїемъ и лестїю. И тако Теламонъ слово свое сконча. Уликсъ же къ словесемъ Теламоновымъ смѣло отвѣща: господине Теламоне! ты ли своею храбростїю Троянъ побѣдилъ еси, или промысломъ мудраго ума твоего Трою низложилъ еси? Никакоже, но аще не бы азъ единъ былъ въ войскѣ семъ въ велицѣ промыслѣ ума своего, то еще бы Троя во своей твердости стояла, и граждане бы ея еще были въ крѣпости своего числа. Поистиннѣ, господине Теламоне, не твоею такожде силою Грекомъ Паллада снискалася, но паче моимъ прилѣжанїемъ и мудростїю сїе сокровище Грекомъ обрѣтеся; ниже бо доселѣ тебѣ самому, ниже прочимъ Грекомъ, ниже самѣмъ Трояномъ вѣдома сея силы мощь,

какова бѣ. И того ради самъ азъ вельми тайнѣ и зѣло крѣпцѣ о семъ потрудихся, яко Палладу ону взяхъ, и въ войско Греческое приведохъ, и отъ сего мудраго и попечительнаго моего промысла всѣмъ намъ владычество града пріобрѣтеся. Егда же Уликсъ слово свое скончa; тогда Теламонъ и Аяксъ словесы досадными наскакаше крѣпцѣ на Уликса: Уликсъ же единаче противу его. Тѣмъ же между собою быша славніи врази, Теламону явѣ глаголющу: нужда естъ, да отъ моихъ рукъ Уликсъ срамнѣ умретъ. И егда угодися Царемъ Агамемнону и Менелаю поставити ихъ на судѣ и судити, кто отъ нихъ единъ Палладу да имать, Теламонъ, или Уликсъ; тогда мнози отъ Царей крѣпцѣ глаголаху о одержаніи Палладинѣ, Теламону быти достойнѣе Уликса; но Царь Агамемнонъ и Царь Менелай Пал-

ладу ону Уликсу отсудиша, Теламона же отщетиша. Болѣзнуетъ убо сердцемъ Теламонъ о неправедномъ ономъ судѣ, яко неразсмотрительнѣ о немъ сотвориша Агамемнонъ и Менелай, сего ради, яко Уликсъ Елену словесы премудрости своея отъ рукъ того Теламона и прочихъ Царей избави; они же на Теламона о семъ гнѣвающися, Уликсу же благодать воздающе, тако неправеднѣ сотвориша. Тѣмъ же Теламонъ крѣпцѣ на нихъ негодуя сердцемъ, къ тому паки себѣ глаголетъ имъ быти главнаго недруга. По семъ же дню оному скончавшуся и нощи прошедшей, и утру настоящу, обрѣтеся тоя нощи на постели своей убіенъ Теламонъ и Аяксъ, и тѣло на многихъ мѣстѣхъ изсѣченно. Вопль убо велїй по всему войску бываетъ о смерти Теламоновѣ. Греки лютѣ бо-

лѣзноваху, вину истиннаго безчеловѣчія на Агамемнона Царя и Менелая возлагающе, наипаче жена Уликса. Пирръ Уликсу многая изрече словеса прешительная, и того ради Уликсъ о смерти своей уповаше паче, неже о животѣ. Въ нѣкую же нощь зѣло темну Уликсъ тайно въ кораблѣхъ своихъ отыде отъ Трои, Діомиду другу своему Палладу оставя. По семъ же Пирръ лаятельство творяше Агамемнону и Менелаю о смерти Теламоновѣ и о бѣжаніи Уликсовѣ потязая ихъ, и они такожде Пирру лаятельство творяху, и сего ради быша между собою главныи врази. Пирръ же тѣло Теламоново огнемъ сожещи повелѣ, и пепелъ его въ сосудъ златъ собрати, и запечатавъ печатію своею, въ сущее его царствіе отслати повелѣ.

О СОКРУШЕНІИ КОРАБЛЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ.

Во оно же время бѣ во Греціи Царь нѣкій великъ и благороденъ, именемъ Наулъ, и богатъ весьма, имѣя воинство великое и храброе; царство же державы его во Греціи долготою великою и широтою во вся страны на мнозѣ протязашеся; многолюдно же вельми царство оно бяше и богато. Сей же Царь Наулъ, о немъ же нынѣ слово есть, имяше во время Троянскія брани сына два, отъ нихъ же перьворо-дный нарицашеся Паламидъ, мужъ многія храбрости и смѣлъства на брани, иже бысть нѣколико время на бранѣхъ Троянскихъ воеводою всего Греческаго ополченія: таможе онъ Паламидъ въ бранномъ ополченіи послѣди умре. Другій же сынъ Наула Царя именемъ Оетесъ,, во время Троянскія брани во царствіи со отцомъ сво-

имъ бѣ. По смерти же Паламидовѣ воини его пріидоша въ землю свою, и на Грековъ Царю своему зѣло лукавну лжу сплетше сказаша, и духъ его возмутиша, и къ ненависти Гречестѣй крѣпцѣ его поостриша образомъ сицевымъ: рѣша бо ему Паламида на бранѣ быти убіена, но сокровенно и тайно отъ Уликса Царя, и сообщника его Діомида, наученіемъ Агамемноновымъ и Менелаевымъ. Умыслиша бо предреченные слагатели двѣ лживыя грамоты написати, едина бяше Паламидова отъ лица его ко Царю Пріаму написана; въ грамотѣ же оной слово сицево бѣ, яко прислалъ еси, великій Царю Пріяме, по завѣщанію нашему оное количество злата, и азъ пріяхъ его отъ посланника твоего цѣло, и се готовъ есмь волю твою творити, яже о предательствѣ Греческаго войска: ты же паки да возвѣстиши ми пи-

санїемъ, въ кое время самъ готовъ будеши съ воинствы, яко да и азъ увѣдавъ сїе, великъ ти поспѣшникъ буду на враги твоя, и крѣпокъ ратникъ обрящуся на злобу ихъ Въ другой же лукавствомъ ихъ составленной грамотѣ, яже написана бяше отъ лица Царя Прїяма, сицево лукавство составлено бѣ: якоже писалъ еси, господине Паламиде, что воспрїялъ еси посланное отъ мене оное количество злата цѣло, еже азъ послахъ ко благородїю твоему, и сего ради, вселюбезный, потщися сотворити по обѣщанїю твоему, да не замедлитъ настоящей нашъ залогъ къ совершенїю дѣла прїити. И аще сицевая сотворимъ, то совершенную отъ мене добродѣйства своего мзду воспрїимеши; азъ же къ твоему благородїю готовость мою паки писанїемъ возвѣщу. И сїя лукавыя грамоты предреченїи лестцы они

сложивше, къ странѣ нѣкоего Троянскаго убїеннаго воина приложиша тайно, и отъидоша. Егда же сицевая лукавствїя сотвориша; тогда Уликсъ Царь повелѣ къ себѣ призвати секретаря Паламидова, и обѣща ему дати велїе количество сребра, да злато оно подъ возглавїе постели Паламидовы тайно сокрыетъ. Секретарь же съ радостїю обѣщася ему сицевая сотворити Уликсъ же даде ему насыпанъ сосудъ злата, егоже число бѣ противу предреченныхъ онѣхъ грамотъ, и отнесе его въ шатеръ Паламидовъ, и время улучивъ, тайно сокры его въ возглавїе постели Паламидовы, оному ни чтоже вѣдущу. И егда сїя соверши секретарь Паламидовъ, пришедъ ко Уликсу сказа ему, яко повелѣнїе его совершилъ есть, и обѣщанное ему сребро прїяти прошаше. Уликсъ же абїе въ томъ же мѣстѣ повелѣ его убити: послѣди же грамотамъ онѣмъ

отъ Грековъ обрѣтеннымъ бывшимъ и прочтеннымъ, Греки не сомнѣвающеся о Паламидовой измѣнѣ, пріидоша къ шатру его, и повелѣша всѣ вещи его изыскати, и обрѣтоша оное злато въ томъ числѣ, еже предреченныя грамоты содержали. И сего ради Греки зѣльнѣ разгнѣвашася, и душами своими крѣпцѣ огорчившеся, на Палимида враждебно напасти восхотѣша, и яко предателю сицевая съ яростію рекоша ему: тако ли, Паламиде, добрѣ правиши воеводство твое, да толико благородныхъ Царей и Князей со всѣми воинствы ихъ злата ради сего на заколеніе предаеши? что убо помышляеши, или кое оправданіе принести можеши? сама бо злоба сотворенная тобою довольнѣ обличи тя. Паламидъ же противу словесъ ихъ смѣло отвѣча: тако ли и вы праведни мнѣ явистеся быщи су-

дїи, съ толикою яростїю пришедше обезчестити мя, ничтоже зло сотворша? Укористе мя не испрошавше, ни истинны уразумѣвше, и осудисте мя уже толикимъ гнѣвомъ лютости своея подвигшеся, яко и предателемъ нарекосте мя, и воинства Греческаго совершеннымъ отступникомъ, и явныя измѣны дѣйственникомъ; но убо аще вы и не хощете, но азъ самъ о себѣ да отвѣщаю, яко азъ всего сего начинанїя отнюдъ не знаю, ниже грамотъ сихъ, о нихъ же поемлете мя, вѣмъ, ниже злато оное, егоже ради истязуете мя, прїяхъ: и что много глаголю, яко аще вамъ неимовѣрни мнятся быти глаголы моя, то да изберете себѣ мужа бранна отъ всего войска вашего, и да ратуется со мною; азъ бо готовъ есмь защитится на конѣ, и невинность мою бранїю оною очистити. И егда ни единъ бѣ отъ

Грекъ, иже бы смѣлъ противу его ополчитися, но вси стояху просто молчаще, тогда видяще сїе предреченїи его клеветники, яко тѣмъ путемъ напасти на него не возмогоша, инъ образъ лукавства умыслиша. Уликсъ Царь укорити люди, творяся быти прїятель Паламидовъ, и словесы краснорѣчїя своего всѣхъ паки Царей и Князей на се приведе, не токмо, еже бы ихъ къ Паламиду примирити, но и воеводство ему Греческое паки даша. Не по мнозѣ же времени, во едину нощь прїидоша въ шатеръ къ Паламиду Уликсъ и Дїомидъ, и тако рѣша ему! увѣщахомся, господине Паламиде; и извѣстно и истинно увѣрихомся, яко есть въ нѣкоемъ ветхомъ кладязи сокровище велїе злата, и аще хощеши съ нами итти, тамо да идемъ, и возмемъ его въ нощь сїю. Паламидъ же помраченныя льсти ихъ отнюдъ неразумѣ, и повѣривъ сему пойде

съ ними. Егда же прїидоша тамо ко оному суху кладязю, и начаша другъ ко другу глаголати, кто отъ нихъ перьвѣе снидетъ на дно онаго кладязя? тогда Паламидъ ни что же разсуждая изувся, и лишнее съ себе платье снявъ, смѣло на дно кладязя сниде: они же ощутивше его быти на днѣ кладязя, наметаша нань каменїе, и умертвиша его, и тояже нощи въ молчанїи къ шатромъ своимъ ускориша. Сего ради Царь Наулъ и сынъ его Оетесъ о смерти Паламидовѣ лютѣ болѣзнующе, пути многїя взыскуютъ, имиже бы могли отмстивны быти, да о смерти сына и брата ихъ на Грековъ возсътати имутъ крѣпцѣ, и желаемое свое возмогутъ надъ ними наслѣдовати отмщенїе. Слышаша бо, яко Греки въ зимнее время пути своему вдашася, и тако умыслиша на нихъ сицевъ лукавства образъ къ погуб-

ленїю ихъ; нужда бо бѣ Грекомъ возвращающимся во свояси мимо царства Наулова итти, и того ради въ нощныя темноты на горахъ близъ каменныхъ ярыхъ мѣстъ прельщенїя ради повелѣша возжизати великїя огни, да прельщени будутъ Грекове во тьмахъ нощныхъ, мняще ту быти мирная пристанища, и уклонятъ корабли своя безъ всякого бреженїя, и ту да погибнутъ безъ останковъ, еже и бысть. Болѣе бо тамо двою сотъ кораблей и съ людьми погрязоша, прочїи же корабли, послѣдующїя имъ, слышаще на томъ мѣстѣ сокрушенїе корабленное, далече отъ мѣста онаго уклоняющеся бѣжаху, въ нихъ же бѣ Царь Агамемнонъ, и Менелай и Дїомидъ, иже корабленаго онаго сокрушенїя и лютаго истопленїя избавишася, и во своя царствїя здрави достигоша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ АГАМЕМНОНА.

Предреченный же Оетесъ или Пелей, зане двою имяны нарицашеся, сынъ Наула Царя, Агамемновы и Дїомидовы желая смерти, или тяжкихъ ихъ погибелей, ко Клитемнестрѣ Царицѣ женѣ Агамемнонѣ, [еще не пришедшу Агамемнону Царю во свое царство] посла своего прислалъ, и грамоту свою съ нимъ, имѣющу образъ написанїя сицевъ: да вѣстъ благородїе твое, прекрасная Царице, яко Царь Агамемнонъ, мужъ твой, едину отъ дщерей Царя Прїяма Троянскаго любя зѣло, ведетъ во свое царствїе, а тебе сущую свою истинну Царицу, не ложно хощетъ смерти предати. И того ради, преславная госпоже, щадя благородїе твое сицевая возвѣщаю ти, яко да отъ сказанныхъ ловитвъ мужа твоего брежнѣ опасаешися, да не напрасно погибнеши. Повѣривъ же Кли-

темнестра Царица писанію Оетесову, любовныя ему о семъ благодаренія воздаетъ, на Агамемнона же Царя ненавистну и тяжку мысль стяжа, наипаче же сего ради, яко и прежде писанія Оетесова ненависть питаше ко Агамемнону вины ради сицевыя: сія бо Царица Клитемнестра по отшествіи мужа ея Царя Агамемнона, оставивъ благородства своего стыдъ, расторгнувъ бракъ, обесчестивъ Царскій санъ, согрѣшивъ на законъ, и укорное прелюбодѣйство сотворивъ, сообщила любовь свою съ нѣкоимъ Егистомъ, и толико Клитемнестра Царица разжеся во Егистову любовь, яко зачатъ отъ него и роди дщерь, Еригону именемъ. И того ради сама крѣпцѣ гнѣвашеся отъ писанія, еже писа ей Оетесъ на мужа ея; такожде и стыдѣніемъ дерзности своея срамляшеся, еще же и сего бояшеся, да не лишена будетъ

отъ сообщенія любве Егистовы. Аще бо Егистъ и не бяше Царскимъ, ни Княжескимъ, ни Комитскимъ благородіемъ украшенъ, но женское скотолѣтное и необузданное стремленіе, еже любитъ влещися къ нижайшимъ поползновеніямъ похоти своея во услажденіе. Не внимаютъ бо ни о чемъ сице, егда въ блужденіе своего тѣла поползнутся, ниже честемъ, ниже славѣ, ниже благородію, ниже дѣтопитательству, ниже помнятъ брачнаго союза, ниже любве мужескія, ниже помышляютъ грѣха, ниже укоризны, ниже смѣха, ниже самыя смерти, но вся сія въ мерзость въ нечувствіи своемъ погрузившеся полагаютъ, и токмо къ единому прилѣжно устремленію плоти своея бодрствуютъ, нощію и днемъ въ семъ упражняющеся, и присно во умѣ своемъ помышляюще мужнее умертвіе, и неистоваго своего рачителя любленіе. Егда же Царь

Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленій здравъ избысть, дойде благополучно во свое царствіе, и уже къ готовому своему приста истопленію; срѣте его оная лукавая ехидна, образомъ лицемѣрія и льсти отвсюду огражденна, и пріемъ его рукама своима, притворнѣ цѣлова и плакася, и многіе виды прелестныя любве являющи, внутрь же смертнаго убійства ядъ ему крыяше, и начатъ ему крѣпцѣ ласкати, глаголющи: да причаститтся въ веселіи съ нею брашна и питія, да возвеселимся днесь, господине, о пришествіи благородія твоего, яко многое, рече, время не видѣхъ царскаго преславнаго лица твоего, ниже паки отъ многихъ лѣтъ наслаждахся сладкоглаголивыя бесѣды устъ твоихъ, ниже паки отъ разстоянія толика времяни со благородіемъ твоимъ насладихся любовію союза брачна; ныже зря благородія твоего величество

радуюся духомъ, яко получихъ желаніе мое. Тѣмъ же отъ великія оныя радости пришествіе твоего благородія поминая, чувствую внѣ себя отъ веселія; и сицевыя прелестныя глаголы вѣщая, упоила его, и возлеже спати на ложи своемъ. И егда Царь Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленій утружденъ сый, къ тому же и виномъ упився, успѣ зѣло крѣпко; тогда Егистъ нападе нань, и удавленіемъ смерти предаде его. Не по мнозѣ же времени Клитемнестра Царица Егиста онаго въ мужа себѣ поятъ, и сотвори его Царемъ во Агамемноново мѣсто. Царю же Агамемнону остася сынъ во отроческихъ лѣтѣхъ, отъ сея Царицы Клитемнестры рожденъ, именемъ Орестъ, егоже Царь Тальсибій, сродичь его, [бояся безумія Егистова, да не убіетъ его Егистъ, якоже и отца его,] тайно восхитивъ ко Царю Идуменею Критскому отсла, и тамо пребывая жи-

вяше до лѣтъ возраста юношества своего.

О ИЗГНАНІИ ДІОМИДОВѢ.

Той же паки Оетесъ, сынъ Наула Царя, къ Эгеѣ, Діомидовѣ женѣ, тѣмъ же паки чиномъ приступи, иже мысль Клитемнестрину о своемъ мужѣ вѣрити наведе, и такожде посла своего къ ней съ грамотою прислалъ. Сія же бѣ дщи Полиниса, Царя Аргивскаго, и имяше у себе брата Ассандра. Умерту же отцу ихъ Полинису, раздѣлиша между собою царство Аргивское: Ассандръ убо во своей половинѣ царствія живяше, Эгея же во свою половину царствія пріятъ въ мужа онаго Діомида. Но егда братъ ея Ассандръ пойде въ войско Греческое съ Діомидомъ, сестры своея мужемъ, и пріидоша они въ землю Царя Толефа: тогда Царь не восхотѣ дати имъ путь чрезъ свою державу, и изыде во срѣте-

нїе ихъ во множествѣ воинъ. Ассандръ же многихъ уби отъ нихъ; Царь же Толефъ не могїй терпѣти бываемыхъ отъ Ассандра на брани, вземъ копїе, Ассандра смертнѣ уязви, и мертва съ коня сверже, еже видѣвъ Дїомидъ, яростенъ вдася промежъ воиновъ Царя Толефа, и многихъ уби отъ нихъ. Послѣди же тѣло Ассандрово отъ ногъ конскихъ силою изъятъ, и въ шатры своя отнесе. И сїя бѣ рѣчь истинна; яже о смерти Ассандровѣ, брата Эгеина. Оетесъ же, сынъ Наула Царя, въ писанїи не тако ей сказа, рече бо, яко убитъ бяше Ассандръ наученїемъ Дїомидовымъ, сего ради, дабы и другая половина царства Аргивскаго, ею же Ассандръ владычествова, Дїомиду же была бы подручна, имъ же бы совершенъ владѣтель нарекся царства Аргивскаго. Эгея же тако любляше Ассандра, брата своего, яко вельми паче желаше своея половины ли-

шитися царства, нежели Ассандра мертва слышати; и сего ради ненавистну мысль на Дїомида воспрїя; умысли бо съ людьми Аргивскими Дїомида въ царство свое не прїяти, еже и сотвори. Дїомидъ же егда прїиде въ Царство свое, тогда повелѣнїемъ жены его вси граждане изшедше на него со оружїемъ, отслаша его отъ земли своея. Дїомидъ же видя несчастїе сїе, внезапу на него нападшее удивися, и въ недоумѣнїи бывъ отыде, ничто же могїй сотворити имъ, и живяше сѣмо и овамо преходя, яко же нѣкїй хищникъ скитаяся.

Енея же по повелѣнїю Царей и Князей Греческихъ остася въ Трои, чинити корабли своя, въ нихъ же бы отыти ему; и того ради еще ему ту пребывающу, многая бранная нашествїя претерпѣваше отъ живущихъ окрестъ Трои иностранныхъ насельникъ, покушающихся Троянскїя ос-

татки разграбити, ихъ же Енея ополченіемъ своимъ сильнѣ защищая, рати творяше съ ними, его же Трояне крѣпцѣ держахуся, и моляху да не оставитъ ихъ въ день толикаго оскорбленія ихъ, но да и владычествуетъ ими, защищая ихъ отъ враговъ ихъ. Енея же глаголаше имъ: не мощно ми есть тако сотворити, и навести туне бѣду сію на себе самого и на всѣхъ васъ; сами бо вы добрѣ вѣсте, яко отъ вашего сожитія вѣчнѣ отосланъ есмь, и аще не отыду, и буду здѣ владычествуя вами, презрѣвъ повелѣніе толикихъ Царей и Князей; тогда услышавъ сіе Царіе, яко не токмо отыдохъ отсюду, но уже и владычествую вами, идѣже ми жити просто не повелѣно есть, въ дерзость быти велику вмѣнятъ дѣло се, своему же благородію въ безчестіе напишутъ дерзнутіе наше, и пошлютъ воинства своя, и изсѣкутъ всѣхъ

нас, и никтоже будетъ помогаяй намъ, или изимая насъ отъ оружія ихъ, и того ради всячески съ вами быти не могу, совѣтъ же мой даю вамъ, аще хощете послушати: послите убо по Діомида Князя, мужа суща сильна, иже нынѣ изгнаніе терпитъ, моляще его да пріидетъ сѣмо, и да господствуетъ надъ вами. И аще онъ послушаетъ моленія вашего, и пріидетъ; то поистиннѣ защититъ васъ отъ враговъ вашихъ. Они же послушавше совѣта Енеина, съ радостію идоша по Діомида, моляще его, да пріидетъ къ нимъ, и владычествуетъ ими. Онъ же съ радостію послушавъ моленія ихъ, пріиде съ ними ко Трои, его же Енея пріимъ радостнѣ цѣлова; прочіи же Трояне въ господина его себѣ воспріяша радостно. Во утрій же день Енея и Діомидъ противу враговъ на ополченіе препоясуются: горитъ убо въ нихъ жестоко ополче-

нїе, еже чрезъ седмь дней непрестанно продолжалось.

Во осмый же день храбрый Дїомидъ во мнозѣ ополченїя коварствѣ враговъ своихъ отвсюду сильнѣ заключи, и безчисленное ихъ множество мечемъ посѣче, и многихъ отъ нихъ живыхъ изыма, и больши осми сотъ воиновъ къ разнымъ висѣлицамъ пригвоздивъ, наложи къ тому страхъ великъ и трепетъ врагомъ Троянскимъ, покушающимся остатки Троянскїя разграбити. И того ради врази Троянстїи вси умолкоша, не смѣюще стужати имъ. Слышавше сїе жена Дїомидова, яко Дїомидъ отъ Троянъ прїятъ бысть, и какову казнь наложи врагомъ Троянскимъ, убояся вельми, да не како Дїомидъ собравъ силу ратную прїидетъ на царство ея и поплѣнитъ. Сего ради умысли со гражданы своими послати по Дїомида съ великимъ моленїемъ, да возвратится во свое царство,

и прощенїе подастъ имъ о приключившихся къ нему прегрѣшенїяхъ ихъ. Такожде и жена его написа ему сице: молю тя, рече, пресвѣтлый и дражайшїй господине мой, да не прогнѣваешся на мя благородїе твое, воспоминая дерзость безумїя моего; вѣмъ бо добрѣ, яко зѣло прогнѣвахъ тя, послушавъ совѣта злыхъ крамольниковъ, ищущихъ погибели нашея, и глаголющихъ мнѣ лукавая на благородїе твое, но во всемъ явися самая истинна дѣянїй твоихъ чудныхъ, оболганїе же оное принесенное ми явѣ обнажися къ стыденїю лица моего, яко неразсмотрительнѣ нанесохъ безчестїе пресвѣтлому лицу твоему, и осуетихся горестїю печали безумныя. И того ради прилѣжнѣ молю благородїе твое, благоволи, яко премудръ и чуденъ помиловати безумїе моего прегрѣшенїя, и прости ми неправду мою, и возвратися въ

радости во свое царство, азъ бо, пресвѣтлый мой и сладчайшiи господине, въ радости со отыдѣнiемъ лица моего прiяти жду тя. Посла же къ нему и Оетесову лукавую грамоту; и егда прiидоша послы жены Дiомидовы къ нему, и падше поклонишася ему, и вдаша ему посланныя грамоты отъ жены его и отъ гражданъ, и грамоту онаго лукаваго Оетесова умышленiя. Дiомидъ же прiимъ грамоты оны, и добрѣ уразумѣвъ отъ нихъ вину изгнанiя своего, зѣло возрадовася, и вся прегрѣшенiя жены своея и гражданъ своихъ съ радостiю отпустилъ имъ, и возвратися съ ними въ радости во свое царство. Такожде и Енея отыдѣ отъ Трои, и камо уклонися, настоящая исторiя не изъявляетъ; но аще кто хощетъ о семъ известное вѣденiе имѣти, да чтетъ Виргилiя.

О ОТМЩЕНІИ СМЕРТИ АГАМЕМНОНОВЫ.

Орестъ же, Агамемноновъ сынъ, живяше у Идуменеи, Критскаго Царя, и пріиде въ возрастъ юношества своего; бяше бо ему лѣтъ двадесять четыре, и уже воинъ храбрый являшеся. Молитъ Царя Идуменея убо, да дастъ ему помощь воинства на Егиста, еже бы пріяти отъ руки его царство Месенаиское, отца своего. Царь же Идуменей послуша его, даде ему тысящу воинъ. Не по мнозѣ же времени Орестъ и другую тысящу воинъ къ первымъ присовокупи, и во градъ Троезу смѣлъ вниде, идѣже Царь Ѳоренсинъ живяше. Сей же Царь Ѳоренсинъ Царю Агамемнону сердечною дружбою и сладкою любовію союзенъ. и ненавистенъ бѣ Егисту; вина же ненависти его сицева бѣ, яко той Царь сообщивъ любовь со онѣмъ Егистомъ, восхотѣ дати за него дщерь свою,

Егистъ же любве ради Клитемнестрины отъ дщери его уклонися, книгу ей распустную посла, и того ради Царь Өоренсинъ молитъ Ореста, да въ сообщенїе его съ тремя тысящами воинъ прїиметъ себѣ въ помощь на Егиста. Оресъ же о семъ Царю Өоренсину много благодарствова; и тако Орестъ съ воинствы своими прїиде ка Месенайску граду, и ту во градѣ мати его бѣ, Егиста же во градѣ не обрѣте; иде бо Егистъ собрати воинство противу Ореста для защищенїя града. Орестъ же егда пришедъ обступи градъ отвсюду съ великимъ утвержденїемъ, да не избѣгнетъ отъ него никтоже: воинства же своего половину посла на срѣтенїе Егисту, и повелѣ битися съ нимъ, самъ же о взятїи града весьма прилѣжаше. Во едину же отъ нощей, спящу Оресту явишася ему бози во снѣ глаголюще, яко вскорѣ прїимеши градъ отца твоего,

и царство его, токмо руками своими надъ матерїею своею сотвори отмщенїе смерти отца твоего. Орестъ же имъ тако обѣщался сотворити. Бысть же егда возвращашеся Егистъ съ воинствомъ своимъ и крѣпцѣ скоряше защитити градъ внезапу впаде въ руцѣ воиновъ Орестовыхъ, иже спустивше съ ними брань, поимаша Егиста, и вся воины его мечи изсѣкоша, самаго же связана ко Оресту приведоша. Возвеселился же о сихъ Орестъ, и крѣпцѣ облеже градъ, иже не бяше крѣпцѣ утвержденъ; и того ради гражданомъ трудно бѣ зѣло защищати его. Орестъ же крѣпцѣ раззоряше его отвсюду, яко граждане не можаху терпѣти уже нощныхъ и дневныхъ нападенїй. Въ пятый же надесять день совсѣмъ отъ ополченїя престаша, и градъ отъ Ореста взятъ бысть. Вниде же Орестъ во градъ плѣненный и въ палату

царскую вшедъ на престолъ отца своего сяде, и повелѣ привести предъ себе матерь свою, ея же не видяше Приведеннѣй же ей бывши, Орестъ съ яростїю скочивъ съ мечемъ на ню, и своими руками сосцы ея отторже, и на землю поверже, и чрево ея мечемъ прободе, и вся внутренняя ея на землю испроверже, и тако повелѣ извлещи трупъ ея внѣ града, и поврещи въ ровъ на снѣденїе псомъ; а Егиста коньми по граду влачима повѣсити повелѣ, такожде и иныхъ вельможъ Месенайскихъ, иже на смерть отца его Царя Агамемнона со Егистомъ дышаху, лютыми казньми смертными осуди. И тако отъ злодѣйства онаго изчищену бывшу Месенайскому граду, Орестъ мирно уже съ граждаы своими нача жити, и царствовати надъ ними. Не по мнозѣ же времени Царь Менелай, дядя Орестовъ, братъ же Агамемнона Царя, отца

его, поимъ съ собою нѣколико Царей и Князей пріиде ко Оресту во градъ Месенайскій, и предъ Царь онѣми Князи державными Ореста со многою зѣльностію крѣпцѣ истяза, и отъ царствія изметаше, глаголя: не достойно ти есть такову сурову и безчеловѣчну мучителю власть царскую имѣти, и на престолѣ благороднаго отца своего сидѣти, яко толику лютость и немилосердіе своими руками надъ матерію своею показалъ еси, и самъ себе воспрїятія отча престола недостойна сотвори. Орестъ же отвѣщавъ рече ему сице: почто, господине мой, гнѣваешися на мя; аще бо азъ и сотворихъ таковая злая надъ матеріею своею, и то поистиннѣ не своею волею, ниже гнѣвомъ мучительства коего подвигохся, но сами бози повелѣша ми надъ нею смерть благороднаго моего отца своими руками жестоко отмстити: и тако сотворихъ азъ

по волѣ ихъ, не возмогохъ бо противишися имъ? Ты же почто порицаеши мя, господине, самъ сопротивляяся волѣ ихъ? Тогда вси Царіе и Князи слышавше сія, рѣша Менелаю: поистиннѣ достоинъ есть Орестъ на престолѣ отца своего быти, яко сотвори сія по власти и по повелѣнію Боговъ. Такожде и самъ Царь Менелай миръ крѣпокъ подаде Оресту: даде же ему и Ермонію дщерь свою въ жену, и утвердивше царство Оресту, сами во своя царствія паки отыдоша.

О ПРИШЕСТВІИ ПИРРОВѢ ОТЪ ТРОИ.

Толика поприща словесъ настоящая исторія сія прейде, и путемъ своимъ еще грядущи къ Пирру достиже, вечеряти съ нимъ, и глаголати о немъ. Сей убо Пирръ отца имѣ у себе Ахиллеса, дѣда же Царя Пелея. Той же Царь Пелей дѣдъ его, имѣ у себе Цари-

цу именемъ Ѳетиду, матерь Ахиллессову, бабу же Пиррову. Сїя же Ѳетида Царица имѣ у себе отца Царя Акаста: тойже паки Царь Акастъ имѣ у себе дву сыновъ, братїю Ѳетидину, единъ звашеся Полестенъ, а другїй Менаплитъ. По отшествїи же паки Ахиллесовѣ и Пирровѣ въ войско Греческое, Царь Акастъ, прадѣдъ Пирровъ, съ сынами своими изгна Царя Пелея, дѣда Пиррова, отъ царства Ѳессалїйскаго ,на Пирра же ловленїе умысли сотворити, егда возвратится отъ Трои. Царь же Пелей егда изгнанъ бысть, побѣже изъ града и въ лѣсахъ нѣкоихъ въ потребныхъ зданїяхъ крышеся, ожидая пришествїя Пиррова, когда возвратится отъ Трои; не доумѣвашебося, что сотворити, и въ печалѣ велицѣй пребывая, ждаше Пирра, и пришедъ на брегъ моря своимъ мѣряше зракомъ, аще Пирра видѣти можетъ, и паки обраща-

шеся въ предреченное оное потаенное зданіе. Еще же и бояшеся крѣпцѣ, да не усмотрятъ его нѣціи, и возвѣстятъ о немъ Царю Акасту, и умретъ; недалече бо лѣсы оны бяху отъ царства Ѳессалійскаго, яко осмь поприщъ: часто же въ нихъ сынове Акаста Царя ловитвы ради звѣрей прихождаху, и ту ловы своя дѣюще возвращахуся. Пирръ же егда возвращашеся отъ Трои, и близъ уже царства Ѳессалійскаго, пріиде ничто же отнюдъ о незгодіи семъ вѣдущи, и се внезапу рыболовъ нѣкій пришедъ къ Пирру, рыбу нѣкую велику зѣло яко бы почести ради принесе Пирру, и вся случившаяся безъ него въ Ѳессаліи подробну ему возвѣсти. Пирръ же паки вопроси его: гдѣ есть нынѣ Царь Пелей? Онъ же отвѣща, не вѣмъ. Пирръ же рече ему: буди нынѣ рука твоя со мною; не повѣждь о мнѣ ничтоже во градѣ, азъ бо воздамъ ти за доб-

роту твою возмездіе достойно, егда минетъ неправда сія. Онъ же отвѣща ему: ей, господине мой, яко же повелѣлъ ми еси, сотворю; и тако Пирръ отпусти его, и отыде. По отшествіи же его нача Пирръ помышляти, како можетъ животъ свой отъ толикихъ навѣтовъ избавити, и не доумѣвашеся. Приста же съ корабли своими къ лѣсамъ онымъ, и веземъ мечь свой препояса его, и изыде единъ въ лѣсы оны проходитися унынія своего ради. Вшедъ же въ лѣсы оны, идяше просто забавляяся въ помышленіяхъ своихъ оприключившихся напастѣхъ онѣхъ, о нихъ же сказа ему рыболовъ: не узрѣвъ же пути предъ собою належащихъ ради травъ, впадеся въ яму, и ста на степени, и се паки узрѣ степени каменны. Пирръ же утвердивъ ноги своя по степененемъ онѣмъ, увидѣти хотя, что есть тамо? Сшедшу же ему съ

лѣствицы оныя, и се внезапу изъ потаеннаго мѣста изскочи Царь Пелей, внука своего позна, и объемь его цѣлова любезнѣ, и зрящи нанѣ прилѣжно, мнитъ видѣти Ахиллеса: тако бо Пирръ отцу своему бысть подобенъ образомъ зрака. Сѣдшимъ же имъ и глаголющимъ о настоящемъ своемъ несчастливомъ обстояніи, и се внезапу въ лѣсахъ оныхъ слухъ шума возгремѣ глаголющъ, ꙗко сынове Царя Акаста въ лѣсы оны приходятъ на ловитву; и абіе Пирръ оставивъ дѣда своего, со многою скоростію къ кораблемъ своимъ отыде, и пришедъ тамо, изыска нѣкую ветхую и весьма худую одежду, и облече на ся, и препоясався по ней мечемъ своимъ, сыновомъ Царевымъ во срѣтеніе изыде. Они же вопросиша его: ты кто еси? онъ же падъ поклонися имъ, и востав абіе рече къ вопрошенію ихъ: единъ есмь азъ, господине

мой, отъ воиновъ Греческихъ, шествїе творю отъ Трои, въ бѣду же истопленїя впадохся, и съ сообщники моими, и погубихъ ту вся имѣнїя моя, яже ношахъ; самого же мя крѣпцѣ волны морскїя биша; и чрево мое отъ воды зѣльнѣ надмеся, и яко мертвъ изверженъ быхъ на брегъ моря, и лежавъ часы довольны, никако же могохъ что сотворити, и по многомъ изблеванїи воды сланыя, юже отъ моря глотахъ, едва добрѣ оздравѣхъ. И се нынѣ нищъ и убогъ есмь, прошу по дворамъ, донелѣже прїиду во своя домы: вы же, господїе мои, аще имате что снѣдно здѣ, отъ того ми на пищу пожалуйте: они же рѣша ему, пребуди съ нами. Въ то же время елень нѣкїй явися, ходя въ лѣсахъ онѣхъ, и абїе Менаплитъ отлучися отъ нихъ на гнанїе еленя, брата же своего съ Пирромъ остави единыхъ. Полестенъ же сниде съ

коня своего, и возляже на травѣ хотя мало опочинути: Пирръ же нападе нань и уби его. Менаплитъ же егда возвратися отъ онаго еленева гнанія, Пирръ изыде во срѣтеніе ему, и уби его, и пріиде паки къ кораблемъ своимъ, идѣже въ красныя камчатыя ризы облечеся. И се Царь Акастъ въ лѣсы оны пріиде; Пирръ же паки пришедъ тамо, поклонися ему, Царь же абіе вопроси его: ты кто еси? Пирръ же отвѣщавъ рече ему: единъ есмь азъ, господине мой, отъ сыновъ Царя Пріяма Троянскаго, плѣненъ есмь отъ Трои, и веденъ бываю во Грецію подъ властію Пирровою. Паки же вопроси его Царь Акастъ: гдѣ же есть нынѣ Пирръ? Онъ же рече: Пирръ зѣло отъ морскихъ озлобленій утружденъ есть; и приведши его къ той ямѣ, показа ему рукою на той погребъ, идѣже Царь Пелей крышеся. Акастъ же Царь

восхотѣ тамо приникнувъ посмотрѣти. Пиррѣ же абіе извлече мечь свой хотяше его убити. И се абіе внезапу явися ту Θетида; баба Пиррова, и Пирра крѣпцѣ емъ за руку ону, еюже мечь держаше, сице рече ему: любимѣйшій мой внуче, что помышляеши творити, лишивъ мя двухъ братій моихъ, дядей своихъ? и нынѣ уже хощеши лишити мя Царя Акаста отца моего: Пиррѣ же отвѣщавъ рече ей: почто Царь Акастъ, отецъ твой, Пелея мужа твоего отъ царства его изгна, и не удоволився тѣмъ, на мене самого ловленіе смертное сотворити умыслилъ? И того ради да пріиметъ дѣлъ своихъ достойное возмездіе, и да впадется самъ въ яму ону, юже инѣмъ лукавнѣ ископа. Ему же Θетида тако рече: ни, дражайшій мой внуче, да не сотвориши тако, но да пощадиши старость благородія его;

нынѣ бо и живошъ ему ошнюдъ горекъ есшь, убійсшва ради сыновъ его. Тогда Пирръ рече ей: се ради моленія швоего ошпущаю ему всю неправду его; и шако вложи мечь свой во влагалище. Сѣдшимъ же имъ вкупѣ, Царь Пелей, и Царь Акасшъ, и Царица Өешида. и Пирръ, начаша бесѣдовашы о царсшвѣ, и перьвѣе убо Царь Пелей рече: се убо азъ много время царсшвіемъ державы Өессалійскія наслаждахся, и нынѣ уже сшаръ есмь, сына же наслѣдника царсшвія моему не имѣю, и никому же иному царсшвія сего скипешръ по правдѣ ошдашися можешъ, шокмо Пирру, любимѣйшему моему внуку. Такожде и Царь Акасшъ сице рече: и азъ всяку правду на немъ полагаю, не шокмо еже о царсшвіи Өессалійсшѣмъ, но по смерши моей и своего царсшвія скипешръ вручаю ему, яко убо умершимъ сыновомъ моимъ, шакожде наслѣдника царсшвію не

имѣю: онъ же пощади животъ мой, и помилова мя, достойна суща смерти за неправду мою. И сице завѣщавше о царствіи возвратишася во градъ.

О СМЕРТИ ПИРРОВѢ.

Егда же пріидоша во царство Өессалійское, тогда Царь Пелей и Царь Акастъ облекоша Пирра во своя царскія утвари, и вѣнчаша его на царство, и скипетръ державы Өессалійскія ему вручиша, и Царемъ его прославиша, и вси людіе ему поклонишася, и присягу вѣрну ему сотвориша, и не престолъ царствія Пирръ сяде, отъ всѣхъ прославляемъ, и добрѣ царствуя, живяше со Андроменою Царицею, бывшею женою Гекторовою. Послѣди же вознесеся сердцемъ, и безмѣрною гордостію тщеславися, отъ благоразумія, яко же отъ тихаго пристанища, отлучися, и ко злоумію, яко же къ нѣкоему страшному треволнению

пенію, прибѣже, и стремленіемъ волнъ безумія своего погрузився умре смертію смѣха достойною: образъ же безумія его сицевъ бѣ. Видѣ бо Пирръ въ нѣкое время Ермонію, жену Орестову, дщерь Менелаеву и Еленину, восхитився любовію на ню, и восхотѣ имѣти ю себѣ женою, и много о семъ тщашеся, како бы желаніе свое исполнити, и толико прилѣжаніе показа, яко ея восхитивъ, во свое царство отведе. Не по мнозѣ же времени возненавидѣ ю, понеже единыя Андромены любовію плѣненъ бяше, а о ней мало прилѣжаше, и того ради Ермоніи тяжко случися отъ Пирра. Пирръ же егда изыде отъ града своего, въ немъ же живяше, и иде во иные своя грады потребъ ради нѣкіихъ, тогда Ермонія время обрѣтши благополучно, пишетъ ко отцу своему Царю Менелаю, моля его, да пріидетъ къ ней, и Андромену Царицу и

съ сыномъ ея смерти предастъ; мняше бо Ермонія убійствомъ ихъ Пирра въ любовь къ себѣ привлещи: сицево бо есть скотолѣпное безуміе женское. Не сего бо ради ко отцу своему писаше, дабы ея паки отъ насилія онаго къ мужу возвратилъ, но ради сего, дабы пришедъ убійство сотворилъ, и прелюбодѣйство утвердилъ. Менелай же по словесемъ дщери своея пріиде къ ней, и хотѣ напасти оружіемъ на Андромену, и на сына ея: она же уразумѣвъ злодѣйственное умышленіе его, тече и съ сыномъ своимъ во мнозѣй скорости на улицу града, и высокимъ гласомъ возопивъ, помощи людскія прошаше. Граждане же услышавше ю вопіющу, оружія своя приемлютъ, и вооруженною рукою гонятъ Менелая, и тако Царь Менелай съ великимъ безчестіемъ отбѣже во свое царство. Орестъ Царь за восхищеніе жены своея

на Пирра тяжку злобу имяше: но умолчавъ во умѣ своемъ оную скрываешъ, и пути многїя взыскуешъ, како бы могль прошивенъ быши Пирру, и како бы жену свою къ себѣ обрашиши, и времени подобна искаше, еже и обрѣше образомъ сицевымъ. Егда Пирръ умысли пойши во островъ Дельфъ благодариши Аполлона за побѣду, юже щасшливо получи во Трои, Оресшу же се вѣдомо бяше; шогда Оресшъ усшроився съ воинсшвомъ своимъ изыде во слѣдъ его, и егда Пирръ ошшуду возвращашеся во свое царсшво, нападе на него Оресшъ съ великимъ усшремленїемъ брани, и уби его, и вся воины его мечемъ посѣче и жену свою обрѣше и во царсшвїе свое обраши. Ѳессалїйскаго же царсшва людїе Лаомедонша, сына Гекшорова, на пресшолъ царсшва Ѳессалїйскаго вѣнчаша Царемъ въ Пиррово мѣсшо, и бѣ мужъ благъ, и правя царсшво Ѳессалїй-

ское добрѣ, любимъ бысть зѣло отъ гражданъ, и Троянъ въ велицѣй свободѣ и чести имяше, и царство его во многіе роды простреся въ Ѳессаліи.

О ПРИШЕСТВІИ УЛИКСОВѢ ОТЪ ТРОИ.

Не по многѣхъ же днехъ Царь Уликсъ нищъ и убогъ ко Царю Идуменею Критскому пріиде. Царь Идуменей о толицѣй нищетѣ Уликсовѣ удивився, случаевъ толикія его нищеты вопрошаетъ у него. Уликсъ же ему вся случившаяся ему на пути повѣдуетъ, глаголя: азъ рече, о Царю! егда отъ Трои отыдохъ, велію поистиннѣ часть имѣхъ отъ богатствъ Троянскихъ, и по четыре дни здраво плыхъ. Въ пятый же день близъ девятаго часа возвѣя внезапу зѣло жестокъ и силенъ вѣтръ, яко ни въ малѣ могохомъ противитися ему, и вдахомся волнамъ, и аможе хощетъ вѣтръ несетъ

насъ. Принесе же насъ той жестокій вѣтръ во островъ нѣкій зѣло великъ, въ немъ же царствоваху два брата Цари, единъ зващеся Стригонъ, а другій Сикаонъ, иже и нападоша на мя съ великимъ устремленіемъ во множествѣ воинства, и поставиша съ нами брань весьма жестокую, и много отъ воиновъ моихъ убиша, и того горши нападоша на мя два сына ихъ воины храбріи и зѣло убранніи, отъ нихъ же единъ зващеся Алиѳамъ, а другій Полиѳемъ, и толь лютѣ нападоша на воины моя, и сто убиша отъ нихъ, и самаго изымаша, и Антенора Князя, обѣщника моего, и затвориша насъ въ нѣкоемъ городкѣ въ темницѣ лютѣй. Городокъ же той бѣ власти Полиѳемовы, въ немъ же и самъ живяше. Послѣди же онъ Полиѳемъ помилова мя, и много ми добра и чести показа, и корабли моя со всѣми богатствы моими повелѣ ми от-

дати, ничто же поистиннѣ веземъ отъ нихъ, но вся цѣла предаде ми. Той же Полиѳемъ имѣ у себе чудныя красоты сестру дѣву, юже видѣвъ Антеноръ Князь, обѣщникъ мой, вельми пожела ея, и толико прилѣжанія и труда показа о ней, яко ея веземъ во свой корабль приведе. Мнѣ же отнюдъ не вѣдущу бывшаго, и се внезапу нощію самъ Полиѳемъ со множествомъ зѣло воиновъ пріиде къ кораблемъ нашимъ, и повелѣ обыскати ихъ, и абіе обыскавше обрѣтоша Полиѳемову сестру. Полиѳемъ же видѣвъ толику дерзость неправды нашея, измѣнися гнѣвомъ лице его, и тоя же нощи вооружися, и нападе на мя съ великимъ устремленіемъ, хотя всѣхъ погубити насъ. Азъ же настояхъ себе защитити отъ него, едино око ему исторгохъ, и со всѣми своими безъ пакости отыдохъ отъ него, и пучинѣ морстѣй вдахся;

и понуди насъ паки вѣтръ во островъ нѣкій великъ пристати. Въ томъ же островѣ державствующе бяху двѣ Царицы сестры, того острова госпожи; едина же отъ нихъ Сирса именовашеся, а другая своимъ именемъ Калифа нарицашеся. Во область же сихъ двухъ Царицъ вѣтръ мя принесе и не хотяща; и паки едина отъ сихъ, сирѣчь Сирса, моею любовїю плѣнися, смѣсила питїя обаванїй своихъ, и толь безумнѣ мя къ себѣ привлече, яко годъ цѣлъ не бѣ мнѣ воли отыти отъ нея. Въ той же годъ Сирса бысть отъ мене непраздна, послѣди же и роди сына, и возрасте, и бысть мужъ зѣло браноносецъ: азъ же паки о отшествїи своемъ пекохся, и хотѣхъ отыти. Тогда Сирса разгнѣвася жестоко на мя, и волшебствомъ своимъ задержати у себе хотяше, но и азъ сему довольно самъ быхъ наказанъ, противу хитростей Сирсиныхъ свою

хитрость учинихъ, и толико хитрости моя превозмогоша волхвованія Сирсины, яко со всѣми своими Сирсѣ зѣло озлобленнѣй бывши, отыдохъ отъ нея невредимъ. Но убо что ми пользова оно отшествіе? пріидохъ бо въ землю Царицы Калиөы, сестры ея, и она такожде обаяньми своими прихвати мя, и держала у себе лѣто едино и полъ, но то задержаніе не зѣло мнѣ докучно было за красоту оныя Царицы, въ ней же чудно цвѣтяше, и за склонность великую, юже обрѣтохъ у нея, зане мнѣ самому и моимъ вовсемъ благоугодити зѣло прилѣжа. Азъ же паки о отшествіи своемъ рекохъ ей; она же вельми зѣло разгнѣвася на мя, и крѣпцѣ волшебствомъ своимъ отягчи мя, яко едва мои хитрости противу ея хитростей дѣйствовати возмогоша, и тако отъ нея безбѣдно отыдохъ. Въ островъ же паки

нѣкїй пристахомъ, и тамо разбойницы люте зѣло нападоша на мя жестокими и немилостивыми и воистинну свирѣпыми душами, и половину воинства моего мечемъ посѣкоша, и кораблей моихъ половину отъяша, и едва самъ азъ съ оставшими моими корабли утещи возмогохъ, и паки по пучинѣ морстей вдахомся. Плавающымъ же намъ многое время прїидохомъ на мѣсто нѣкое исполнено Сиренъ, яже суть чудовища морская въ пучинѣ плавающе глумятъ. Сїи бо Сирены отъ пупа въ верьхъ бяху образы дѣвичьи зѣло благообразни, отъ пупа же въ низъ бяху рыбы· гласъ же пѣнїя ихъ толико красенъ бяше, яко егда его услышатъ плавающїи человѣцы, вси плѣняются сладостїю пѣнїя ихъ, и себе самыхъ отнюдъ забываютъ, и своя вещи, и въ томъ забвенїи ихъ слова своя отлагаютъ: таже и сонъ нѣкїй дивенъ напада-

ещъ на нихъ, имъ же крѣпцѣуснутъ, отнюдъ себе не помняще. Сирены же они егда ощутятъ ихъ спящихъ, тогда множество ихъ собравшеся, корабли ихъ опрометываютъ и топятъ; въ таковыя бо мы Сирены впадохомъ, и хитрость сїю сотворихъ противу ихъ сладкаго и пагубнаго пѣнїя сицевымъ образомъ. Мои слухъ заткохъ, и главу крѣпцѣ обязахъ, яко никакоже ми бѣ отнюдъ мощно слышати пѣнїя ихъ, такожде и всѣмъ сотворити повелѣхъ, и тѣмъ совершенно избавихомся ихъ, и болѣе тысящи убихомъ отъ нихъ, и то мѣсто благополучно прейдохомъ. Во островъ же нѣкїй пустъ приставше, и тамо мольбище нѣкое ветхое обрѣтохомъ, въ немъ же капище нѣкое чудно стояше, и отвѣты просящимъ даваше. Азъ же тамо о многихъ вещахъ вопрошенїе творяхъ, между же сими вопрошенїями и о семъ

наипаче увѣдѣти желахъ, что убо нашимъ душамъ по изшествіи отъ тѣлесъ нашихъ будетъ? О всѣхъ убо вопросахъ моихъ совершенны отвѣты пріяхъ, кромѣ члена душевнаго, о немъ же ни единаго отвѣта возмогохъ получити; и тако оттуду отыдохъ и пучинѣ морстѣй вдахся, и впадохъ въ руки Наула Царя, иже ради смерти Паламида, сына своего, ненавистію жестокою гоняше мя, и нападши на мя, половину воиновъ моихъ мечемъ изсѣче; самого же мя срамнѣ повѣсити хотяше, послѣди же помысливъ самъ отпусти мя. Отшедшу же ми оттуду впадохъ такожде въ руки Теѳусера Царя, иже для смерти Теламона, брата своего, гоняше мя, и поимавъ мя въ темницу заключити не повелѣ, но бѣхъ за стражею, и нощію избѣгохъ тайно къ кораблемъ моимъ. Оттуду паки отбѣгше, пучинѣ вдахомся, вѣтръ же насъ

восхити зѣло великъ и крѣпокъ, и не возмогши ему сопротивитися, пустихомъ корабли наша, аможе несетъ насъ дыханіе вѣтра. Принесе же насъ вѣтръ онъ ко острову нѣкоему зѣло велику, идѣже обрѣтохомъ дивна языка мучителя, иже и нападе на мя со всякою лютостію злобы своея и вся оставшаяся моя воинства немилостивнѣ мечемъ посѣче, самого же мя емъ въ жестокія темницы заключи, и держаше мя тамо затворенна много время, послѣди же отпусти мя, и ничесоже ми отдаде отъ моихъ вещей. И того ради, о Царю! учинихся нищъ и убогъ, якоже нынѣ зриши мя. Царь же Идуменей слышавъ сія, наипаче удивися зѣло толикимъ несчастливымъ случаямъ, ихъ же претерпѣ Уликсъ Царь, и для его благородія и великаго разума спомоществова ему, и даде ему корабли обремененны всякими брашенными оби-

лїи: къ тому же даде ему злата и сребра довольно, чѣмъ дойти ему во свое царствїе, и тако въ радости отпусти его, и отыде. Слышавъ же Теламонъ, сынъ его, пришествїе Уликса Царя отца своего, изыде во срѣтенїе его, и возвѣсти ему вся, яже о царствїи, и како обиду Царицѣ наношаху вельможи его. Егда же Царь Уликсъ прїиде во царство свое, и срѣте его Царица во множѣ веселїи и радости, и сказа ему вся, како обиду творяху ей безъ него вельможи его; тогда Уликсъ нощїю наступи на домы вельможъ своихъ, и крѣпцѣ испытавъ ихъ, повелѣ винныхъ казнити. И тако умиривъ царство свое добрѣ, царствова до дни смерти своея. Конецъ же житїя его образомъ сотворися сицевымъ:

О СЪНѢ, И О СМЕРТИ УЛИКСОВѢ.

Уликсъ же добрѣ во царствіи своемъ царствуя лѣта нѣкая по пришествіи своемъ изъ Трои, и въ здравіи и въ веселіи пребывая, и се внезапу во едину отъ нощей видѣ сонъ зѣло страшенъ, и ужасеся духъ его, и вельми воспрепета сердце его. И абіе вскочи отъ постели своея, и повелѣ призвати къ себѣ мудрыя волхвы своя, и возвѣсти имъ видѣніе сна своего, глаголя: мняшеся мнѣ быти на нѣкоемъ велицѣмъ полѣ, и зряшеся мнѣ тамо нѣкій образъ божественъ, въ руцѣ своей имущъ копіе зѣло остро и свѣтло, яко вода блещащаяся. Егда азъ хощу приближитися къ нему, и объяти, и онъ удаляшеся тогда; азъ же многажды покусихся приближитися къ нему, и паки удаляшеся. Тогда азъ рекохъ къ нему: стани, молю тя, да соединюся съ тобою. Онъ же отвѣ-

щавъ, рече ми: о коль зло есть прошенїе твое, яко просиши, да соединюся тебѣ! не вѣси бо, яко единъ у сего ради умретъ. И егда сїя услышаша волхвы, рѣша ему: о Царю! добрѣ да вѣсть благородїе твое, яко сей сонъ твой знаменуетъ ти, яко отъ сына твоего имаши умрети, или въ заточенїе засланъ быти, а не можетъ инако се быти; се бо есть самое доброе разсужденїе сна твоего. Тогда Царь Уликсъ Телямона сына своего изымати повелѣ, и твердо блюсти, и ни куда его не испущати, ниже къ нему оставити ково приходити. Самъ же повелѣ окрестъ своего царскаго дому стѣну каменну поставити, и подлѣ стѣны оныя абїе рвы велики ископати, и плинѳами оградити, и чрезъ той ровъ мостъ крѣпокъ устроити, поконецъ же моста онаго башню велику каменну повелѣ поставити, и въ ней вѣрнымъ

своимъ воинамъ и крѣпкимъ оружникамъ нощїю и днїю непрестанно быти, надъ ними же нѣкоего мужа, чудна воина и зѣло ему вѣрна, въ непрестанное назирательство постави, и крѣпцѣ наказа его, да ни единаго мужа чрезъ той мостъ безъ повелѣнїя Царскаго преити оставитъ. Тако бо крѣпцѣ Уликсъ устрои ону стражу; самъ же изъ дому своего никаможе исхождаше, бояся Телямона, сына своего. Еще же Царь Уликсъ имяше у себе другаго сына именемъ Телагона отъ Сирсы Царицы рожденнаго, о ней же выше речено бысть. Той же Телагонъ бяше возраста своего пятинадесятъ лѣтъ, и часто вопрошаше матерь свою, чей бѣ онъ сынъ, и кто есть отецъ мой, возвѣсти ми, госпоже моя, да увѣмъ истинну, и гдѣ живетъ, да разумѣю ясно? Она же долго отрицашеся ему повѣдати, не вѣмъ, чесо ради, зане или срамляшеся, или сего

ради, да не оставитъ ея. Онъ же крѣпцѣ о семъ прилѣжаше, вопрошая ея, да возвѣстиши ми, рече, дражайшая моя мати, пресвѣтлая Царице, да не смущаюся духомъ, и не сокрушаюся печалїю, и твоему благородїю къ тому да не стужаю о семъ. Она же видѣвъ его о семъ бывша въ велицѣй скорби, уны жалостїю сыновнею, и сказа ему отца быти Царя Уликса Ахайскаго, возвѣсти же ему и о мѣстѣ, гдѣ живетъ Уликсъ. Онъ же егда слыша сїя, вельми радостенъ бысть, и зѣло возгорѣся духомъ, отца своего хотя видѣти, и крѣпцѣ моляше матерь свою, да отпуститъ его видѣти Уликса. Видѣвъ же Сирса толикое желанїе его, пусти его ко отцу; онъ же веземъ съ собою нѣколико юношъ, и цѣлававъ матерь свою, пойде въ путь свой, и толь долго шествуя тщашеся, по странамъ, донелѣже въ желаемыя предѣлы царства Ахайскаго прїиде

и во градъ вниде, и приста во входѣ моста предреченнаго, идѣже стражїе Уликсовы стояху, здравїя его блюдуще, и восхотѣ чрезъ той мостъ прейти, и возбраниша ему стражїе. Онъ же моляше ихъ, да волею прейти ему ко Уликсу дадутъ; они же не послушаху его, но паче и досаждаху ему. Настоитъ Телагонъ умильными прошенїи, а они отвергаютъ его, и обидно и сильно погнетаютъ: и сего ради Телагонъ наносимыхъ ему обидъ терпѣти не могїй отъ стражей онѣхъ, единаго отъ нихъ удари кулакомъ толь сильно, яко мертва повергъ его на землю. Се же видѣвше прочїи стражїе, абїе оружїя своя прїемлютъ, и на Телатона нападаютъ со многою яростїю. Телагонъ же отъ единаго ихъ силою мечь изъ рукъ исторже, нападе на протчихъ, и пятьнадесять отъ нихъ воиновъ уби, и въ ровъ низ-

верже. Вопль убо велїй воста о смерти убиваемыхъ, и брань крѣпцѣ умножашеся. Слышавъ же вопль той самъ Уликсъ возстаетъ вскорѣ, мня, яко отъ рабъ Теламоновыхъ нѣкто на присныхъ его стражей наступи, и сего ради спѣшно съ нѣкоею стрѣлою на вопль скоритъ, и притече къ мѣсту брани, и се зритъ воиновъ своихъ убиваемыхъ отъ юноши ему незнаема, и испусти стрѣлу свою нань, но не вреди его, вооруженъ бо бѣ. Телагонъ же восхитивъ тужe стрѣлу падшую на немъ напряженїемъ жесточайшимъ возврати на Уликса, и стрѣлою оною все тѣло его изры; не вооруженъ бо бѣ Царь. Уликсъ же отъ пораженїя онаго на землю паде, и востати не можаше; вопль же велїй и смятенїе зѣльно воста въ людехъ, и плачь великъ умножися о язвѣ царстѣй. Телагонъ же видѣвъ толикое смятенїе и плачь, вопро-

си граждан: возвѣстите ми, жестоцыи и немилостивіи людіе и враждотворніи поистиннѣ человѣцы, почто смятеніе сіе великое и плачъ воста въ васъ? и кто есть онъ мужъ, иже стрѣлою пораженный паде? Они же рѣша ему, яко той самъ Уликсъ есть. Сіе же слышавъ Телагонъ, поверже оружіе свое на землѣ, и крѣпцѣ возопивъ отъ великія горести руками лице свое біяше, и власы главы своея рваше, и пришекши ко Уликсу, при ногахъ его себе простре, и высокимъ гласомъ вопія глаголя: о горе мнѣ странному, дражайшій мой отче, преславный Царю! пріидохъ бо, видѣти хотя въ радости лице пресвѣтлаго твоего благородія; нынѣ же вмѣсто радости печаль пріяхъ неутѣшиму. Азъ бо есмь неблагочестный Телагонъ, его же ты, любимѣйшій отче, отъ Сирсы Царицы родилъ неблагочестнаго; вина бо быхъ смерти твоей царстѣй.

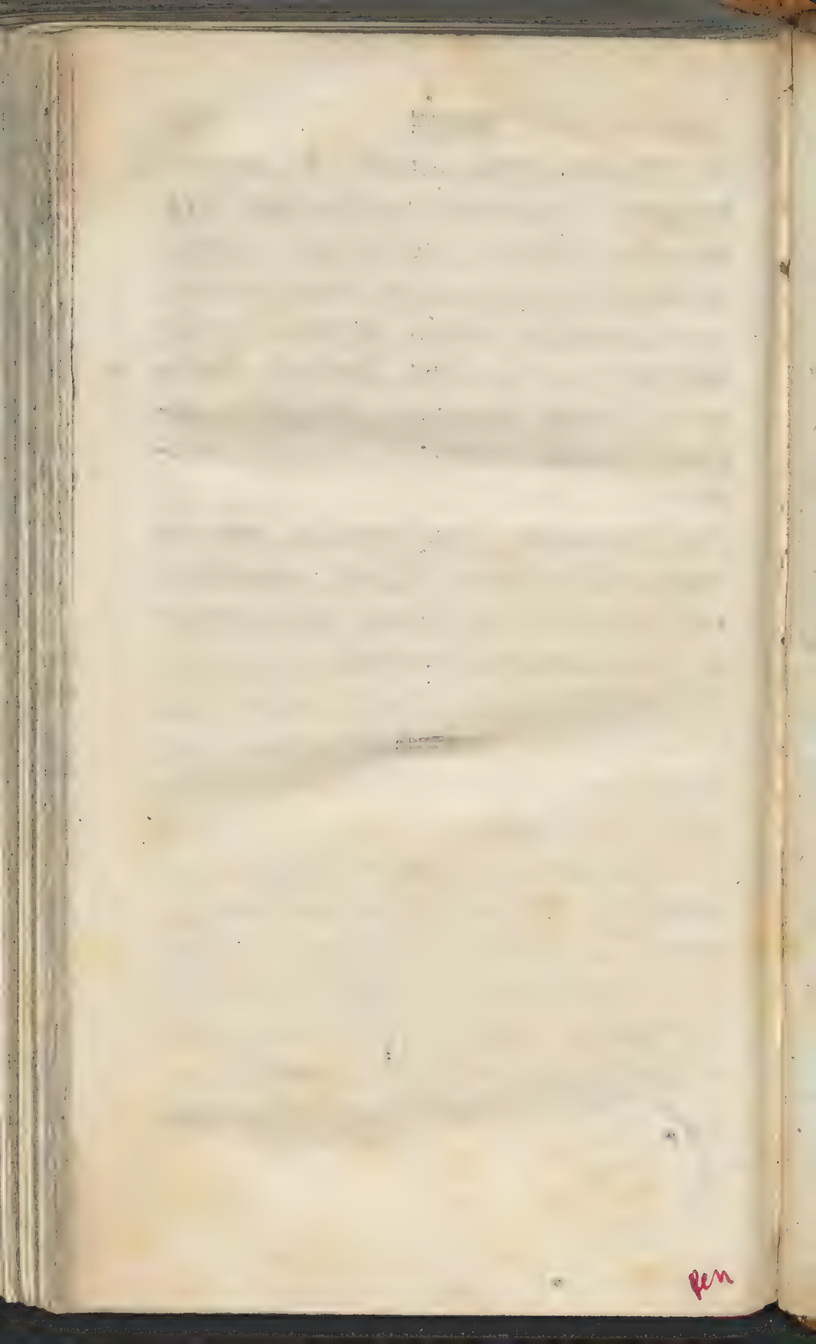
Уликсъ же утѣшаше его словесы, имиже можаше, и часто объемляше его цѣлуя. Телагонъ же паче на плачь преклоняшеся, и рыданїе умножая, слезами ноги отца своего омываше, и се Телемакъ, сынъ Царевъ, прїиде, ища Телагона, дабы ему отмстити за убїйство отца своего. Уликсъ же словесы и помаванїемъ запрещаетъ Телемаку, да не вредитъ его, но яко преискренняго и любимаго брата его къ тому да имать. Телагонъ же рече: остави его, отче, да убїетъ мя; не воздвигну бо руку мою нанъ, яко единицею азъ повергохъ оружїе мое; и къ тому не прїиму его, яко отцеубїйца есмь, и лучше ми есть, дражайшїй мой отче, мертву быти, нежели отцеубивателемъ слыти. Слышавъ же Телемакъ умиленные Телагоновы глаголы, всю вражду свою абїе отложи, и преискреннѣ объемъ его, радостнѣ цѣ-

лова. Ведется убо Уликсъ во своя царскія палаты язвенъ, ему же сынове его Телемакъ и Телагонъ послѣдуютъ плачущеся, и приведше его на одрѣ царстѣмъ положиша, идѣже Уликсъ три дни болѣвъ умре; сынове же его Телемакъ и Телагонъ честію царскою погребоша. По смерти же Уликсовѣ, сынъ его Телемакъ воспрія царство отца его, и на престолѣ Ахайстѣмъ сяде царствуя, и брата своего Телагона великою честію почитая, и держа его у себе лѣто едино и полъ, въ радости и въ веселіи велицѣмъ. А егда Теламонъ восхотѣ отыти къ матери своей во царствіе ея; тогда Царь Телемакъ, братъ его, великими и многоцѣнными царскими дары одаривъ его отпусти. И самъ Телемакъ Царь далече отъ града его проводи, и во множествѣ слезъ прощеніе сотворше, разыдошася во своя царствія.

Многая поистиннѣ и долгая поприща словесъ настоящая сія исторія прейде, и до здѣ путешествіемъ своимъ достигши умолча.

Воевахуся лѣтъ десять и мѣсяцевъ шесть. Отъ Грековъ было подъ Троею воинства 806000, сирѣчь, осмь сотъ и шесть тысящъ.

Троянъ же ратующихъ, иже на защищеніе града Трои ополчахуся, 670000, то есть, шесть сотъ и седмьдесятъ тысящъ.



18. 17. 7.1